
Эсселта Синс
better days are coming
MOON
Не принимай последнюю
Иногда самое опасное —
не то, что ты помнишь.
А то, что ты забываешь.
Не принимай последнюю.

Эсселта Синс

Не принимай последнюю

«Автор»
2026

Синс Э.

Не принимай последнюю / Э. Синс — «Автор», 2026

В Вельмире дождь смешивается с неоном, старая магия давно стала частью повседневности, а прошлое иногда оставляет следы там, где их никто не ищет.Жизнь Лиэль кажется вполне обычной — до вечера, когда рядом с привычным флаконом розовых таблеток она находит записку, написанную собственным почерком:«Не принимай последнюю. В этот раз поверь себе».Лиэль не помнит, когда оставила это предупреждение. Не понимает, чего должна бояться. И уж точно не знает, почему после него привычный город начинает казаться странно знакомым — словно хранит часть её жизни, которой нет в собственной памяти.А затем появляется человек, которого она уверена, что никогда прежде не встречала.Вот только рядом с ним её память ведёт себя иначе.

© Синс Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Семь минут до полуночи 13
Глава 2. Утро, которое ничего не объясняло 23
Глава 3. Имя, которого не должно было быть 30
Глава 4. Город без крови 40
Глава 5. Люди, которые меня знают 47
Глава 6. След на старой фотографии 58
Глава 7. Архив забытых имён 70
Глава 8. След на старой фотографии 81
Глава 9. Кай и мёртвое королевство 93
Глава 10. Человек, которого я убила 106
Глава 11. Инструкция для самой себя 116
Глава 12. Цена забвения 126
Глава 13. Девушка с белыми волосами 135
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Эсселта Синс
Не принимай последнюю

Пролог

Вельмир особенно хорошо притворялся живым после одиннадцати вечера.

Днём город был слишком занят собой: трамваи царапали рельсы, курьеры на мопедах ругались с водителями, стеклянные башни делового центра отражали серое небо, а туристы фотографировали Старый квартал так старательно, словно старые каменные фасады существовали исключительно ради их ленты. Ночью всё становилось иначе. Дождь сглаживал шум, вывески растекались по мокрому асфальту длинными розовыми и сиреневыми полосами, а готические шпили за крышами казались выше, чем при дневном свете, потому что их вершины терялись в низких облаках. Лиэль любила город именно таким.

Она шла по Розовой улице, придерживая ворот чёрного пальто одной рукой и бумажный стаканчик с кофе другой. Зонт она, разумеется, забыла дома. Покупать новый было делом принципа: три предыдущих уже лежали где-то в квартире, и четвёртый означал бы официально признать, что она человек, неспособный организовать собственную жизнь. Хотя технически человеком она не была.

Один из прохожих, спешивший навстречу, едва не задел её зонтом за острое ухо. Девушка успела отклонить голову и проводила мужчину раздражённым взглядом.

— Отлично, — пробормотала она, поправляя прилипшую к щеке прядь пепельно-розовых волос. — Ещё немного, и дождь избавит меня от необходимости носить серьги.

Никто ей, конечно же, не ответил, что было даже удобно.

На другой стороне улицы горела вывеска круглосуточной прачечной — яркая, кислотно-розовая, с одной перегоревшей буквой. Чуть дальше под старой аркой теснились автомат с сигаретами, магазин амулетов и маленькая пекарня, давно закрытая на ночь. Из вентиляционной решётки тянуло сладким тестом и корицей, и Лиэль на несколько секунд пожалела, что вместо нормального ужина купила кофе, но потом вспомнила, что дома есть лапша.

«Почти нормальный ужин», — подумала она, улыбаясь.

Дом номер семнадцать стоял ближе к концу улицы, там, где современные витрины постепенно уступали место старому кирпичу. Его фасад давно нуждался в ремонте: штукатурка осыпалась возле окон, по водосточной трубе тянулся плющ, а каменный карниз над входом был испещрён трещинами, в которых летом любили прятаться маленькие дворовые феи. Управляющая компания ежегодно обещала всё исправить и ежегодно почему-то начинала с покраски перил.

Лиэль толкнула тяжёлую дверь плечом и оказалась в тёплом подъезде, где пахло мокрыми пальто, старым деревом и чем-то травяным из квартиры госпожи Ивель. Почтовые ящики блестели тусклой латунью. На одном из них кто-то нарисовал маркером сердечко с рогами. На стене висело объявление:

«Просьба не оставлять магических животных в холле, в особенности — кусающихся!»

Под ним другой рукой было приписано:

«А немагических можно? :)»

Лиэль невольно улыбнулась и нажала кнопку лифта. Кабина поднялась не сразу, где-то внутри шахты что-то загудело, металлически лязгнуло, а потом старые двери разъехались с таким достоинством, будто именно они решали, заслуживает ли человек попасть домой.

— Только не сегодня, — предупредила Лиэль лифт, входя внутрь.

На пятом этаже свет в коридоре снова мигал.

Перед дверью квартиры 507 стояла небольшая кастрюля, накрытая тарелкой. Сверху лежала записка, написанная округлым почерком:

«Ты опять питаешься кофе. Суп. Разогреть. Ивель.»

Лиэль посмотрела на дверь соседки в конце коридора, потом на кастрюлю.

— Шпионаж, — тихо сказала она.

Из-за стены почти сразу донеслось:

— Я слышу!

Лиэль вздрогнула и повернула голову.

— У вас стены из бумаги?

— У тебя голос громкий! — отозвалась госпожа Ивель.

— Я разговаривала сама с собой.

— Вот поэтому и суп!

Лиэль закатила глаза, но кастрюлю подняла.

На её собственной двери висела розовая табличка с большими буквами:

«НЕ СТУЧАТЬ! Я И ТАК ДОМА.»

Кто-то когда-то спросил, зачем предупреждать людей не стучать, если она всё равно дома. Лиэль тогда ответила, что это философия. Но на самом деле ей просто не нравился звук неожиданного стука.

Ключ дважды провернулся в замке. В квартире было темно и прохладно. Лиэль привычно протянула руку к выключателю, но включила только лампу над кухней. Остальной свет ей вечером мешал: слишком белый, чересчур яркий. Гораздо приятнее было оставить комнаты в полумраке, где неоновые отражения с улицы ложились на стены и потолок.

Она сняла мокрое пальто, бросила его на спинку стула и сразу же поймала себя на том, что собирается оставить его там до утра.

— Нет, — сказала Лиэль самой себе, вернувшись и повесив все же пальто на крючок. Она с удовлетворением посмотрела на результат, улыбаясь. — Личностный рост.

Одноглазый плюшевый кролик с кровати, конечно же, достижение не оценил.

Квартира встречала привычным беспорядком. На сером диване лежал свёрнутый плед и две декоративные подушки, одна в форме сердца, другая — чёрная, с вышитой серебряной луной. На холодильнике под магнитами висела карта города с маленькими розовыми точками, происхождение половины которых Лиэль давно не помнила. Возле телевизора стояла чашка, которую следовало убрать ещё вчера. Или, может, позавчера? Она поставила суп на плиту и достала телефон.

Три непрочитанных сообщения от Норы.

Ты дома?

Через семь минут:

Лиэль...

Ещё через две:

Если ты умерла, предупреди заранее. Мне завтра на смену.

Лиэль сделала фотографию кастрюли и отправила. Ответ пришёл почти мгновенно.

Это что?

Девушка быстро напечатала:

Еда. Настоящая. Удивлена?

Появились три точки.

Кто тебя заставил?

Ивель.

Передай ей, что я её люблю.

Лиэль усмехнулась, поставила телефон возле раковины и начала искать чистую ложку. Она нашла две грязные, одну чайную, деревянную лопатку и открывалку для вина, которую

вообще не помнила, чтобы покупала. Нормальная ложка обнаружилась в сушилке. Пока суп грелся, Лиэль подошла к холодильнику и её взгляд задержался возле карты.

Розовые точки были разбросаны по Вельмиру без очевидной системы. Старый квартал. Площадь возле библиотеки. Несколько улиц у реки. Одна точка почти у самой городской границы. Большинство она могла объяснить: кафе, книжный, квартира Норы, мастерская, где чинили украшения. Но три или четыре места ничего ей не говорили. Лиэль провела ногтем по одной из отметок. Может, сама поставила когда-то. Скорее всего.

Она иногда делала странные вещи и потом забывала, зачем. Сохраняла фотографии вывесок. Записывала телефонные номера без имён. Покупала книги, о которых потом не помнила, что они её заинтересовали. Ничего драматичного — просто дурацкая память. По крайней мере, так было проще считать.

Суп начал кипеть. Лиэль отвлеклась, выключила плиту и перелила половину в глубокую миску. Через пять минут она сидела на диване, завернув ноги в плед, и смотрела старый сериал, который знала настолько хорошо, что могла не следить за сюжетом. Телефон снова завибрировал.

На этот раз Нора звонила.

— Если это проверка, действительно ли я ем, я сейчас повешу трубку, — сказала Лиэль, прижав телефон плечом.

— Покажи миску, — потребовала Нора. Её голос звучал шумно: где-то на заднем плане гремела посуда и кто-то смеялся.

— Ты ужасный человек.

— Миску, Лиэль.

Она переключила камеру.

— Счастлива?

— Подозрительно. Сколько ложек?

— Я не обязана отчитываться.

— Значит, три.

Лиэль улыбнулась и откинулась на спинку дивана.

— Ты ещё на работе?

— Закрываемся, — ответила Нора, а потом, судя по звуку, прикрыла микрофон ладонью и что-то резко сказала кому-то рядом. Через секунду голос стал снова отчётливым. — Ты сегодня какая-то тихая.

— Я ем суп и смотрю сериал. Какой именно уровень преступной активности ты ожидала?

— От тебя? Никогда не угадаешь.

Лиэль хотела ответить, но взгляд снова зацепился за карту.

— Нор...

— М-м?

— Я когда-нибудь рассказывала тебе, зачем поставила на карте розовые точки?

На другом конце повисла короткая пауза, недостаточно долгая, чтобы стать подозрительной, но всё же заметная.

— Какие точки?

— На холодильнике.

— А, эти... — протянула Нора, словно пытаясь вспомнить. — Ты говорила, что отмечаешь места, куда хочешь сходить.

Лиэль посмотрела на точку возле собственной библиотеки.

— Я туда хожу каждую неделю.

— Тогда места, куда уже сходила.

— Очень полезная система.

Нора засмеялась.

— Я никогда не утверждала, что ты организованный человек.

— Предательница.

— Ты сама позвонила бы мне в три утра, если бы я сказала обратное.

Лиэль провела пальцами по краю миски.

— Может быть.

— Что-то случилось?

— Нет.

— Уверена?

Она собиралась автоматически ответить "да", но почему-то задержалась. Ничего не случилось: дождь, дом, суп, карта — самая обычная ночь.

— Уверена, — сказала Лиэль наконец и подтянула плед выше. — Просто устала.

— Тогда доешь и спать.

— Ты мне не мать.

— Слава луне.

— Спокойной ночи, Нора.

— Свет в ванной оставь, — сказала она уже мягче.

Лиэль раздражённо выдохнула.

— Я и без тебя знаю.

Звонок завершился. Несколько секунд Лиэль смотрела на тёмный экран телефона.

Ей не нравилось, когда кто-то замечал эту привычку. Свет в ванной она действительно оставляла каждую ночь. Когда-то это началось из-за зеркала. По крайней мере, именно так она себе объясняла.

Большое зеркало над раковиной плохо отражало комнату в темноте. В нём всегда оставалось слишком много пространства за спиной, которое глаз почему-то пытался заполнить движением. Иногда Лиэль ловила себя на том, что чистит зубы и смотрит не на собственное лицо, а куда-то поверх своего плеча. Девушка знала, что это глупость, но свет всё равно оставляла.

После ужина Лиэль убрала миску, включила музыку и минут десять без особого успеха пыталась привести кухню в порядок. Успех заключался главным образом в том, что чашка возле телевизора наконец переместилась в раковину, где присоединилась к двум другим. На часах было 23:41. Лиэль зевнула. Перед сном оставалось ещё одно привычное действие. Она открыла верхний кухонный шкафчик.

Между банкой растворимого кофе и упаковкой обезболивающего стоял небольшой матовый флакон без этикетки. Лиэль достала его и потрясла. Внутри тихо перекатились таблетки — розовые, небольшие. Она принимала их каждый вечер. Когда именно началось это "всегда", Лиэль не могла бы сказать.

Если бы кто-нибудь спросил, зачем они ей, она наверняка придумала бы нормальный ответ: что-нибудь про витамины, сон, нервы или мигрени. У неё даже существовало смутное убеждение, что когда-то какой-нибудь доктор всё объяснял, просто пояснение оказалось настолько скучным, что мозг выбросил его за ненадобностью. Лиэль никогда особенно об этом не думала.

Таблетка была частью вечера так же, как выключенный телевизор, зарядка телефона и свет в ванной. Она высыпала одну на ладонь, поставила флакон на стол и потянулась за стаканом. Только тогда Лиэль заметила небольшой сложенный лист под флаконом и остановила руку. Несколько секунд эльфийка просто смотрела на обычную белую бумагу, чуть помятую по краю. Она не помнила, чтобы клала её сюда. Это само по себе ничего не значило. Лиэль прекрасно могла написать себе список покупок, положить под таблетки и забыть. Девушка взяла лист двумя пальцами и развернула.

На внутренней стороне крупными неровными буквами было написано:

«НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ.»

Лиэль перечитала предупреждение, посмотрела на таблетку в ладони и снова на записку.

— Очень смешно, — произнесла она негромко, хотя в квартире, кроме неё, смеяться было некому.

Первая мысль оказалась раздражённо-практичной: Нора. Вторая — госпожа Ивель. Третья появилась уже через несколько секунд и понравилась Лиэль значительно меньше: кто-то заходил в квартиру. Она положила таблетку на стол и обошла комнаты: входная дверь была заперта, окно в спальне закрыто, балконная защёлка тоже. Никаких следов чужого присутствия, перевёрнутых ящиков или пропавших вещей. Она проверила даже шкаф, а потом разозлилась на себя за то, что проверила его.

— Великолепно, — пробормотала Лиэль, закрывая дверцу чуть громче необходимого. — Сейчас ещё под кровать загляни.

Под кровать девушка не заглянула. Вернувшись на кухню, она сфотографировала записку и отправила Норе.

Ответ пришёл через полминуты.

Что это?

Я надеялась, ты мне скажешь.

Пауза.

Ты думаешь, это я?

А это ты?

На этот раз Нора отвечала дольше.

Нет.

Лиэль смотрела на экран.

Очень убедительно.

Телефон зазвонил. Она приняла вызов.

Лиэль осталась стоять у кухонного стола, не садясь. Записка лежала перед ней рядом с розовой таблеткой, и от этого соседства обе вещи выглядели подозрительнее, чем минуту назад. Она прижала телефон к уху и большим пальцем машинально разгладила сгиб на бумаге.

— Я серьёзно, — сказала Нора без приветствия. Шум ресторана исчез, похоже, она уже вышла на улицу. — Я ничего тебе не оставляла.

За её голосом слышался влажный уличный шум: проехала машина, где-то хлопнула дверь, ветер коротко ударил в микрофон. Нора говорила быстрее обычного, и это выдавало тревогу сильнее, чем сама фраза.

— У Ивель нет ключей.

— У меня тоже.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

Лиэль снова посмотрела на записку.

— Потому что мне не нравится другой вариант.

Лиэль сказала это уже без насмешки. Ноготь остановился на краю записки, а взгляд невольно ушёл в тёмный коридор.

Нора замолчала.

— Дверь была закрыта?

— Да.

— Окна?

Отвечая, Лиэль всё же отошла от стола и ещё раз посмотрела в сторону спальни. Ей не хотелось признавать, что простой вопрос Норы заставил повторно проверить то, в чём пять минут назад она была уверена.

— Да.

— Ты уверена, что сама не написала?

Лиэль перевела взгляд на буквы.

— Я бы помнила.

Ответ прозвучал увереннее, чем она чувствовала. Нора не стала этого комментировать.

— Сфотографируй почерк крупно.

— Уже.

— И таблетки.

— Зачем?

Нора выдохнула в трубку так, будто ответ казался ей очевидным, но она заставляла себя объяснять спокойно. Лиэль знала эту манеру: чем сильнее подруга пугалась, тем практичнее становились её вопросы.

— Потому что я хочу понимать, что значит "последнюю".

Лиэль почувствовала неприятное движение где-то под рёбрами. До этого момента она специально не думала о формулировке. Не "не принимай таблетку". Не "перестань принимать". Именно: "последнюю".

Она взяла флакон, но считать таблетки Лиэль не стала — почему-то не захотела.

— Может, просто кто-то решил меня напугать, — сказала Лиэль, пытаясь вернуть голосу привычную насмешку. — Очень нишевая форма терроризма. Угроза соблюдению режима приёма таблеток.

— Лиэль...

— Что?

— Не пей сейчас.

— Почему? — Девушка посмотрела на розовую таблетку возле стакана.

— Потому что ты не знаешь, кто написал это.

— Именно поэтому я не собираюсь подчиняться запискам неизвестных психопатов.

— И именно поэтому не нужно делать наоборот только назло неизвестному психопату.

Лиэль скривилась и отвела взгляд от таблетки. Раздражение оказалось почти спасительным: спорить с Норой было куда привычнее, чем стоять на собственной кухне и гадать, кто мог войти в запертую квартиру.

Лиэль провела языком по внутренней стороне щеки, ненавидя, когда Нора была права.

— Это моя обычная таблетка.

— Тогда один пропуск тебя не убьёт.

Лиэль ничего не ответила.

— Ведь не убьёт? — Уловив паузу, спросила Нора.

— Откуда мне знать?

Слова вырвались слишком быстро, и обе замолчали. Лиэль нахмурилась: странность была не в том, что инструкция потерялась, а в том, что она вообще не могла её вспомнить. Не могла вспомнить название. Не могла вспомнить упаковку, в которой таблетки когда-то продавались. Даже врача — если врач вообще существовал. В памяти не было конкретной сцены, где ей впервые дали этот флакон. Только ощущение, что так надо, будто привычка появилась раньше причины.

— Лиэль? — голос Норы стал осторожнее.

— Всё нормально.

— Ты сейчас сказала это очень неубедительно.

На другом конце снова повисла пауза. Нора не давила и не задавала следующий вопрос, но именно это молчание заставило Лиэль сильнее сжать флакон в пальцах.

— Я просто устала...

Она взяла флакон и покрутила его между пальцами. Матовая поверхность оставалась без этикетки; только на дне виднелась потёртая серебристая полоска, которую Лиэль раньше считала заводской маркировкой.

— Я сегодня не выпью, — сказала Лиэль после долгого молчания. — Только потому, что хочу проверить одну вещь.

— Какую?

— Случится ли что-нибудь.

Она попыталась произнести это как шутку, однако сама услышала, что голос уже не поддерживает привычную лёгкость. За окном по стеклу прошуршал дождь, и кухня на мгновение показалась слишком тихой для места, где несколько минут назад всё было совершенно нормально.

— Великолепный научный метод.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я хочу, чтобы ты закрыла дверь на цепочку.

Тревога у Норы снова мгновенно превратилась в список конкретных действий. Лиэль почти видела, как подруга мысленно проверяет всё, до чего сама не может дотянуться с другого конца города.

— Она уже закрыта.

Лиэль всё равно подошла к двери и коснулась пальцами холодного металла цепочки. Та была на месте. Проверка ничего не изменила, но на секунду вернула ощущение, что хотя бы некоторые вещи в этой ночи подчиняются обычным правилам.

Лиэль посмотрела в коридор.

— И напиши мне утром.

— Напишу.

— Не в двенадцать дня.

— Для меня это утро.

В трубке раздался короткий усталый смешок. Нора, похоже, позволила себе его только потому, что Лиэль наконец снова начала спорить как обычно.

— В девять.

— Нора...

— В десять.

— Одиннадцать.

— Десять тридцать, — отрезала Нора после демонстративной паузы, но в голосе уже слышалось облегчение.

Лиэль невольно улыбнулась.

— Договорились.

После звонка квартира стала тише. Музыка давно закончилась, и теперь слышно было только дождь, постукивавший по стеклу, да далёкий шум машин с Розовой улицы. Лиэль убрала таблетку обратно во флакон, потом задумалась и положила записку рядом. Она не выбросила её — на всякий случай.

В ванной эльфийка умылась, почистила зубы и старательно не смотрела в зеркало дольше необходимого. Волосы были влажными после дождя и спутались на концах, под глазами размазалась тёмная тушь. Ничего необычного — обычная Лиэль. Она выключила верхний свет. Лампу над зеркалом оставила.

В спальне город отражался в стекле огромного окна. Розовые вывески, жёлтые фонари, мокрые крыши, редкие огни в чужих квартирах. Где-то далеко над Старым кварталом поднимались тёмные шпили, почти сливавшиеся с небом. Лиэль забралась под одеяло и взяла кролика.

— Если меня завтра найдут убитой из-за таблетки, — сказала она ему, укладывая игрушку рядом, — официально разрешаю тебе дать показания.

Кролик смотрел единственным чёрным глазом.

— Именно такого уровня поддержки я и ожидала, — рассмеялась девушка.

Она выключила прикроватную лампу. Комната погрузилась в мягкую темноту, оставив только полосы неона на потолке. Лиэль закрыла глаза. Несколько минут ничего не происходило.

Потом пришло ощущение — не звук и не движение, а внезапная уверенность, что за окном кто-то есть. Она открыла глаза. Сердце ударило чуть сильнее. Она была на пятом этаже; за окном не могло быть никого.

Лиэль лежала неподвижно, прислушиваясь, и ругала себя за собственное воображение. Дождь, машины, старая труба в стене, скрип лифта — всё это были нормальные звуки. Она уже собиралась повернуться на другой бок, когда свет от вывески напротив на секунду погас. За стеклом проступил высокий тёмный силуэт, стоявший на другой стороне улицы под фонарём. Лиэль резко приподнялась. Человек не двигался.

Расстояние было слишком большим, дождь слишком плотным, чтобы различить лицо. Только тёмное пальто и бледное пятно там, где свет фонаря касался кожи. Ей показалось, что он смотрит в сторону её дома, но Лиэль тут же одёрнула себя: она не могла знать, куда именно направлен его взгляд. Она заставила себя выдохнуть.

Обычный прохожий: кто-то ждёт такси, курит или просто стоит под фонарём, потому что люди иногда делают бессмысленные вещи и не обязаны объяснять их Лиэль. Свет вывески снова вспыхнул, залив улицу розовым. Под фонарём никого не было. Лиэль ещё долго смотрела на пустой тротуар. Потом медленно перевела взгляд на тумбочку. Записки там не было.

Она застыла и несколько секунд пыталась вспомнить, куда положила записку. Конечно, на кухне, рядом с флаконом. Лиэль раздражённо провела ладонью по лицу и легла обратно.

— Хватит, — тихо сказала она себе.

Дождь продолжал стекать по окну длинными серебристыми дорожками. В ванной горел свет.

На кухне, между стаканом воды и матовым флаконом с розовыми таблетками, лежал сложенный белый лист.

А под крупными словами, которых Лиэль раньше не заметила, в самом нижнем углу была ещё одна строчка. Написанная намного мельче и почти стёртая:

«В этот раз поверь себе.»

Глава 1. Семь минут до полуночи

На следующее утро Лиэль проснулась в десять двадцать семь и некоторое время не открывала глаз, словно пыталась сначала понять собственное состояние, а уже потом соглашаться с существованием нового дня. За окном размеренно шуршал дождь, по старым трубам где-то в стене проходила вода, а из квартиры этажом выше доносился приглушённый гул пылесоса; всё это складывалось в настолько привычный утренний шум, что вчерашний вечер на несколько секунд показался ей странным сном, оставившим после себя только неприятное ощущение, которое никак не удавалось вспомнить до конца.

Потом память вернулась сразу: матовый флакон на кухонном столе, сложенный лист бумаги, крупные неровные буквы и розовая таблетка, которую она впервые за неизвестно сколько времени сознательно не приняла.

Лиэль открыла глаза и прислушалась уже не к квартире, а к себе. В голове не шумело, желудок не сводило, руки не дрожали, сердце билось спокойно, и даже та тяжесть за глазами, которая иногда появлялась после слишком долгого сна, сегодня отсутствовала. Она ожидала хотя бы какого-то изменения, пусть самого незначительного, однако тело отвечало ей почти оскорбительной нормальностью, словно привычный вечерний ритуал с таблеткой никогда не имел особенного значения.

Телефон лежал экраном вниз возле подушки. Стоило Лиэль протянуть руку, как дисплей вспыхнул сообщением от Норы, отправленным семь минут назад:

У тебя десять минут, прежде чем я начну звонить.

Уголки губ сами собой дрогнули. Лиэль подтянула к себе одноглазого плюшевого кролика, прижала его потрёпанную морду к щеке и сделала фотографию, на которой её собственное лицо почти полностью скрывали спутанные пепельно-розовые волосы.

Жива. Свидетель подтверждает.

Ответ пришёл настолько быстро, будто Нора всё это время сидела с открытым чатом.

Свидетель выглядит подкупленным.

Он неподкупен. У него нет второго глаза, но есть принципы.

Следующее сообщение оказалось уже без шутки:

Как ты себя чувствуешь?

Лиэль собиралась ответить привычным «нормально», но неожиданно задержалась. Она снова провела внутреннюю проверку, словно теперь от одного неверного ощущения зависела правильность вчерашнего решения, и только убедившись, что ничего странного действительно не происходит, написала:

Так же, как всегда. Даже слишком.

Через несколько секунд телефон зазвонил.

— Ты решила, что письменного допроса недостаточно? — спросила Лиэль, принимая вызов и выбираясь из постели. Холодный пол неприятно обжёг босые ступни, поэтому она машинально подобрала с кресла тёплые носки и натянула их прямо на ходу.

— Я хочу слышать твой голос, — ответила Нора, перекрывая гул кофемашины. Судя по звону посуды и чужим разговорам на заднем плане, она уже была на работе. — Ты вчера нашла у себя дома записку неизвестно от кого, решила не принимать таблетки, происхождение которых сама не можешь объяснить, а теперь удивляешься, что я проверяю, проснулась ли ты.

— Когда ты так перечисляешь, моя жизнь звучит гораздо интереснее, чем ощущается изнутри.

— Голова болит?

— Нет, — Лиэль подошла к окну и отодвинула штору, впуская в комнату холодный серый свет. — Тошноты тоже нет, руки не дрожат, голосов не слышу и пока не превратилась в чудовище, хотя утро ещё длинное.

— Очень смешно.

— Мне тоже нравится.

Она провела ладонью по запотевшему краю стекла и посмотрела вниз, на Розовую улицу. Ночной неон почти исчез в дневном свете, зато мокрый асфальт по-прежнему блестел, трамвайные рельсы тянулись серебристыми полосами, а редкие прохожие двигались под прозрачными зонтами, стараясь не наступать в особенно глубокие лужи. Под фонарём напротив, где прошлой ночью ей привиделся или действительно стоял человек в тёмном пальто, теперь не было ничего, кроме струящейся по металлу воды.

— И тебя совсем не беспокоит, что после пропуска ничего не произошло? — голос Норы стал тише.

Лиэль некоторое время смотрела на пустой тротуар, прежде чем ответить.

— Как раз это и беспокоит, — призналась она, нахмурившись. — Я столько времени принимала эти таблетки автоматически, будто без них обязательно случится что-то плохое, а теперь выясняется, что могу просто не выпить одну и спокойно проснуться утром. Получается, либо они мне вообще не нужны, либо я не знаю о них чего-то настолько важного, что сама мысль начинает раздражать.

Нора на другом конце замолчала ненадолго, и Лиэль услышала, как она куда-то отходит от стойки; шум посуды стал глуше.

— Ты правда ничего не помнишь о том, кто их тебе дал? — спросила она уже серьёзнее.

— Только само ощущение, что я должна их принимать, — Лиэль прислонилась плечом к оконной раме, чувствуя прохладу сквозь тонкую футболку. — Никакого врача, никакой аптеки, даже упаковку не могу вспомнить. Флакон как будто всегда стоял у меня в шкафу, а я никогда не задавалась вопросом, откуда он взялся.

— Тогда сегодня не принимай ничего, пока не разберёшься.

Лиэль тихо усмехнулась и покачала головой, хотя Нора этого не видела.

— Ты вчера говорила ровно то же самое.

— Потому что за ночь неизвестный человек не прислал объяснительную записку с печатью и подписью, — отрезала Нора, а затем голос её смягчился. — Я не пытаюсь тобой командовать. Просто не хочу, чтобы ты делала что-то назло только потому, что тебя бесит сам факт чужого запрета.

Именно это Лиэль раздражало сильнее всего: Нора слишком хорошо её знала.

— Я подумаю, — ответила она, сразу понимая, насколько неубедительно звучит эта формулировка.

— Вот эту фразу я ненавижу особенно.

— Почему?

— Потому что обычно она означает: «я уже всё решила и теперь хочу, чтобы окружающие устали спорить».

Лиэль улыбнулась, опуская взгляд на подоконник.

— Это называется дипломатия.

— Это называется дурной характер, — Нора на секунду замолчала, а затем добавила: — И выйди сегодня из дома. Посиди у Миры, зайди в кафе, купи наконец нормальный зонт. Только не проводи весь день на кухне, разглядывая записку.

— Новый зонт — слишком серьёзное жизненное решение.

— Ты живёшь в городе, где дождь идёт чаще, чем люди говорят «доброе утро».

— Именно поэтому я принципиально не собираюсь поддерживать этот рынок.

— Иногда мне кажется, что ты можешь превратить отсутствие здравого смысла в убеждение.

— Это одна из моих лучших черт.

Разговор закончился привычным обещанием написать вечером, но после звонка квартира показалась Лиэль слишком тихой. Пока Нора говорила, вчерашняя странность отступала куда-то на периферию, становясь очередной историей, которую можно пересказать с сарказмом; стоило остаться одной, как мысль о записке снова заняла своё место, незаметно меняя отношение к самым обычным вещам.

На кухне всё выглядело ровно так, как она оставила ночью. Флакон стоял возле стены, сложенный лист лежал рядом, а на столе сохранился едва заметный круг от стакана с водой. Лиэль сначала включила чайник, затем нашла в холодильнике сыр, поджарила хлеб и специально занялась завтраком, словно хотела доказать самой себе, что загадочные предупреждения не освобождают от необходимости есть. Только устроившись за столом с чашкой кофе, она развернула бумагу.

«НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ.»

Ниже мелким почерком:

«В этот раз поверь себе.»

Утренний свет не сделал эти слова менее странными. Наоборот, простота бумаги и обычная синяя ручка раздражали сильнее любых магических символов: если бы буквы светились, менялись или хотя бы пахли озоном, можно было бы обвинить магию, но записка выглядела так, словно кто-то спокойно сел за её стол, написал предупреждение и ушёл.

Лиэль задержалась на второй строке, которую вчера вечером либо не заметила, либо она появилась позже. Второй вариант ей показался не самым приятным, но она решила придерживаться первого, отгоняя непрощённый мысли. Выражение «в этот раз» предполагало существование какого-то предыдущего случая, а она не могла вспомнить ничего, что подходило бы под смысл фразы. Попытка списать всё на чью-то дурную шутку становилась менее убедительной именно потому, что шутник должен был слишком хорошо знать её привычки.

Она выдвинула кухонный ящик, достала ручку и на обратной стороне рекламной листовки несколько раз написала своё имя, адрес, случайные слова, а затем полностью повторила обе фразы из записки. Сначала сходство показалось незначительным, но после нескольких минут сравнения Лиэль заметила похожий наклон заглавных букв и одинаково вытянутую нижнюю петлю в некоторых знаках. Этого было недостаточно для вывода, однако достаточно, чтобы внутри появилось неприятное ощущение, словно она случайно заглянула в щель двери, которую пока не собиралась открывать.

Чем дольше она смотрела, тем меньше доверяла собственному восприятию. Если заранее ожидать совпадения, его можно найти почти в любом почерке, поэтому Лиэль смяла экспериментальный лист и бросила в корзину, но сразу же поймала себя на том, что сделала это с излишней поспешностью.

— Прекрасное утро, — пробормотала она, обхватывая ладонями чашку. — Осталось только выяснить, не веду ли я тайную переписку сама с собой.

Ответом ей был только негромкий гул холодильника.

Через несколько минут Лиэль открыла флакон и высыпала одну таблетку на ладонь, стараясь рассмотреть поверхность при хорошем свете. Она была небольшой, гладкой, ровного розового цвета, с тонкой линией посередине; ни букв, ни цифр, ни названия производителя обнаружить не удалось. Поиск по фотографии дал ровно тот результат, которого она опасалась: десятки внешне похожих лекарств, витамины, успокоительные средства, добавки, леденцы и несколько страниц, которые лучше было вообще не открывать. Лиэль уже собиралась закрыть браузер, когда телефон завибрировал от сообщения Миры.

Ты сегодня придёшь?

Она нахмурилась и открыла календарь. На четырнадцать ноль-ноль действительно стояло напоминание: МИРА, созданное больше двух недель назад, однако ни одной дополнительной заметки рядом не было.

Это должно было показаться обычным. Лиэль регулярно записывала встречи именно потому, что могла забыть незначительную договорённость, особенно если между ней и событием проходило несколько недель. И всё же после вчерашней записки даже такая привычная рассеянность начала ощущаться иначе, будто кто-то незаметно изменил освещение и те же вещи вдруг отбрасывали другие тени.

Приду. Напомни только, зачем я вообще тебя мучаю.

Мира ответила не сразу.

Ты просила отложить книгу.

Лиэль позволила себе немного расслабиться. Обычная забытая книга была именно тем объяснением, которого ей сейчас хотелось.

***

К двум часам дождь усилился, и Розовая улица покрылась тонкой водяной дымкой. Лиэль всё равно вышла без зонта, спрятав волосы под капюшон и перемещаясь от одного козырька к другому с той уверенностью, с какой люди обычно совершают давно привычные глупости.

Вельмир под дождём почти всегда казался красивее, чем в ясную погоду. Тёмный кирпич старых домов становился насыщеннее, неоновые вывески растекались по мокрому асфальту розовыми и лиловыми пятнами, а высокие башни Старого квартала исчезали верхушками в низком сером небе. Даже современные стеклянные здания здесь не выглядели чужеродно: отражённые в их фасадах готические шпили и старые арки делали город похожим на место, которое постоянно строилось поверх самого себя и ни разу не потрудилось окончательно решить, к какому времени принадлежит.

Для туристов Вельмир был «городом магии», хотя Лиэль всегда находила это выражение смешным. Магия здесь давно стала частью быта и потеряла большую часть величия: ведьмы ругались с коммунальными службами из-за перебоев защитных чар, вампиры опаздывали на работу, оборотни спорили с владельцами химчисток, а маленькие феи в плохую погоду толпились под автобусными навесами, недовольные тем, что крылья намокают быстрее чужих пальто. Именно эту обыденность Лиэль любила больше всего.

Библиотека стояла на границе Старого квартала, где каменные фасады ещё сохраняли старые гербы и декоративные водостоки в форме звериных голов. Снаружи здание выглядело настолько торжественно, что случайный посетитель мог решить, будто внутри запрещено разговаривать громче шёпота, но впечатление быстро разрушалось автоматом с кофе возле гардероба и большой наклейкой с толстым котом на стойке возврата.

Мира сидела в глубине читального зала за длинным столом, почти полностью скрытым под книгами, распечатками и цветными закладками. Короткие чёрные волосы были привычно убраны за уши, круглые очки сползли ближе к кончику носа, а поверх раскрытого справочника лежало меню доставки лапши.

Лиэль сняла мокрое пальто и опустилась напротив.

— Если моя книга находится внутри этой конструкции, можешь сразу признаться, что ты её потеряла, — сказала она, оглядывая стопки.

— Люди без архивного образования всегда принимают систему за хаос, — ответила Мира, подняв на неё спокойный взгляд. Она безошибочно вытянула из середины стопки тонкую книгу в тёмно-зелёной обложке, после чего едва заметно усмехнулась. — Видишь?

— У тебя сверху лежит меню.

— Система предусматривает питание.

Лиэль уже потянулась к книге, но Мира не сразу убрала ладонь с обложки. Её взгляд задержался на лице подруги чуть дольше обычного, а затем скользнул к влажным волосам и тёмным кругам под глазами.

— Ты плохо спала? — спросила она.

— Если это попытка сделать комплимент, тебе нужно больше практики.

— Это наблюдение.

— Тогда, к сожалению, точное, — усмехнулась Лиэль.

Шутка не заставила Миру улыбнуться. Она лишь подровняла край лежавшего перед ней листа по кромке стола — почти незаметный жест, который Лиэль давно научилась замечать: когда архивистка беспокоилась, мир вокруг неё должен был хотя бы на несколько миллиметров становиться аккуратнее.

Мира откинулась на спинку стула, не сводя с неё глаз.

— Что произошло?

Лиэль собиралась отделаться шуткой, однако именно спокойствие Миры заставило её передумать. Рядом с Норой легче было смеяться над происходящим, тогда как Мира умела смотреть на странные вещи без паники и без попытки немедленно найти им удобное объяснение. Она достала телефон и открыла фотографию записки.

— Вчера вечером нашла это у себя дома, — произнесла Лиэль, подвигая экран через стол. — Лист лежал под флаконом с таблетками, хотя я совершенно не помню, чтобы его туда клала.

Мира наклонилась ближе. Её лицо почти не изменилось, но пальцы, до этого лениво лежавшие на краю книги, перестали двигаться, и эта едва заметная неподвижность оказалась выразительнее любой резкой реакции.

— «Не принимай последнюю», — прочитала она негромко, после чего взгляд перешёл на вторую строку. — «В этот раз поверь себе».

Лиэль наблюдала за ней внимательнее, чем собиралась.

— Узнаёшь почерк?

Мира подняла глаза не сразу.

— Нет.

Ответ прозвучал ровно, но в нём была та аккуратность, которая всегда появлялась у Миры, когда она старалась сказать ровно столько, сколько считала безопасным.

— Кто-нибудь мог зайти в квартиру? — спросила она.

— Если мог, то сделал это очень воспитанно: ничего не украл, не разбил и оставил мне только загадочный совет по лекарствам, — Лиэль положила локти на стол и чуть подалась вперёд. — У Норы ключа нет, у Ивель тоже. Дверь была закрыта.

Мира снова посмотрела на фотографию.

— Таблетку ты вчера не принимала?

— Нет.

— И никаких последствий?

— Пока никаких.

Эта короткая последовательность вопросов окончательно насторожила Лиэль.

— Почему ты первым делом спрашиваешь именно об этом? — спросила она, не отводя взгляда.

Мира сняла очки и начала протирать стекло краем рукава. Движение было привычным, но Лиэль знала его слишком хорошо: Мира часто так делала, когда хотела выиграть несколько секунд перед ответом.

— Потому что предупреждение относится к таблеткам, — произнесла она наконец. — Было бы странно спрашивать о погоде.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю.

— Тогда ответь нормально.

Мира вернула очки на место и несколько секунд смотрела на неё совершенно прямо.

— Я знаю только то, что ты принимаешь эти таблетки давно. Кто их тебе дал и что именно они делают, ты никогда мне подробно не рассказывала.

— Никогда?

— По крайней мере, я не помню такого разговора.

Формулировка была осторожной настолько, что Лиэль это почувствовала, но поймать её на прямой лжи оказалось невозможно.

— Если после пропуска или после следующей таблетки ты почувствуешь что-то необычное, позвони мне, — добавила Мира. — Не потому, что я знаю ответ, а потому, что теперь есть повод наблюдать.

— Ты невероятно умеешь говорить так, чтобы после разговора вопросов становилось больше.

Уголок губ Миры чуть дрогнул.

— За это мне платят.

— Я думала, тебе платят за книги.

— Это прикрытие.

Лиэль всё же улыбнулась, и напряжение немного ослабло. Мира наконец протянула ей тёмно-зелёную книгу.

На обложке серебряными буквами было написано:

«Архитектура Вельмира: город под городом».

Лиэль несколько секунд смотрела на название.

— Я сама попросила это отложить?

— Три недели назад, — ответила Мира, снова принимаясь за бумаги. — Причём довольно настойчиво. Тебя особенно интересовали старые планы Старого квартала до реконструкции.

— Я сказала зачем?

— Нет. Ты пришла, спросила про старое издание, записала несколько названий и ушла.

Лиэль провела пальцем по корешку. Внутри шевельнулось слабое чувство знакомости, но оно было настолько неуловимым, что попытка ухватиться за него сразу заставила ощущение исчезнуть.

Три недели назад она помнила достаточно хорошо: ужин с Норой, сломанный чайник, неудачную покупку куртки, которую потом вернула в магазин. Встречи с Мирой в памяти не было.

— Не превращай это сразу в доказательство большого провала, — сказала Мира, угадав направление её мыслей. — Люди забывают встречи.

— Ты читаешь меня настолько легко, что это уже невежливо.

— Ты сейчас буквально смотришь на книгу как на улику с места преступления.

Лиэль опустила взгляд на обложку и нехотя признала, что Мира права.

***

Домой она вернулась ближе к вечеру, промокшая ровно настолько, чтобы пожалеть об отсутствии зонта, но недостаточно, чтобы купить его по дороге. Розовая улица отражала вывески в лужах, из пекарни под старой аркой тянуло свежим хлебом, а госпожа Ивель развесила на пожарной лестнице пучки трав, совершенно не обращая внимания на влажный воздух.

Лиэль остановилась у окна между этажами и несколько секунд наблюдала, как соседка поправляет верёвку.

— Они никогда не высохнут, — сказала она.

Госпожа Ивель подняла голову и посмотрела на неё с выражением человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Я ведьма, дорогая.

Лиэль задумчиво кивнула.

— Снимаю возражение.

Поднимаясь дальше по лестнице, она неожиданно почувствовала себя спокойнее. Подобные мелочи возвращали ощущение настоящего лучше любых рациональных объяснений: Ивель, сушащая травы под дождём, Нора, контролирующая её завтраки, сосед сверху, который уже несколько недель ошибался в одном и том же месте фортепианной пьесы. Эти вещи существовали вне всяких загадок и напоминали, что жизнь Лиэль не начиналась с найденной записки.

В квартире она включила только тёплую лампу над кухонным столом, переоделась в большой чёрный свитер и вытерла волосы полотенцем. Книгу Миры сначала собиралась отложить до завтра, но любопытство победило быстрее, чем хотелось признавать.

Первые страницы оказались довольно скучными: даты перестроек, изменения городских границ, описание старых укреплений. Лиэль уже начала жалеть, что вообще открыла книгу, когда добралась до карт.

Старый Вельмир выглядел знакомым и в то же время совершенно чужим. Некоторые улицы за несколько веков поменяли направление, современные площади когда-то были тесными кварталами, а под отдельными зданиями отмечались фундаменты и проходы, давно скрытые под новым городом. Лиэль листала страницы без особого интереса до тех пор, пока взгляд не задержался на плане Старого квартала. Что-то в расположении отмеченных мест показалось ей знакомым.

Она сняла с холодильника свою карту с розовыми точками и положила рядом с книгой. Масштаб не совпадал, линии улиц за века изменились, поэтому сравнивать было неудобно, но несколько отметок всё равно ложились подозрительно близко к старым объектам: одна — возле фонтана, другая — в районе бывшей северной стены, ещё одна — рядом с местом, где теперь находилась библиотека. Лиэль медленно провела пальцем по собственной карте. Эти точки она поставила сама. По крайней мере, ей всегда так казалось. Она не помнила, зачем отметила именно эти места.

Мысль неприятно перекликалась с утренней запиской и забытым заказом книги, поэтому Лиэль сделала несколько фотографий страниц, вернула карту на холодильник и сознательно закрыла книгу. На сегодня ей хватало.

Остаток вечера она посвятила тому, чтобы вернуть себе ощущение обычной жизни. Приготовила макароны с сыром, переписывалась с Норой о посетителе, который пытался доказать, что оборотни обязаны получать скидку на мясо, бездумно смотрела короткие видео и даже затеяла уборку полки в ванной, закончившуюся тем, что все баночки просто переместились из одного угла в другой.

К половине двенадцатого она уже почти убедила себя, что день закончится спокойно. Потом взгляд снова упал на кухонный шкаф.

Флакон находился внутри, за закрытой дверцей, но Лиэль знала о его присутствии слишком хорошо. Несколько раз она пыталась заняться чем-нибудь другим, однако мысль возвращалась к одному вопросу: что будет, если сегодня снова не принять таблетку, и что будет, если принять?

Ни один вариант не был действительно её решением, потому что один подчинялся страху, а другой — сопротивлению чужому предупреждению. В 23:49 Лиэль всё-таки достала флакон. Записку она тоже вынула из ящика и положила рядом.

"НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ."

Она перечитала первую строку несколько раз, сознательно не позволяя себе додумывать то, чего там не было. Запрет касался последней таблетки, а не всех таблеток вообще. Внутри

флакона оставалось ещё несколько — это было слышно по тихому стуку, когда она слегка наклонила его. Но пересчитывать их Лиэль не стала.

На кухонном стуле сидел одноглазый кролик, принесённый из спальни исключительно потому, что разговаривать с игрушкой оказалось менее глупо, чем вести спор с запиской.

— Если ты сейчас меня осуждаешь, напоминаю, что сам последние пять лет не принимаешь ни одного самостоятельного решения, — сказала Лиэль, покосившись на его потрёпанную морду.

Кролик сохранял безмолвное достоинство.

— Именно поэтому с тобой невозможно спорить.

Она улыбнулась, однако шутка не сняла напряжения.

Мира не сказала ей прекращать приём. Нора советовала не принимать ничего до выяснения. Записка предупреждала только о последней таблетке. Вчерашний пропуск не вызвал заметных последствий, но это ничего не доказывало.

Чем дольше Лиэль сидела перед флаконом, тем больше раздражало само ощущение, что кто-то — неизвестный автор, подруги, собственное забытое прошлое — пытается участвовать в её выборе.

Она высыпала одну таблетку на ладонь и некоторое время смотрела на гладкую розовую поверхность, прежде чем положить её на язык и запить водой. Телефон показывал 23:53. До полуночи оставалось семь минут.

Лиэль не почувствовала ничего необычного. Вкус воды, прохладное стекло стакана, тихое гудение холодильника и приглушённая музыка из соседней квартиры оставались такими же, как секунду назад. Это принесло почти физическое облегчение, и она позволила себе усмехнуться над собственной тревогой, убирая флакон обратно в шкаф.

— Если через пять минут ничего не случится, официально объявляю сегодняшний вечер бессмысленным, — сказала она кролику и выключила кухонный свет.

В ванной горела оставленная с вечера лампа над зеркалом. Лиэль никогда не выключала её на ночь, хотя точную причину этой привычки давно перестала искать.

Она открыла воду, смыла остатки макияжа и собрала влажные волосы назад, открывая лицо. Серебряный кулон-полумесяц лежал у ключицы, холодный после улицы, тёмные следы туши ещё оставались под нижними ресницами, и Лиэль наклонилась ближе к зеркалу, стараясь убрать их ватным диском. Мужчину она заметила не сразу.

Сначала мозг воспринял тёмную фигуру в коридоре как часть привычного отражения, и только через мгновение Лиэль поняла, что за её спиной не должно быть никого. Она перестала двигаться.

В зеркале, в нескольких шагах от двери ванной, стоял высокий мужчина в чёрном пальто. Свет из комнаты почти не касался его лица, поэтому черты расплывались в полумраке, однако Лиэль различала тёмные волосы, бледную кожу и светлые глаза, которые были направлены прямо на неё. Страх пришёл не первым. Раньше него появилось совершенно другое ощущение — мучительное, необъяснимое узнавание. Лиэль не знала этого человека. Она была уверена, что не знала.

И всё же внутри возникло такое чувство, будто она увидела не незнакомца, а человека, которого слишком долго ждала и успела забыть раньше, чем он пришёл.

Именно эта невозможная знакомость заставила её задержаться перед зеркалом на долю секунды дольше, вместо того чтобы сразу обернуться. Потом тело всё-таки опередило мысль.

Лиэль резко повернулась к коридору, ожидая увидеть тёмную фигуру уже без посредничества зеркала, однако пространство за её спиной оказалось совершенно пустым. Свет из ванной ложился на деревянный пол длинной золотистой полосой, дверь спальни была приоткрыта, а в глубине квартиры виднелась запертая входная дверь.

Она вышла в коридор медленно, стараясь не поддаваться первому импульсу броситься проверять всё сразу. Сначала коснулась входной двери и убедилась, что оба замка закрыты, затем проверила цепочку, балкон и окна, после чего всё-таки заглянула в спальню и под кровать. Никаких следов чужого присутствия не обнаружилось, и именно эта полная обычность постепенно начала превращать страх в раздражение. Если в квартире никого не было, значит, оставалось зеркало.

Вернувшись в ванную, Лиэль остановилась перед ним и заставила себя внимательно посмотреть на собственное отражение. Бледное лицо, розоватые волосы, тёмные глаза, напряжённые плечи — всё выглядело так, как должно было выглядеть у человека, который только что решил, будто видел постороннего в запертой квартире.

Она медленно подняла руку, внимательно следя за зеркальной ладонью, и отражение повторило движение без заметной задержки. Лиэль повернула голову сначала вправо, затем влево, после чего сделала небольшой шаг назад; вся последовательность в стекле оставалась точной, настолько привычной и естественной, что произошедшее несколько минут назад начало понемногу терять убедительность.

Возможно, она действительно устала. Возможно, силуэт под вчерашним фонарём зацепился за память и теперь мозг дорисовал его в тёмном коридоре. Возможно, записка заставила её ожидать странности настолько сильно, что любое отражение становилось подозрительным.

Лиэль позволила себе выдохнуть и, почти насмешливо глядя на собственное напряжённое лицо, едва заметно улыбнулась. Именно в этот момент отражение перестало совпадать с ней.

Улыбка исчезла с её губ, но в зеркале задержалась ещё на долю секунды, словно та Лиэль, что стояла за стеклом, узнала о движении немного позже настоящей. Задержка была почти незаметной, но даже этого крошечного несоответствия оказалось достаточно, чтобы все объяснения, которые она только что успела выстроить, внезапно потеряли прежнюю убедительность.

Лиэль не отступила. Вместо этого снова подняла руку, теперь намеренно медленнее, отслеживая отражение почти болезненно внимательно. Первое движение зеркало повторило правильно, однако когда она изменила положение ладони и чуть повернула кисть, отражение на мгновение осталось прежним, а затем догнало её. Это уже нельзя было объяснить случайным морганием.

Сердце билось быстрее, но Лиэль заставила себя продолжить проверку: повернула голову, сделала шаг в сторону, коснулась волос. Теперь зеркало снова двигалось вместе с ней без единого сбоя, словно несколько секунд назад ничего необычного не происходило, и от этой внезапной нормальности становилось только тревожнее. Она приблизилась к стеклу. Возле правого плеча что-то едва заметно блеснуло.

На поверхности зеркала тянулась тонкая серебристая линия, похожая на след от пальца, покрытого мелкой металлической пылью. Она не складывалась в понятный знак и не напоминала ни одну знакомую Лиэль руну, однако при каждом движении свет от лампы цеплялся за неё холодным отблеском.

Лиэль протянула руку осторожно, будто боялась не самого следа, а того, что он исчезнет раньше, чем она успеет убедиться в его реальности. Когда кончик пальца коснулся стекла, неожиданно сильный холод прошёл по коже до самой кисти, заставив её отдёрнуть руку; на подушечке пальца осталось несколько серебристых частиц, мерцавших так ярко, что на мгновение сомнений почти не осталось.

Она быстро вытерла руку полотенцем, а затем посмотрела на ткань, ожидая увидеть металлическую пыль. Никакого следа на ней не было. Зеркало тоже оказалось чистым. Серебристая линия исчезла.

Лиэль долго смотрела на пустую поверхность, чувствуя, как прежнее раздражение уступает место более тяжёлому и неприятному состоянию. Один странный силуэт ещё можно было

объяснить воображением, но теперь у неё появились задержка отражения и холодный след, которого через секунду уже не существовало. В коридоре электронные часы тихо сменили последние цифры, и наступила полночь.

Она вышла из ванной, оставив лампу включённой, но дверь на этот раз прикрыла сильнее обычного, чтобы зеркало не было видно из спальни. Потом вернулась на кухню, достала записку и положила её перед собой рядом с ручкой.

Несколько минут Лиэль ничего не писала. Ей хотелось зафиксировать произошедшее, но сама идея выглядела неприятно похожей на попытку человека заранее защититься от собственного будущего неверия. Именно поэтому она заставила себя описывать всё максимально спокойно: время приёма таблетки, появление мужчины в отражении, отсутствие кого-либо в квартире, две замеченные задержки зеркального движения и серебристый след, который исчез после прикосновения. Закончив, Лиэль перечитала записи и заметила, что почерк к последним строкам стал мельче.

Она добавила ещё одну фразу:

«Если утром мне покажется, что я всё преувеличила, сначала перечитать написанное здесь.»

Ручка замерла в пальцах. Ведь чуть выше, тем же листом, но другим нажимом, кто-то уже оставил ей почти такой же совет:

«В этот раз поверь себе.»

Лиэль медленно отложила ручку и почувствовала, как по спине проходит неприятный холод, не имеющий никакого отношения к открытому окну или мокрым волосам. До этого момента она думала, что записка предупреждает её о таблетке.

Теперь впервые возникла другая возможность. Тот, кто оставил послание, мог знать не только о том, что она принимает.

Он мог заранее знать, что однажды Лиэль увидит что-то невозможное — и первым её желанием будет убедить себя, что ничего не произошло.

Глава 2. Утро, которое ничего не объясняло

К четырём утра Лиэль окончательно поняла, что сон сегодня к ней не придёт, хотя ещё почти час продолжала упрямо делать вид, будто всё можно исправить более удобной подушкой, открытым окном или достаточно скучной статьёй на телефоне.

Она несколько раз меняла положение, поправляла сбившееся одеяло, включала музыку почти на минимальной громкости и снова выключала её, потому что даже тихий голос певицы начинал раздражать. Одноглазый плюшевый кролик постепенно оказался прижат к груди так крепко, что в другой ситуации Лиэль непременно посмеялась бы над собой, однако сегодня ей было не до шуток. Стоило закрыть глаза, как память снова возвращала её в ванную.

Особенно настойчиво вспоминался не мужчина в тёмном пальто и даже не серебристый след на зеркале, а собственное лицо, которое на мгновение продолжило улыбаться после того, как настоящая Лиэль уже перестала. Именно это короткое несовпадение оказалось самым неприятным.

Человека можно было вообразить, особенно после силуэта, замеченного накануне под фонарём. Странный холод стекла тоже при желании можно было объяснить сквозняком, усталостью или каким-нибудь бытовым заклинанием, о котором она раньше не знала. Но отражение Лиэль проверяла сама, сознательно повторяя движения и внимательно следя за каждым изменением в зеркале, поэтому привычное объяснение про переутомление больше не успокаивало так, как ей хотелось.

Через неплотно прикрытую дверь ванной пробивалась узкая полоска тёплого света. Сегодня привычка оставлять включенным свет для мнимого спокойствия впервые перестала работать: знание о зеркале за стеной заставляло всё время прислушиваться, хотя услышать оттуда было нечего.

Она могла бы закрыть дверь полностью, накрыть стекло полотенцем или вообще переночевать на диване, но каждый такой вариант казался слишком похожим на признание того, что обычный предмет интерьера способен выгнать её из собственной спальни. Поэтому Лиэль снова взяла телефон.

На фотографии записки крупно читалось предупреждение:

«НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ.»

Ниже оставалась вторая строка:

«В этот раз поверь себе.»

На самом листе под этими словами теперь находилось и её собственное описание случившегося после полуночи. Лиэль специально записала всё максимально подробно, чтобы утром не смогла легко свести произошедшее к усталости, и теперь этот предусмотрительный поступок ночной версии себя одновременно успокаивал и раздражал.

Больше всего ей не нравились два слова — «в этот раз».

Они подразумевали существование какого-то предыдущего раза, о котором нынешняя Лиэль ничего не знала. Она выключила экран и положила телефон возле подушки, но фраза уже застряла в голове.

Если записку написал посторонний человек, он слишком хорошо знал её привычки. Если автором была сама Лиэль, ситуация становилась ещё хуже, потому что тогда приходилось объяснять, почему она не помнит собственного предупреждения.

Ближе к пяти утра усталость всё-таки пересилила тревогу, однако сон оказался неглубоким и беспокойным. Когда Лиэль снова открыла глаза, за окном уже стоял тусклый сероватый рассвет, больше похожий на продолжение ночи, чем на настоящее утро.

Дождь почти закончился, оставив на стекле множество мелких капель, через которые противоположные дома расплывались мягкими силуэтами. Розовая вывеска прачечной внизу

ещё горела, но дневной свет лишил её яркости, и теперь она выглядела уставшей примерно так же, как сама Лиэль.

Несколько минут она лежала неподвижно, прислушиваясь к себе, и постепенно поняла, что ночной страх успел ослабнуть. Осталась тяжесть после недосыпа, раздражение на всё происходящее и новое, гораздо более настойчивое любопытство. На кухне первым делом Лиэль открыла ящик, где оставила записку.

Бумага лежала на месте. Почерк не изменился, её собственные строки тоже никуда не исчезли, и вся эта материальная обыденность странным образом действовала сильнее любых успокоительных рассуждений. По крайней мере, вчерашняя ночь не растворилась вместе со сном.

Она сварила кофе крепче обычного, открыла окно на несколько сантиметров и устроилась возле подоконника, обхватив чашку обеими руками. В квартиру вошёл влажный прохладный воздух, пахнущий мокрым камнем, свежим хлебом из пекарни через дорогу и металлической сыростью трамвайных рельсов. Розовая улица постепенно просыпалась.

У соседнего подъезда курьер спорил с навигатором, который снова привёл его не туда. Владелец магазина амулетов поднимал тяжёлые жалюзи и одновременно разговаривал по телефону. Пожилая женщина в длинном зелёном плаще пыталась убедить маленькую крылатую собаку не садиться в самую глубокую лужу, но животное слушало её с выражением такого спокойного превосходства, что Лиэль невольно улыбнулась.

Ей вдруг захотелось, чтобы весь день оказался именно таким: серым, немного сонным, заполненным обычными раздражениями, кофе, мокрыми тротуарами и чужими собаками. Телефон завибрировал возле чашки.

Нора прислала сообщение:

Утро. Требую отчёт о состоянии пациента.

Лиэль сфотографировала кофе.

Пациент принимает единственное признанное лекарство.

Ответ появился почти сразу:

Кофе не считается лекарством.

В моей медицинской системе считается.

Через несколько секунд пришло ещё одно сообщение:

Ночью всё спокойно?

Лиэль задержалась перед ответом дольше, чем собиралась. Рассказывать о зеркале пока не хотелось. Она слишком хорошо представляла реакцию Норы: сначала звонок, потом настойчивое предложение приехать, а если Лиэль откажется — сообщение Мире и попытка собрать маленький спасательный отряд прямо у её двери.

Дело было не в отсутствии доверия. Просто Лиэль хотелось сначала самой разобраться хотя бы в одном факте, прежде чем тревога станет общей, она быстро напечатала:

Почти не спала, но сейчас чувствую себя нормально.

Нора прислала сердитую наклейку с волком, однако расспрос продолжать не стала.

После кофе Лиэль пошла в ванную и почти сразу поймала себя на том, что наблюдает за зеркалом боковым зрением. Она пыталась умываться как обычно, но каждый жест невольно превращался в проверку: рука поднималась к лицу, и внимание тут же цеплялось за отражение, будто она ждала очередной задержки. Наконец собственное поведение начало раздражать сильнее самого воспоминания. Лиэль выпрямилась и посмотрела на себя прямо. Отражение двигалось точно вместе с ней.

Она медленно провела рукой по волосам, наклонила голову, повернулась немного в сторону и снова встретилась с собой взглядом. Никаких задержек не возникло, а стекло оставалось совершенно обычным, без серебристых линий или чужих фигур.

— Если я начну устраивать эту проверку каждое утро, зеркало победит без всякой магии, — произнесла Лиэль, вытирая лицо полотенцем.

Собственный голос прозвучал достаточно спокойно, чтобы немного вернуть ощущение контроля. Уже на кухне она решила, что существует более полезный способ провести утро.

Если записка действительно могла быть написана ею самой, сравнивать нужно не с фразами, которые она специально воспроизводила вчера, а со старыми записями, сделанными задолго до появления предупреждения.

Образцов в квартире хватало. Лиэль никогда не считала себя особенно сентиментальным человеком, однако несколько лет жизни на одном месте успели превратить нижнюю часть шкафа в небольшой личный архив, куда отправлялось всё, что было жалко выбросить и лень разобрать. Там хранились старые билеты, фотографии, записные книжки, открытки, браслеты, упаковки от украшений, сломанные наушники и несколько зарядных проводов, происхождение которых давно превратилось в отдельную семейную тайну между ней и шкафом.

Первую коробку она вытащила на кровать и начала перебирать содержимое, поначалу действительно сосредоточившись на поиске почерка, но довольно быстро отвлекаясь на находки.

На обороте старого чека из кафе Нора когда-то написала просьбу больше никогда не позволять ей заказывать острое после полуночи. В одном из конвертов обнаружилась открытка с морем, отправленная без подписи, но снабжённая фразой о том, что Лиэль наверняка ненавидела бы местных туристов и обожала закаты.

Она несколько секунд пыталась вспомнить, кто мог это написать, однако ничего конкретного в памяти не появилось.

Раньше подобная забывчивость почти не тревожила. Люди теряли из памяти разговоры, открытки и случайные вечера, особенно если между ними проходило несколько лет. Теперь каждая небольшая пустота ощущалась иначе.

Записка словно не создала проблему, а заставила Лиэль впервые внимательно посмотреть на то, что давно находилось рядом и раньше не казалось подозрительным.

В старой записной книжке нашлось достаточно образцов её почерка: списки покупок, номера телефонов, названия песен, короткие заметки и отдельные мысли, смысл которых уже невозможно было восстановить. Сходство с предупреждением действительно существовало, особенно в наклоне заглавных букв, но оставалось слишком неточным, чтобы уверенно назвать автора.

Лиэль провела пальцем по одной из старых страниц и почувствовала знакомое раздражение. Ей хотелось получить простой ответ. Вместо него снова появлялось неприятное «возможно». Она отложила блокнот и достала вторую коробку, в которой хранились фотографии.

Большинство снимков сразу возвращали не только лица, но и сами моменты. На одном они с Норой сидели на мокрых ступенях возле реки после летнего ливня, смеясь над чем-то, что теперь уже не удавалось вспомнить. На другом Мира держала торт с неправильно написанным именем, а кто-то за её спиной показывал в камеру два пальца. Ещё один снимок сохранил Лиэль возле магазина в огромной чёрной шляпе, которую она никогда не собиралась покупать, но всё равно примерила ради фотографии.

Эти кадры неожиданно подействовали успокаивающе. Её жизнь существовала не только внутри памяти. Она оставалась в чужих телефонах, на бумаге, в сообщениях и вещах; у неё были друзья, привычки, плохие покупки, знакомые улицы и вечера.

Лиэль уже собиралась убрать пачку обратно, когда заметила уголок другой фотографии, застрявший между дном коробки и картонной стенкой. Бумага отличалась от остальных. Она была заметно плотнее, слегка пожелтела по краям и выглядела гораздо старше современных отпечатков.

Лиэль осторожно вытянула снимок. Сначала взгляд привлекла архитектура.

На заднем плане поднимались высокие белые башни, соединённые тонкими арками и переходами, светлый камень почти сиял под солнцем, а по стенам тянулись серебристые узоры, отдельные линии которых терялись в засветке. Ни один район Вельмира не выглядел подобным образом. Даже через фотографию чувствовалось, что здания строили по совсем другой логике, будто архитекторы стремились не занять пространство земли, а сделать всё возможное, чтобы приблизить город к небу. Перед башнями стояла маленькая девочка. Лиэль узнала себя не сразу.

Детское лицо казалось непривычно мягким, волосы были намного светлее нынешних, почти серебристо-розовыми, а привычная настороженность в глазах ещё не успела стать постоянным выражением. Однако форма бровей, линия носа, острые уши и едва заметная складка между ними не оставляли особых сомнений. Ей могло быть семь или восемь лет.

На левом краю фотографии присутствовал ещё один человек, почти полностью оставшийся за пределами кадра. Можно было различить только часть светлой одежды и руку, лежавшую на плече ребёнка с той спокойной естественностью, которая обычно появляется лишь между людьми, привыкшими к близости.

На запястье незнакомца блестело украшение, однако качество фотографии не позволяло понять, был ли это браслет, цепочка или что-то другое. Лиэль перевернула снимок.

На обороте выцветшими чернилами было написано:

«Моей маленькой Лиэль. Когда-нибудь ты снова вернёшься домой.»

Именно последнее слово заставило её перечитать фразу несколько раз. Если надпись была настоящей, то кто-то когда-то считал белые башни её домом.

Лиэль снова посмотрела на изображение и попыталась вызвать в памяти хотя бы слабое ощущение узнавания. Ей хотелось услышать голос, вспомнить запах, почувствовать под ладонью гладкий камень лестницы или хотя бы понять, что рука на детском плече принадлежала человеку, которого она когда-то любила. Ничего подобного не произошло.

Белые башни оставались красивой, но совершенно чужой архитектурой. Маленькая девочка на переднем плане была ею самой только потому, что это доказывало лицо. Неизвестный человек рядом не вызывал ни тепла, ни страха, ни узнавания. Именно отсутствие реакции оказалось самым неприятным.

Если фотография действительно относилась к её детству, перед Лиэль лежал кусок собственной жизни, который эмоционально ощущался как чужой.

Она положила снимок на покрывало и принялась перебирать остальные фотографии уже гораздо внимательнее. Затем из шкафа появились ещё одна коробка, старый альбом, несколько папок с документами и конверты, которые годами лежали нетронутыми.

Спальня постепенно превратилась в беспорядочный архив, но белые башни больше нигде не появлялись. Все остальные фотографии Лиэль сохранили её уже взрослую жизнь.

Она закрыла альбом и попыталась найти самое раннее воспоминание, которое могла назвать своим без подсказок.

В памяти появлялись отдельные элементы: комната с бледно-зелёными стенами, маленькая кухня, двор после дождя и чей-то смех, доносившийся откуда-то совсем близко. Все эти ощущения относились примерно к одному возрасту, но не складывались в цельную последовательность, а всё, что должно было находиться раньше них, оставалось туманным и почти недоступным. Лиэль закрыла глаза и постаралась не заставлять память.

Через несколько мгновений появилось ощущение яркого света и прохладной гладкой поверхности под ладонью, однако образ исчез настолько быстро, что невозможно было понять, возникло ли настоящее воспоминание или воображение просто продолжило увиденную фотографию. Она открыла глаза и медленно выдохнула.

— Если я начну достраивать прошлое только потому, что мне нужен ответ, дальше уже невозможно будет понять, что я действительно вспомнила, — произнесла Лиэль, глядя на снимок.

Мысль показалась достаточно важной, чтобы её зафиксировать. В заметках телефона появилась запись о фотографии, белых башнях и надписи на обороте, а в конце Лиэль отдельно напомнила себе не считать будущие ощущения узнавания доказательством и сначала проверять факты.

Такая осторожность неожиданно напомнила ей Миру, которая всегда разделяла известное, предполагаемое и желаемое настолько педантично, что иногда выводила этим всех вокруг из себя, и именно поэтому Лиэль почти сразу поняла, кому хочет показать фотографию. Она позвонила.

Мира не ответила, но через минуту прислала сообщение:

На встрече. Что-то срочное?

Лиэль отправила две фотографии: лицевую сторону старого снимка и надпись на обороте.

Три точки в чате появились почти сразу, затем исчезли и через несколько секунд возникли снова, однако сообщение так и не пришло.

Лиэль подождала немного и написала:

Ты когда-нибудь это видела?

На этот раз Мира ответила быстрее:

Не помню такого снимка.

Формулировка сразу привлекла внимание.

Мира могла написать, что никогда его не видела, однако выбрала более осторожное утверждение о собственной памяти, и после последних событий Лиэль уже не могла не заметить разницу.

Ты уверена?

Ответ пришлось ждать почти две минуты.

Я действительно сейчас на встрече. Приходи вечером или завтра, посмотрю нормально. Только не потеряй фотографию.

Последняя просьба показалась странно серьёзной, хотя сама по себе была вполне разумной.

Лиэль убрала снимок в прозрачный карман старого блокнота, положила туда же записку и несколько примеров собственного почерка, после чего попыталась вернуть спальне хотя бы приблизительный порядок. Коробки отправились обратно в шкаф, но часть фотографий так и осталась на покрывале, и теперь комната выглядела словно место, где кто-то начал разбирать собственную жизнь и остановился на середине.

К полудню бессонная ночь стала ощущаться физически. Лиэль выпила вторую чашку кофе, долго стояла перед открытым холодильником, забыв, что именно хотела взять, и в итоге приготовила яйца с сыром лишь потому, что это требовало минимального количества решений. Во время еды фотография снова лежала перед ней.

Её существование ещё ничего не доказывало, и Лиэль заставляла себя помнить об этом. Она могла побывать в другом городе слишком маленькой. Человек за кадром мог называть своим домом место, которое для неё никогда не имело такого значения. Существовала и вполне обычная версия, согласно которой её усыновили, а часть раннего детства просто осталась за пределами известных ей документов.

Лиэль всегда знала, что сведения о первых годах её жизни неполны. В Вельмире подобные биографии никого особенно не удивляли: магические конфликты, миграции, исчезновения семей и старые городские катастрофы оставляли достаточно детей, чьё происхождение удавалось восстановить лишь частично. Она давно привыкла относиться к этому как к факту. Фотография изменила не прошлое, а форму вопроса.

Теперь существовал человек, который называл её «маленькой Лиэль», фотографировал возле белых башен и обещал однажды вернуть домой. Если этот человек действительно был ей близок, куда он исчез? Почему никто не искал её? И почему самой Лиэль не оставили даже воспоминания о том, что такой дом существовал?

Страх, преследовавший её ночью, постепенно уступал место злости. Бояться мужчины в зеркале было почти проще, потому что у такого страха существовал конкретный объект. Здесь же раздражение обращалось против собственной памяти, которая словно удерживала часть её биографии и при этом не давала понять, где заканчивается обычная детская забывчивость и начинается что-то другое. Она снова перечитала надпись на фотографии.

До сегодняшнего дня Лиэль никогда всерьёз не сомневалась в том, что словом «дом» для неё обозначается Вельмир со всеми его дождями, квартира 507 на Розовой улице, Нора с её бесконечной заботой, Мира с раздражающей привычкой всё раскладывать по фактам и госпожа Ивель, способная сушить травы под дождём просто потому, что ведьме, по её мнению, позволено спорить с погодой. Мысль о другом доме вызывала почти личное сопротивление. К трём часам оставаться в квартире стало невыносимо.

Лиэль надела пальто, положила блокнот с фотографией в сумку и вышла на улицу, не составляя маршрута. Ей хотелось оказаться среди людей, услышать разговоры и шум транспорта, позволить городу занять хотя бы часть пространства, которое с утра полностью принадлежало мыслям.

Дождь к этому времени превратился в мелкую морось. Вельмир постепенно зажигал вечерние вывески, хотя до настоящих сумерек оставалось ещё несколько часов, и на мокрых фасадах появлялись розовые, лиловые и голубоватые отсветы. Старые арки казались темнее, трамвайные рельсы блестели под фонарями, а верхушки готических башен растворялись в низких облаках так мягко, словно город и небо принадлежали одной архитектуре.

Лиэль шла без цели, выбирая улицы почти машинально. Она миновала магазин старых пластинок, прошла через маленькую площадь с каменными скамьями и какое-то время двигалась вдоль трамвайных путей, пока знакомая серебристо-розовая вывеска не заставила её остановиться.

«After Moon» занимал первый этаж старого кирпичного дома. Над входом светился серебряный полумесяц внутри розового круга, а за слегка запотевшими окнами было видно тёплое освещение и несколько занятых столиков. Лиэль любила это место именно за предсказуемость.

Здесь всегда пахло кофе, ванилью и свежей выпечкой, музыка играла достаточно тихо, чтобы не мешать разговорам, а бариста давно запомнил её обычный заказ.

— Ты сегодня появилась раньше, чем обычно, — заметил он, когда Лиэль подошла к стойке.

— У бессонницы оказался неожиданно удобный график, — ответила она, снимая капюшон и проводя пальцами по влажным волосам.

Бариста уже потянулся к знакомому стакану.

— Тогда двойной?

— Сделай так, чтобы после него я начала понимать собственную жизнь, — попросила Лиэль, наблюдая, как он включает кофемашину.

Он посмотрел на неё поверх стойки с выражением человека, которому подобные требования предъявляют не впервые.

— Для этого у нас кофе недостаточно крепкий.

— Тогда ограничимся двойным и будем считать, что я сделала всё возможное.

С чашкой она устроилась возле окна. Несколько минут Лиэль действительно просто наблюдала за улицей, пытаясь отдыхать от собственных мыслей, однако блокнот в сумке слиш-

ком хорошо напоминал о себе. В конце концов фотография снова оказалась на столе. При тёплом свете кафе белые башни выглядели ещё нереальнее.

Лиэль сфотографировала снимок телефоном и увеличила изображение, рассматривая детали архитектуры. На одной из башен угадывался серебристый орнамент, отдалённо напоминавший полумесяц, хотя качество было слишком плохим, чтобы уверенно назвать его символом. В глубине кадра виднелись тонкие мосты между зданиями, а маленькая Лиэль стояла на широких белых ступенях, совершенно не подозревая, что много лет спустя будет изучать собственное детское лицо как улику.

Она попыталась рассмотреть руку на плече ребёнка, когда какое-то движение в дальнем конце зала заставило её поднять голову. Мужчина сидел за столиком возле противоположной стены.

Узнавание пришло раньше, чем Лиэль успела осознать, что именно увидела. Пальцы остановились на краю фотографии, дыхание на мгновение стало поверхностнее, а привычный шум кофейни словно отдалился, хотя музыка продолжала играть, кофемашина шипела за стойкой и кто-то неподалёку смеялся над сообщением в телефоне.

При дневном свете незнакомец выглядел гораздо реальнее, чем в зеркале. Тёмные волосы падали на лоб, бледное лицо сохраняло почти неподвижное спокойствие, а светлые глаза с такого расстояния казались серыми или серебристыми. Чёрное пальто было перекинуто через спинку соседнего стула, перед ним стояла чашка кофе, к которой он почти не прикасался.

В его внешности не было ничего очевидно сверхъестественного, однако тело Лиэль отреагировало так, словно встретило не постороннего человека. Ощущение оказалось тем же, что ночью: болезненная знакомость без воспоминания.

Она была уверена, что не встречала его до последних двух дней, и одновременно не могла избавиться от странного чувства, будто когда-то знала выражение этих глаз, линию плеч и даже манеру сидеть чуть вполоборота. Лиэль продолжала смотреть, уже понимая, что делает это слишком долго. Мужчина некоторое время не замечал её или хорошо притворялся, а затем медленно повернул голову. Их взгляды встретились.

На его лице не появилось ни удивления, которое обычно возникает, когда замечаешь слишком пристальный взгляд незнакомого человека, ни праздного любопытства. Вместо этого Лиэль уловила что-то гораздо более тревожное: спокойствие человека, который будто давно ожидал именно эту встречу и теперь боялся первым движением разрушить её. Она почувствовала, как внутреннее напряжение усиливается.

Лиэль не знала его имени, никогда не слышала его голоса и не могла объяснить, почему он находился возле её дома, а затем оказался здесь. Накануне этот человек существовал только в отражении и на другой стороне улицы, тогда как сейчас он сидел среди обычных посетителей кафе, и никто вокруг не проявлял ни малейшего беспокойства.

Ей почти удалось убедить себя, что совпадение всё ещё возможно, когда взгляд мужчины медленно опустился на стол. Он увидел фотографию.

Едва заметное изменение в лице оказалось выразительнее любой резкой реакции: пальцы возле чашки перестали двигаться, взгляд задержался на старом снимке слишком долго, а привычная сдержанность на короткое мгновение уступила чему-то похожему на боль. Лиэль почувствовала, как по спине проходит холод. Теперь она уже не сомневалась, что этот человек смотрит не просто на чужую детскую фотографию. Снимок был ему знаком.

Глава 3. Имя, которого не должно было быть

Несколько секунд Лиэль продолжала смотреть на мужчину через зал, почти забыв о том, что сама уже давно перестала притворяться случайно заинтересованной посетительницей.

До этого момента ещё существовала возможность убедить себя, что она ошиблась. Человек возле дома мог оказаться кем угодно, фигуру в зеркале вполне позволительно было списать на бессонную ночь, а незнакомец в «After Moon» — на неприятное совпадение, которое мозг слишком поспешно связал с предыдущими событиями. Но стоило ему увидеть старую фотографию, как что-то в его лице изменилось с такой быстротой и такой очевидной внутренней болью, что последняя удобная версия начала рассыпаться.

Мужчина первым отвёл взгляд, после этого он поднёс чашку к губам, сделал небольшой глоток и снова поставил её на блюдце. Со стороны движение выглядело совершенно обычным, но Лиэль уже заметила, что до этого он почти не касался кофе.

Она опустила глаза на собственную чашку и обнаружила, что пальцы слишком сильно её сжимают. За стеклом по мокрому тротуару проходили люди, проезжал трамвай, на противоположной стороне какой-то мужчина пытался раскрыть сломанный зонт, но Лиэль больше не воспринимала происходящее как отдельные события. Присутствие незнакомца изменило пространство кафе почти физически: она всё время знала, где именно он сидит, хотя старалась туда не смотреть.

Девушка взяла фотографию и уже собиралась убрать её в блокнот, когда возле стола остановилась тень. Поднимать голову сразу не хотелось. Этот короткий жест внезапно показался уступкой, будто она заранее соглашалась принять навязанный разговор, поэтому Лиэль сначала аккуратно поместила снимок в прозрачный карман, закрыла блокнот и только после этого посмотрела на человека, стоявшего напротив. Вблизи он оказался ещё более знакомым.

Лиэль не могла сказать, где видела линию скул, тёмные волосы или серо-серебристый оттенок глаз, но взгляд почему-то задерживался на деталях слишком уверенно, словно память не участвовала в процессе, а тело вспоминало самостоятельно.

— Если ты собираешься продолжать смотреть на меня с другого конца зала, можешь хотя бы делать это сидя здесь, — сказала эльфийка, указав взглядом на свободный стул напротив.

Мужчина слегка приподнял бровь, будто знакомая формулировка едва не вызвала улыбку. Садиться, однако, он не спешил, и несколько мгновений они смотрели друг на друга через маленький стол.

— Ты всегда злилась, когда первой замечала, что смотришь слишком долго, — произнёс он негромко, без насмешки.

Лиэль почувствовала, как внутреннее спокойствие мгновенно сменяется настороженностью. Она медленно положила ладонь поверх блокнота, словно закрывая от него фотографию вместе со всем, что пока не собиралась отдавать.

— Плохое начало разговора, — ответила она, откидываясь на спинку кресла. — Особенно для человека, который последние два дня появляется возле моего дома и в моём зеркале.

Уголок его рта едва заметно дрогнул, но выражение глаз осталось серьёзным.

— Возле дома я действительно был, — сказал он после короткой паузы, придвигая стул так, чтобы не оказаться к проходу спиной. — В твою квартиру я не входил.

Он поставил на стол чашку с блюдцем, которые принёс с собой.

Лиэль машинально проследила за тем, как он сел, и почему-то сразу отметила выбранное положение относительно двери. Эта мелочь показалась знакомой, хотя она тут же запретила себе придавать ей значение.

— Очень успокаивающее уточнение, — произнесла она, чуть склонив голову. — Значит, мне всего лишь привиделся человек, который сейчас сидит передо мной и спокойно признаётся, что стоял под моими окнами среди ночи.

Лиэль почему-то посмотрела на его руку, заранее ожидая, что он проведёт большим пальцем по боковой стороне указательного. Пальцы пока оставались неподвижными.

— Я не следил за тобой, — ответил он, и прежде чем продолжить, сделал именно это движение, будто пытался удержать раздражение или подобрать формулировку точнее. — Хотя понимаю, почему со стороны всё выглядит именно так.

— Ты стоял под моими окнами. — Лиэль чуть сильнее надавила ногтем на край блокнота. — Поэтому проблема не в том, как это выглядит, а в том, что ты действительно там был.

С человеком, которого она подозревала в преследовании, Лиэль не должна была настолько легко попадать в знакомый ритм реплик. Мужчина перевёл взгляд на её чашку, давно оставленную без внимания.

— Ты опять взяла двойной после бессонной ночи, — заметил он с таким естественным недовольством, будто имел право комментировать её привычки.

— Бариста спросил меня об этом достаточно громко, — напомнила она, хотя уже чувствовала, что он говорит не только о сегодняшнем заказе.

— Он спросил, нужен ли тебе двойной, а про бессонную ночь сказала ты, — возразил мужчина, и его пальцы снова коснулись блюдца. — Но дело даже не в этом.

— Тогда просвети меня, в чём именно.

— Через несколько минут кофе станет холодным, а ты всё равно будешь держать его обеими руками и жаловаться, что хотела горячий.

Лиэль опустила взгляд. Кофе она действительно почти не пила, а пальцы всё это время обхватывали чашку с двух сторон.

— Это можно было заметить сейчас, — сказала она, чувствуя, как раздражение постепенно возвращает необходимую ясность.

— Можно, — согласился он слишком легко.

— И всё, что ты собираешься говорить, будет построено именно так? — Лиэль немного подалась вперёд, уже не скрывая недоверия. — Ты бросаешь достаточно расплывчатые фразы, чтобы они звучали личными, а когда я спрашиваю подробнее, оставляешь себе возможность сказать, что просто наблюдательный?

Мужчина ничего не ответил сразу. Его пальцы лежали возле чашки спокойно, но большой палец едва заметно провёл по боковой стороне указательного.

Лиэль почему-то задержала взгляд на его руке. Вместе с этим движением внутри возникло странное ощущение, что сейчас он скажет не совсем то, что думает.

— Наверное, так было бы проще для тебя, — произнёс он наконец.

— Не решай, что для меня проще. — Лиэль выпрямилась и убрала руки от чашки.

— Я и не пытаюсь, — ответил он, но взгляд при этом на мгновение опустился, и его спокойствие стало слишком аккуратным, чтобы Лиэль захотелось поверить сразу.

— Ты стоишь рядом с моим домом, появляешься в зеркале, узнаёшь фотографию, которой я сама не помню, а теперь разговариваешь со мной так, будто знаешь меня много лет, — произнесла Лиэль негромко, потому что меньше всего хотела привлекать внимание остальных посетителей. — Поэтому либо ты сейчас начинаешь объяснять происходящее, либо я вызываю городскую службу и позволяю им выяснять, какой именно разновидностью психопата ты являешься.

На его лице мелькнуло веселье, и Лиэль заметила, как сильно меняет его даже тень улыбки.

— Раньше ты угрожала лучше, — сказал он, и в интонации мелькнула такая естественная знакомость, что Лиэль сразу перестала воспринимать фразу как шутку.

Она почувствовала, как внутри мгновенно становится холоднее.

— Мы раньше встречались? — спросила девушка уже без насмешки, и пальцы на краю блокнота сжались сильнее, словно тело приготовилось к ответу раньше неё самой.

Мужчина не отвёл взгляда, однако привычное движение большого пальца по краю чашки внезапно прекратилось.

— Да, — сказал он наконец, и его голос стал тише.

— Тогда начнём с самого простого. Как тебя зовут? — Она немного откинулась назад, словно лишние сантиметры между ними могли сделать этот разговор менее личным.

Мужчина ответил не сразу. За окном прошёл трамвай, и розоватый свет скользнул по его лицу, на мгновение подчёркивая усталость, которую до этого он слишком хорошо прятал.

— Рейвен, — произнёс он наконец, не отводя взгляда.

Она не могла связать это имя ни с одним местом или событием, однако под рёбрами болезненно сжалось, дыхание стало труднее, а пальцы на блокноте напряглись.

Она мысленно повторила имя и почувствовала почти физическое эхо, словно когда-то произносила его так часто, что звук сохранился где-то глубже памяти.

Лиэль отвела взгляд к окну, собираясь с мыслями, но отражение мужчины всё равно оставалось в тёмном стекле перед ней.

— Я не помню тебя, — сказала она спустя несколько секунд, снова повернувшись к нему.

Рейвен выслушал эту фразу без видимой реакции, однако рука возле чашки стала совершенно неподвижной.

— Я понимаю, — ответил он.

— Не похоже, что тебя это удивляет, — заметила Лиэль, внимательно наблюдая за его лицом.

— Потому что не удивляет, — произнёс Рейвен, чуть опуская взгляд к столу.

— Тогда, может быть, объяснишь почему? — спросила она, и на этот раз голос стал жёстче.

Рейвен посмотрел на блокнот, куда она убрала фотографию, и в его взгляде снова появилось то же осторожное внимание, которое Лиэль заметила ещё с другого конца зала.

— Где ты её нашла? — спросил он вместо ответа.

Лиэль сразу прикрыла блокнот ладонью.

— Сначала отвечаешь ты, — напомнила она, и по тому, как быстро вернулась злость, поняла, что уклонения действуют на неё почти успокаивающе: по крайней мере, раздражаться было проще, чем бояться.

— Лиэль... — начал Рейвен, но остановился, едва увидел, как изменилось её лицо.

— Не надо, — сказала девушка, и резкость собственного тона удивила даже её. — Не произноси моё имя так, будто имеешь на это право.

Рейвен замолчал и чуть отодвинулся от стола. От этой покорности почему-то стало тяжелее. Было бы проще, если бы он спорил, давил или пытался доказать, что знает её лучше.

— Хорошо, — произнёс Рейвен значительно тише. — Я понял.

— Тогда скажи, откуда ты меня знаешь? — спросила она.

— Когда-то мы были близки, — сказал он после паузы.

— Насколько близки? — спросила она, не позволяя ему уйти дальше.

Большой палец Рейвена снова коснулся боковой стороны указательного пальца, и знакомое движение заставило Лиэль насторожиться ещё до ответа.

— Достаточно, чтобы ты доверяла мне, — произнёс он, сохраняя спокойный тон.

Лиэль перевела взгляд на его руку, а затем снова подняла глаза.

— Ты сейчас солгал? — спросила она, потому что странная уверенность возникла внутри раньше всякого анализа.

Вопрос, похоже, застал его врасплох.

— Нет, — ответил он после короткой паузы.

— Тогда почему перед ответом ты сделал это? — Лиэль взглядом указала на его пальцы, после чего повторила жест на собственной руке. — Ты уже не первый раз двигаешь рукой именно так, когда говоришь что-то, чему я почему-то не хочу верить.

Рейвен посмотрел на собственную ладонь, словно только сейчас заметил привычку.

— Что именно ты увидела? — спросил он, и в голосе впервые появилась не осторожность, а настоящий интерес.

— Ты проводишь большим пальцем здесь, — объяснила Лиэль. — Первый раз это было, когда ты говорил, что не следил за мной.

Рейвен замолчал, внимательно разглядывая её.

— Ты помнишь эту привычку? — спросил он наконец.

— Я вижу её не первый раз за несколько минут, — возразила Лиэль, хотя уже понимала, что ответ не объясняет всего.

Рейвен слегка наклонился вперёд.

— Ты посмотрела на мою руку ещё до того, как я двинул пальцем.

Лиэль хотела возразить, но вспомнила, как ждала этого движения ещё до его ответа о слежке.

— Может быть, ты уже делал это раньше, и я просто заметила закономерность, — сказала она, пытаясь сохранить рациональный тон.

— Может быть, — согласился Рейвен, однако выражение лица ясно показывало, что сам он не считает это объяснение достаточным.

Лиэль раздражённо подтянула блокнот ближе.

— Ты сказал, что мы были близки, — напомнила она. — Под это можно подставить почти что угодно. Мы могли дружить, работать вместе, сидеть в одной камере или ненавидеть друг друга настолько долго, что привыкли.

На этот раз Рейвен всё-таки улыбнулся, и улыбка оказалась неожиданно мягкой.

Лиэль почти знала, как изменится его лицо, если улыбка станет шире. От этой мысли захотелось отвернуться, но она осталась смотреть.

— Мы не ненавидели друг друга, — сказал Рейвен, и в его голосе теперь появилось почти незаметное тепло.

— Уже полезнее, — ответила Лиэль, стараясь не позволить этому теплу сделать разговор слишком личным.

— Иногда ты очень старалась, — добавил он, чуть приподняв бровь, на мгновение забыв об осторожности.

Лиэль скрестила руки на груди.

— А ты?

Улыбка исчезла не сразу.

— У меня получалось хуже, — произнёс Рейвен.

Лиэль почувствовала, что разговор начинает уходить туда, где у неё нет ни одной опоры, поэтому сознательно вернулась к фотографии.

— Ты знаешь это место? — спросила она, положив ладонь на блокнот.

Рейвен не попросил показать снимок снова.

— Да, — ответил он после короткой паузы, и взгляд стал отстранённым.

— Где это? — Она не дала ему времени перевести разговор.

— Я не хочу говорить тебе сейчас, — произнёс он наконец.

Лиэль тихо рассмеялась, и в этом звуке почти не было веселья.

— Какая удивительная формулировка, — сказала она, покачав головой. — Не «не знаю», не «не могу», а именно «не хочу».

— Потому что это правда. — Рейвен поднял на неё взгляд, не пытаясь смягчить ответ.

— Тогда зачем ты вообще подошёл? — спросила Лиэль, чувствуя, как раздражение снова вытесняет тревогу.

Он некоторое время молчал, и по тому, как чуть напряглась линия рта, Лиэль поняла: сейчас он снова выбирает не между правдой и ложью, а между разными объёмами правды.

— Потому что ты нашла фотографию раньше, чем я ожидал, — сказал Рейвен.

— Ты ожидал, что я её найду? — спросила она медленнее.

Рейвен прикрыл глаза на короткое мгновение, будто мысленно выругался на самого себя.

— Не сегодня, — ответил он, и эта попытка закрыть тему только усилила её подозрение.

Лиэль медленно положила обе ладони на стол.

— Вчера ты стоял под моими окнами. Сегодня оказался в кафе, куда я пришла. Теперь выясняется, что ты ждал, когда я найду вещь, существование которой мне самой было неизвестно, — произнесла она тихо, но отчётливо. — Если после всего этого ты ещё раз скажешь, что не следишь за мной, я начну воспринимать это как оскорбление интеллекта.

Рейвен медленно провёл пальцами по краю чашки, и на этот раз Лиэль заметила в движении не привычку лгать, а скорее попытку успокоиться.

— Я пытался понять, началось ли это снова, — сказал он.

— Что именно? — Лиэль чуть подалась вперёд, однако Рейвен уже отвёл взгляд, словно пожалел о сказанном.

— Ты вчера приняла таблетку?

Переход оказался настолько неожиданным, что Лиэль на мгновение забыла о предыдущем вопросе.

— Откуда ты знаешь о таблетках? — спросила она, и её голос сразу стал холоднее.

Рейвен едва заметно изменился в лице. Прежняя сдержанность стала жёстче, а пальцы возле чашки снова остановились.

— Сначала скажи, принимала ли ты её, — попросил он, и впервые за весь разговор в тоне появилось настоящее беспокойство.

— Ты первый. — Лиэль выпрямилась и посмотрела на него почти вызывающе. — Кто рассказал тебе о таблетках?

Рейвен отвёл взгляд к окну.

— Никто, — ответил он, и на этот раз Лиэль заметила, что большой палец не двинулся.

— Тогда откуда ты знаешь? — спросила она, не позволяя паузе размыть вопрос.

— Потому что знаю, зачем ты их принимаешь.

В груди неприятно сжалось. Лиэль поставила чашку на стол осторожнее, чем хотелось, чтобы не выдать дрожь в пальцах.

— Объясни, — произнесла она.

— Не здесь. — Рейвен на секунду посмотрел вокруг, и это движение впервые заставило Лиэль задуматься, действительно ли дело только в его нежелании говорить.

— Два дня назад я даже не задавалась вопросом, откуда у меня эти таблетки. Потом нашла записку, которую не помню, увидела тебя в собственном зеркале и фотографию места, которое кто-то называл моим домом. Сейчас передо мной сидит человек, которого я не помню, но который знает о моих лекарствах больше меня, — она говорила тише с каждым предложением, словно необходимость не повысить голос помогала удерживать эмоции под контролем. — Поэтому либо ты наконец говоришь что-нибудь конкретное, либо этот разговор заканчивается.

После её слов Рейвен надолго замолчал.

За стойкой зашумела кофемолка, дверь кафе открылась, впуская запах дождя и холодный воздух, кто-то снял мокрое пальто и громко поздоровался с бариста. Обычная жизнь продолжалась вокруг настолько спокойно, что происходящее за маленьким столиком казалось чужеродным пятном внутри неё.

Рейвен опустил взгляд к своим рукам, затем снова посмотрел на Лиэль. В этот момент в нём не осталось ни прежнего спокойствия, ни лёгкой иронии; только усталость человека, который знает, что любое выбранное слово окажется плохим.

— Ты сама попросила помочь тебе забыть, — произнёс он наконец.

Лиэль ждала продолжения, потому что одна эта мысль казалась слишком большой, чтобы поместиться в одно предложение. Рейвен, однако, больше ничего не добавил, и только тогда она почувствовала, как по телу медленно проходит холод.

— Что именно забыть? — спросила она, и голос прозвучал тише прежнего. Пальцы по-прежнему лежали на блокноте, но теперь Лиэль почти не чувствовала бумагу под ними.

— Часть своей жизни, — ответил Рейвен, внимательно наблюдая за её реакцией.

Лиэль не позволила себе отвести взгляд.

— Какую часть?

Рейвен задержался с ответом, не отводя от неё взгляда.

— Ту, к которой я тоже принадлежал, — сказал он наконец.

Шум кафе на мгновение словно стал дальше.

— Ты хочешь сказать, что я сама решила забыть тебя? — Лиэль произнесла вопрос медленнее, чем собиралась, будто сама формулировка сопротивлялась тому, чтобы стать реальной.

Рейвен выдержал её взгляд. Ни оправдания, ни попытки смягчить сказанное в его лице не появилось, но рука возле чашки снова стала совершенно неподвижной.

— Да, — ответил он тихо.

Лиэль откинулась назад и несколько секунд смотрела на него поверх стола. Самым неприятным оказалось даже не содержание ответа, а то, что какая-то часть её самой отозвалась на него слишком болезненно, словно услышала не новую версию прошлого, а давно знакомую правду, от которой когда-то уже пыталась избавиться.

— Очень удобная история, — сказала она, проводя пальцем по краю блокнота. — Я ничего не помню, а ты можешь рассказать мне что угодно и объяснить отсутствие доказательств тем, что сама попросила всё стереть.

— Именно поэтому я не прошу тебя верить мне, — ответил Рейвен.

Лиэль внимательно смотрела на него.

— Тогда что ты от меня хочешь?

Рейвен отвёл взгляд.

— Пока ничего, — сказал он, и эта сдержанность неожиданно вызвала больше подозрений, чем прямое требование.

— Люди обычно не появляются под окнами тех, от кого ничего не хотят, — заметила Лиэль.

— Я хотел убедиться, что с тобой всё в порядке, — ответил он.

— Кто ты был мне? — спросила Лиэль без сарказма.

Рейвен перестал двигать чашку.

— Я не стану говорить тебе это сейчас, — сказал он наконец.

Лиэль чуть нахмурилась.

— Потому что боишься, что я не поверю?

— Потому что если я назову наши отношения, ты начнёшь примерять чужое слово на человека, которого не помнишь, — Рейвен говорил медленно. — Я не хочу, чтобы одно слово решило за тебя, что ты должна чувствовать.

Лиэль готовилась к попытке вызвать жалость или признанию, которое можно было бы сразу отвергнуть. Такой ответ застал её врасплох.

— Очень благородно, — произнесла она, хотя насмешка прозвучала слабее, чем хотелось. — Особенно после того, как ты почти два дня появляешься вокруг меня без объяснений.

— Благородство здесь ни при чём. — Рейвен слегка опустил взгляд, и в его голосе исчезло даже слабое тепло.

— Тогда что? — спросила Лиэль, не позволяя ему снова спрятаться в молчании.

— Я уже однажды принял решение за тебя, — сказал Рейвен. — Больше не хочу.

Лиэль почувствовала, как смысл фразы цепляется за что-то внутри, но прежде чем она успела спросить подробнее, он сам перевёл взгляд на телефон возле её руки.

— Записка, которую ты нашла, была о таблетках? — спросил Рейвен, и только после того, как слова прозвучали, выражение его лица едва заметно изменилось.

Лиэль моментально насторожилась.

— Откуда ты знаешь, что записка была о таблетках? — Она положила ладонь на телефон, словно защищая от него даже фотографию предупреждения.

Рейвен поморщился.

— Я не знал наверняка, — произнёс он осторожно.

— Не делай из меня идиотку, — Лиэль сказала это тихо, однако голос стал настолько холодным, что Рейвен перестал пытаться продолжить прежним тоном.

— Я не пытаюсь, — ответил он.

— Тогда перестань отвечать так, будто каждое слово проходит через внутреннего адвоката. — Лиэль взяла телефон, открыла фотографию предупреждения и повернула экран к нему, не выпуская устройство из рук.

Рейвен прочитал обе строки.

На первой его взгляд задержался дольше, а когда он дошёл до слов «В этот раз поверь себе», пальцы возле чашки слегка напряглись.

— Ты знаешь этот почерк? — спросила Лиэль.

— Не могу быть уверен, — ответил Рейвен, и на этот раз осторожность прозвучала не как уклонение, а как признание реальной неопределённости.

Лиэль помолчала, а затем задала вопрос, который после вчерашней ночи тревожил её сильнее всего.

— Мне продолжать принимать таблетки?

Рейвен медленно выдохнул и посмотрел на улицу за её плечом.

— Не прекращай резко, — произнёс он наконец. — Если решишь отказаться, не делай этого сразу и не пытайся проверить, что произойдёт, пропуская несколько подряд.

Лиэль почувствовала, как внутри возвращается вчерашняя тревога.

— Почему? — спросила она, чуть сильнее сжав телефон.

Рейвен снова посмотрел на неё, и теперь в его глазах было почти открытое беспокойство.

— Потому что они связаны с памятью, — сказал он.

Пальцы Лиэль непроизвольно напряглись.

— Что значит «связаны»? — Она подалась чуть ближе, однако Рейвен уже покачал головой.

— Сейчас я могу сказать только это, — произнёс он.

Лиэль не скрыла раздражения.

— Ты серьёзно?

— Если я дам тебе слишком много информации сразу, ты не сможешь понять, какая часть воспоминания настоящая, а какая появилась потому, что я подсказал, что искать, — объяснил Рейвен, не сводя с неё глаз.

Возражение уже было готово, но Лиэль вспомнила утренний момент возле фотографии, когда ей почти привиделись яркий свет и гладкий белый камень лишь потому, что она слишком долго всматривалась в снимок. Рейвен заметил перемену в её лице.

— Ты уже пыталась вспомнить? — спросил он мягче, чем прежде.

Лиэль сразу подняла на него взгляд.

— Это не твоё дело.

— Значит, пыталась, — произнёс Рейвен, и едва заметная тень улыбки появилась в его голосе раньше, чем на губах.

— Я только что просила не разговаривать со мной так, будто ты знаешь меня лучше меня самой, — напомнила Лиэль, хотя собственная реакция получилась менее резкой, чем она хотела.

— Я стараюсь, — ответил он.

— Получается ужасно, — сказала Лиэль, и на этот раз оба почти улыбнулись, но ощущение нормальности продлилось недолго.

Она перевела взгляд на его руки.

— То есть ты знал, что я забуду и тебя? — спросила она.

Рейвен долго не отвечал. Большой палец снова едва заметно приблизился к указательному, но на этот раз он словно вовремя заметил собственную привычку и остановил движение. Лиэль увидела это.

— Значит, знал, — произнесла она, и голос сразу стал тише.

— Ты попросила меня помочь, — ответил Рейвен, не пытаясь отрицать.

— Это не отменяет вопроса. — Лиэль почувствовала, что теперь злость направлена уже не на неизвестность, а на него самого.

— Не отменяет, — согласился он, и в этом признании не было попытки защититься.

Она задержала взгляд на его лице.

— И всё равно согласился?

Под взглядом Рейвена её раздражение уступило место чему-то более тяжёлому.

— Да, — произнёс он наконец.

Лиэль медленно закрыла фотографию на телефоне и положила его на стол.

— Тогда, возможно, я забыла тебя не случайно, — сказала она, и фраза прозвучала жёстче, чем всё, что было до этого.

Рейвен не вздрогнул и не изменился резко в лице, но взгляд на короткое мгновение потерял привычную сдержанность, и в нём появилась такая отчётливая боль, что Лиэль почти пожалела о сказанном.

Почти, потому что она всё ещё ничего о нём не знала и не собиралась защищать человека от последствий правды, которую сама же вынуждена была вытаскивать по частям.

— Возможно, — ответил Рейвен спустя несколько секунд. — И именно поэтому я не имею права требовать, чтобы ты мне доверяла.

— Впервые за весь разговор мы пришли к чему-то, с чем я согласна, — сказала она.

За окном снова усилился дождь. Крупные капли начали стекать по стеклу, растягивая огни вывесок в длинные розовые полосы, и Лиэль неожиданно заметила, что её кофе действительно успел окончательно остыть.

Рейвен проследил за её взглядом.

— Ты так и не выпила его горячим, — заметил он, и на этот раз в голосе появилась слабая, почти привычная насмешка.

— Если сейчас скажешь «я предупреждал», я попрошу тебя уйти, — предупредила она, приподняв чашку и сразу поставив обратно, потому что пить холодный кофе действительно не хотелось.

— Тогда промолчу, — ответил Рейвен, и уголок его рта чуть дрогнул.

— Это тоже раздражает. — Лиэль посмотрела на него поверх чашки.

— Помню, — произнёс он прежде, чем успел остановиться.

Слово прозвучало совершенно естественно.

Лиэль сразу напряглась, а Рейвен, кажется, осознал это уже после того, как фраза сорвалась. Его взгляд стал осторожнее.

— Не говори так, — сказала она тише.

— Как именно? — спросил он, хотя по лицу было видно, что смысл он понял.

Лиэль отвела взгляд к окну, где в отражении поверх дождливой улицы всё ещё угадывались они оба.

— Будто у тебя есть целая версия меня, которой у меня самой больше нет, — произнесла она.

Рейвен молчал, глядя на неё, и это не казалось способом уйти от разговора.

Впервые ей пришло в голову, что отсутствие её памяти, возможно, причиняет боль не только ей.

Эта мысль оказалась опасной, потому что слишком быстро превращала загадочного преследователя в человека. Лиэль убрала блокнот и телефон в сумку.

— На сегодня хватит, — сказала она, поправляя ремешок сумки.

Рейвен не попытался остановить её.

— Хорошо, — ответил он.

— И не приходи к моей квартире, — добавила Лиэль, задержав на нём взгляд.

— Не приду, — Рейвен произнёс это сразу, без паузы, и впервые за весь разговор она почти поверила ответу.

— Не появляйся в зеркалах тоже, если это каким-то образом зависит от тебя, — сказала она, и на этот раз внимательно наблюдала за реакцией.

В его лице промелькнуло что-то непонятное, похожее одновременно на удивление и тревогу.

— Постараюсь, — ответил Рейвен после небольшой паузы.

Этот ответ дался ему заметно тяжелее обещания не подходить к квартире. Лиэль уловила разницу и не стала спрашивать, почему: впервые ей показалось, что некоторые ограничения Рейвена существуют не только в его решениях, но и в самом способе, которым он теперь присутствует рядом.

Лиэль прищурилась.

— Ненавижу слово «постараюсь» почти так же сильно, как Нора ненавидит моё «я подумаю», — заметила она.

Рейвен едва заметно улыбнулся, однако уже в следующую секунду выражение его лица изменилось.

— Нора всё ещё рядом? — спросил он, и вопрос прозвучал слишком тепло для человека, который якобы не имеет отношения к нынешней жизни Лиэль.

Она моментально насторожилась.

— Откуда ты знаешь Нору? — спросила Лиэль, и рука, уже лежавшая на ремне сумки, снова опустилась на стол.

Рейвен задержал на ней взгляд, затем посмотрел в сторону.

— Не сейчас, — произнёс он с заметной осторожностью.

— Кажется, это действительно твоя любимая фраза.

— Вполне возможно, — устало ответил Рейвен.

Телефон в сумке завибрировал. Лиэль достала его и увидела сообщение от Миры:

Освободилась. Ты ещё в городе? Можешь зайти.

Когда она снова подняла глаза, Рейвен уже собирался уходить. Он надел пальто, медленно застегнул верхнюю пуговицу и оставил деньги под блюдцем.

— Я не закончила с вопросами, — сказала Лиэль, наблюдая за ним.

— Я знаю, — ответил он, поправляя ворот пальто.

— И это не означает, что ты можешь исчезнуть и ждать, пока я сама тебя найду, — добавила она.

Рейвен остановился и посмотрел на неё поверх стола.

— Ты всё равно найдёшь, — произнёс он спокойно.

Уверенность в его голосе мгновенно вызвала раздражение.

— С чего ты взял? — спросила Лиэль, слегка приподняв подбородок.

На мгновение в выражении Рейвена появилось что-то настолько знакомое, что она снова ощутила болезненное давление под рёбрами.

— Потому что раньше любопытство всегда побеждало осторожность, — сказал он, и в голосе мелькнуло почти тёплое воспоминание.

— Не строй планы на основании женщины, которую я не помню, — тихо произнесла Лиэль.

Рейвен задержался у стола ещё на секунду.

— Я и не строю, — ответил он, а затем добавил уже совсем тихо: — Именно поэтому жду, что выберешь ты.

После этих слов он направился к выходу.

Лиэль смотрела ему вслед, раздражённая собой за то, что не отвернулась сразу. У двери Рейвен остановился, чтобы пропустить внутрь пару под одним зонтом, затем натянул ворот пальто чуть выше и шагнул под дождь.

Только когда дверь закрылась, девушка поняла, что последние несколько секунд следила не за его лицом. Она смотрела на левую руку.

Ещё до того, как Рейвен коснулся пальцами края рукава возле запястья, Лиэль уже знала, что он это сделает.

Лиэль сидела неподвижно, пока дождь скрывал удаляющуюся фигуру. Привычку двигать пальцами ещё можно было заметить за время беседы, но рукава он при ней прежде не касался.

Она всё ещё не знала, можно ли верить Рейвену. Лиэль открыла на телефоне новую заметку и долго смотрела на пустой экран, прежде чем написать:

«Рейвен. Говорит, что мы были знакомы и что я сама попросила помочь мне забыть часть своей жизни, в которой был он. Знает о таблетках и утверждает, что они связаны с памятью. Не прекращать резко. Ничему из сказанного пока не верить без подтверждения.»

Палец задержался над экраном, после чего она добавила ещё одну строку:

«Почему я знаю его движения раньше, чем он их делает?»

Лиэль перечитала заметку, заблокировала телефон и только тогда заметила чашку Рейвена на противоположной стороне стола. Кофе в ней почти не был выпит.

На короткое мгновение ей показалось, что когда-то она уже злилась на него за то же самое. Лиэль задержала взгляд на чашке, но воспоминание так и не пришло.

Глава 4. Город без крови

Сообщение Миры всё ещё светилось на экране, когда Лиэль вышла из «After Moon» и остановилась под узким козырьком, где от дождя спасались ещё двое посетителей.

Ещё полчаса назад она пошла бы к ней без раздумий. Фотография лежала в сумке, вопросов становилось больше с каждым часом, а Мира всегда умела превращать тревогу в нечто более терпимое: в даты, версии, документы и аккуратно отделённые друг от друга факты. После разговора с Рейвеном Лиэль не хотелось ни фактов, ни версий. Ей хотелось хотя бы ненадолго перестать думать о человеке, который говорил с ней так, будто помнил сотни вещей, неизвестных ей самой.

За краем козырька дождь становился всё плотнее. Розовые и сиреневые вывески дрожали в лужах, трамвайные рельсы блестели мокрым металлом, а редкие прохожие двигались вдоль улицы, втягивая головы в воротники и раздражённо обходя потоки воды возле бордюров. Где-то впереди, за поворотом, уже исчез Рейвен.

Лиэль поймала себя на том, что всё равно ищет среди прохожих знакомое чёрное пальто, и тут же почувствовала раздражение на собственную реакцию.

Он пообещал не приходить к её квартире и оставить решение за ней, но после всех его недоговорённостей Лиэль продолжала мысленно спорить с ним даже теперь, когда он ушёл.

Лиэль открыла чат с Мирой и быстро написала:

Давай завтра. У меня на сегодня закончилась способность нормально воспринимать информацию.

Ответ пришёл через несколько минут.

Хорошо. Фотографию держи при себе.

Последняя фраза снова показалась слишком серьёзной.

Лиэль перечитала её, но начинать ещё один разговор, который наверняка закончится очередной осторожностью, не стала. Телефон исчез в кармане, а сама она наконец шагнула под дождь.

Домой Лиэль решила идти пешком.

Вельмир всегда помогал ей после слишком долгих разговоров, хотя сам город, разумеется, ничего об этом не знал. Стоило достаточно долго идти без цели, как чужие слова постепенно растворялись в трамвайных звонках, шуме воды, запахе кофе и коротких фрагментах чужих жизней, которые происходили рядом и никак не были связаны с её проблемами.

У цветочной лавки молодая ведьма спорила с венком, который упрямо распускался прямо в витрине, несмотря на попытки перевязать его чёрной лентой. Возле остановки двое подростков-оборотней доказывали друг другу, кто первым увидел приближающийся автобус, а маленькая фея пряталась под навесом кофейни и сушила мокрые крылья тёплым воздухом из вентиляционной решётки. Лиэль смотрела на них и постепенно чувствовала, как внутреннее напряжение ослабевает.

Прохожих, казалось, занимали только транспорт, работа, дождь, цена кофе и совершенно нормальные бытовые раздражения. Именно этого ей сейчас и не хватало.

До дома она добралась уже после восьми, успев по дороге купить хлеб, молоко и шоколад, который вообще не собиралась брать, пока не увидела яркую наклейку со скидкой.

На лифте висела записка: «Не работает». Девушка тяжело вздохнула и направилась к лестничной площадке. Госпожа Ивель встретилась ей между первым и вторым этажом с двумя тяжёлыми сумками трав и посмотрела на промокшие волосы Лиэль тем самым взглядом, который обычно предшествовал нравоучению о зонтах.

— Даже не начинайте, — предупредила Лиэль.

Ивель остановилась на ступеньке и медленно оглядела её от мокрого капюшона до ботинок, с которых на пол уже стекала вода.

— Я ещё ничего не сказала, дорогая, — заметила она.

Лиэль забрала у неё одну сумку преждевременно, чем соседка успела возразить.

— Вы подумали достаточно громко.

— Я подумала, что наличие острых ушей не гарантирует наличия здравого смысла. — Ивель поправила сползшую с плеча шаль и начала подниматься выше. — Но если ты уже научилась читать мысли, возможно, дождь действительно развивает полезные способности.

— Именно поэтому я принципиально не покупаю зонт. — Лиэль поднялась следом, чувствуя, как привычный обмен колкостями возвращает ей нормальное настроение.

Ивель покосилась на неё через плечо.

— Тогда ещё несколько осеней, и станешь великой чародейкой.

Девушка улыбнулась.

— Надеюсь, к этому времени вы перестанете кормить меня супом без разрешения.

— Это уже невозможно даже магией.

Когда они дошли до нужного этажа, Лиэль отдала сумку и ещё несколько секунд стояла у двери соседки, чувствуя неожиданное нежелание возвращаться в собственную квартиру. Ивель заметила эту паузу.

— Что-то случилось? — спросила она уже без насмешки, и её рука задержалась на дверной ручке.

Лиэль почти рассказала — о зеркале, фотографии, Рейвене, таблетках, — но слова так и не появились.

— Просто устала, — ответила она, чуть улыбнувшись, чтобы фраза не прозвучала слишком тревожно.

Ивель некоторое время смотрела на неё внимательнее обычного, однако расспрашивать не стала.

— Тогда поешь и ложись спать раньше, — сказала она мягче. — Мир редко становится понятнее после полуночи.

Лиэль вспомнила вчерашние часы.

— С этим трудно спорить.

Квартира встретила её знакомым полумраком, тихим гудением холодильника и отражением неона на стене. Она сняла мокрое пальто, переоделась в большой домашний свитер, высушила волосы и приготовила бутерброды, после чего позволила телевизору говорить вместо неё. Фотографию она не доставала. Заметки о Рейвене тоже не перечитывала.

Только поздно вечером, когда пришло время таблетки, привычное движение снова оказалось наполнено смыслом, которого раньше не имело. Лиэль открыла шкафчик и несколько секунд смотрела на матовый флакон.

Слова Рейвена всплыли в памяти почти дословно: не прекращать резко и не пытаться проверить, что произойдёт, пропуская несколько подряд.

Ей не нравилось следовать совету человека, которому она не доверяла. Ещё меньше нравилась возможность устроить эксперимент над собой только ради того, чтобы доказать ему собственную независимость. Лиэль достала таблетку, запила водой и записала время в телефон.

Так было спокойнее: теперь она хотя бы могла точно восстановить, когда принимала таблетку.

Перед сном она впервые за долгое время почти выключила лампу в ванной, но рука задержалась на выключателе. После нескольких секунд внутреннего спора свет остался гореть, хотя дверь Лиэль прикрыла плотнее обычного, чтобы зеркало не было видно из спальни.

Ночью ничего необычного не произошло, и именно поэтому утром ей стало легче.

***

Вельмир выглядел так, будто вчерашний дождь наконец устал от самого себя. Облака всё ещё висели низко, но между ними иногда появлялись светлые участки, и мокрые крыши Старого квартала блестели под редким солнцем. Из большого окна спальни хорошо были видны тёмные шпили, кирпичные трубы и несколько стеклянных башен делового центра, поднимавшихся дальше, за старой частью города. Лиэль долго стояла возле окна с чашкой кофе и пыталась составить максимально обычный план.

Госпожа Ивель просила купить корм для кошки. Нужно было забрать заказ из магазина косметики, зайти в маленькую мастерскую за новой цепочкой для кулона и вечером наконец встретиться с Мирой.

Она специально решила не открывать фотографию до этой встречи и не искать белые башни в интернете, потому что вчера уже убедилась, насколько легко слишком сильное желание вспомнить превращается в попытку дорисовать прошлое самостоятельно. Особенно Лиэль не собиралась думать о Рейвене.

Эта мысль оказалась настолько демонстративной, что она почти сразу поняла: именно о нём и будет думать.

На лестнице Лиэль невольно прислушалась к шагам ниже. У выхода из дома взгляд сам скользнул на противоположную сторону улицы, а возле первого перекрёстка она задержала внимание на высоком мужчине в чёрном пальто.

Незнакомец оказался вампиром лет пятидесяти, разговаривавшим по телефону с таким раздражением, будто собеседник лично отвечал за всю утреннюю погоду.

Лиэль отвернулась чуть быстрее, чем требовала ситуация.

Если Рейвен действительно решил выполнить обещание и оставить её в покое, это должно было радовать.

Почему вместо облегчения ей чего-то не хватало, Лиэль разбираться не собиралась.

До Старого квартала можно было доехать на трамвае, однако погода впервые за несколько дней позволяла пройтись без риска промокнуть насквозь, и она выбрала длинный маршрут.

Старый квартал отличался от остального Вельмира не столько возрастом домов, сколько ощущением, что город здесь никогда окончательно не решал, в каком веке хочет жить. Современные магазины занимали первые этажи зданий с резными каменными фасадами, под неоновыми вывесками сохранялись выцветшие гербы, терминалы оплаты стояли на деревянных прилавках, сделанных задолго до появления электричества, а над дверями некоторых лавок всё ещё висели металлические знаки старых ремесленных гильдий.

На узкой улице возле антикварного рынка Лиэль пришлось остановиться, пропуская небольшую экскурсионную группу. Туристы собрались вокруг гида, державшего над головой прозрачный зонт с золотой каймой, хотя дождя уже давно не было.

— Официальное название Вельмира — Город без крови, — рассказывал он с тем особенным выражением, которое экскурсоводы почему-то приобретали рядом с древними стенами. — Эту формулировку можно увидеть на старых печатях, муниципальных документах и нескольких исторических памятниках.

Мужчина из группы поднял руку.

— А почему именно «без крови»? — спросил он, оглядывая дома так, будто ожидал увидеть ответ прямо на фасадах.

Гид улыбнулся.

— Если расскажу сейчас, мне нечем будет удерживать вас до конца маршрута, — ответил он, и группа засмеялась.

Лиэль тоже едва заметно улыбнулась, проходя мимо.

Она знала официальное название города почти столько же, сколько знала собственный адрес, однако редко использовала его в обычной речи. «Город без крови» принадлежал туристическим буклетам, архивным документам и торжественным речам, тогда как для жителей

Вельмир оставался просто Вельмиром, со своими трамваями, течью в крышах, круглосуточными кафе и вечным спором между старой магией и коммунальными службами. Сегодня эта фраза почему-то задержалась в памяти. Возможно, потому что последние дни вообще заставляли замечать то, что раньше казалось фоном.

Лиэль свернула под старую арку, намереваясь сократить дорогу, и через несколько минут вышла к небольшой площади. Сначала она не увидела в ней ничего необычного.

Площадь представляла собой неправильный каменный четырёхугольник, окружённый старыми домами с узкими окнами. На первом этаже одного здания работала кофейня, рядом продавали подержанные книги, а чуть дальше висела вывеска часовой мастерской в форме медной луны, тихо покачивавшаяся даже при почти полном отсутствии ветра. В центре площади стоял фонтан. Лиэль замедлила шаг ещё до того, как поняла, что именно привлекло внимание.

Широкие тёмные чаши были покрыты следами времени, вода медленно стекала в неглубокий бассейн, на дне которого лежали сотни серебристых монет. Над фонтаном возвышалась каменная фигура эльфа в длинной одежде, причём лицо статуи было обращено не к площади, а куда-то поверх крыш, будто скульптор хотел, чтобы тот смотрел за пределы самого города. По меркам Старого квартала памятник выглядел почти скромно.

Здесь не было живых витражей, движущихся рун или воды, которая меняла цвет в зависимости от луны. И всё же Лиэль ощутила странную знакомость.

Она остановилась возле края бассейна, пытаясь понять, бывала ли здесь раньше. За столько лет вполне могла пройти через эту площадь с Норой или в поисках нужного магазина.

Однако ощущение оставалось слишком похожим на то, что возникало рядом с Рейвеном: не воспоминание, а уверенность в том, что память о месте существует где-то за пределами прямого доступа. Лиэль подошла ближе к статуе.

На основании была высечена фраза, почти стёртая временем:

«Пусть каждый, кто потерял дом, найдёт его здесь.»

Слово «дом» напомнило о фотографии: белые башни, детское лицо и выцветшая надпись на обороте, обещавшая маленькой Лиэль когда-нибудь вернуться туда, откуда она, судя по всему, ушла слишком давно.

В мире существовали тысячи надписей о доме, возвращении и потере. После вчерашней находки мозг совершенно закономерно цеплялся за любые похожие слова.

Лиэль уже собиралась отойти, когда заметила небольшой участок на основании статуи, где камень был стёрт заметно сильнее. К этому месту явно часто прикасались.

Лиэль протянула руку, желая почувствовать под пальцами обычную шероховатость старого камня.

Пальцы коснулись поверхности. Камень оказался холодным.

Сначала ничего необычного не произошло, и Лиэль уже почти усмехнулась собственной подозрительности, когда под ладонью возникла едва заметная вибрация.

Она не походила на механический толчок или движение скрытого устройства. Ощущение было гораздо мягче, словно через толщу основания прошла короткая волна и сразу исчезла. Лиэль не успела убрать руку. Поверхность воды изменилась почти одновременно.

До этого струи стекали по чашам с обычным шумом, дробили отражения облаков и заставляли монеты на дне дрожать под водой. Теперь бассейн на несколько мгновений стал удивительно гладким, будто движение существовало только снаружи, а внутри фонтана всё внезапно замерло. Серебристые монеты под водой вспыхнули мягким светом. Лиэль отдёрнула руку. В тот же момент привычный шум вернулся.

Вода снова зазвучала, где-то неподалёку хлопнула дверь, часы над мастерской отбили половину часа, а женщина с бумажным пакетом спокойно прошла мимо, даже не взглянув в

сторону статуи. Лиэль продолжала смотреть на основание фонтана. После истории с зеркалом доверять одному мгновенному впечатлению было невозможно.

На этот раз Лиэль протянула руку медленнее, внимательно следя за камнем, и коснулась того же места кончиками пальцев.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем под кожей снова почувствовалась слабая пульсация. В глубине основания проступила тонкая серебристая линия.

Она появлялась постепенно, словно свет не зажигался на поверхности, а пробивался сквозь многолетний слой потемневшего камня. Линия не складывалась в понятный символ, однако её было достаточно, чтобы Лиэль перестала сомневаться в собственной наблюдательности. Она убрала руку, и свечение медленно исчезло.

Реакция повторилась на том же месте после второго прикосновения. Это ещё не объясняло, что произошло, но отмахнуться от случайного впечатления стало труднее. Лиэль огляделась в поисках того, кто тоже мог заметить свечение; прохожие занимались своими делами.

— Не держи руку слишком долго, — раздался женский голос неподалёку. — Старые вещи иногда принимают внимание за приглашение.

Лиэль повернулась к скамье по другую сторону фонтана.

На ней сидела пожилая эльфийка с серебристыми волосами, собранными в низкий узел. На женщине было длинное тёмно-зелёное пальто, выглядевшее старомодным даже для Старого квартала, а на коленях лежал бумажный пакет с хлебом. Лиэль не могла сказать, находилась ли она здесь всё это время или подошла недавно.

— Вы видели, что произошло? — спросила она, пытаясь сохранить нейтральный тон.

Эльфийка сначала посмотрела на статую, затем перевела взгляд на Лиэль и слегка поправила пакет на коленях.

— Я видела, как ты трогала камень, — ответила она с таким спокойствием, словно речь шла о самой обычной вещи. — В моём возрасте это уже вполне достойное событие для одного утра.

Лиэль едва заметно нахмурилась.

— Он засветился, — уточнила она, наблюдая за лицом женщины.

Пожилая эльфийка посмотрела на основание, но выражение почти не изменилось.

— В Старом квартале иногда светятся вещи, которые не должны, и не светятся те, которые обязаны, — сказала она, после чего уголки губ слегка дрогнули. — Поэтому я давно перестала считать это надёжным признаком чего-либо.

— Я раньше не видела, чтобы камень так реагировал на прикосновение. — Лиэль подошла ближе к скамье, всё сильнее чувствуя, что женщина понимает больше, чем хочет показать.

Женщина тихо усмехнулась и поднялась со скамьи, прижимая пакет к груди.

— Вельмир не особенно любит объясняться.

— Это одна из тех фраз, которые звучат мудро исключительно потому, что ничего не объясняют?

Пожилая эльфийка посмотрела на неё с явным одобрением.

— Возможно, — признала она. — Когда доживёшь до моего возраста, поймёшь, насколько удобна такая мудрость.

— Почему фонтан отреагировал на моё прикосновение? — спросила она, не давая женщине уйти.

Её взгляд задержался на лице Лиэль, затем скользнул к серебряному полумесяцу на шее и вернулся к статуе. Прежняя лёгкая насмешка исчезла, уступив вниманию, которое было слишком серьёзным для случайного разговора.

— Я не знаю, почему старые вещи выбирают определённый момент, чтобы напомнить о себе, — произнесла она наконец. — Если бы Вельмир объяснял всё, что хранит, людям пришлось бы гораздо реже ходить в библиотеки.

Эльфийка направилась к арке. Лиэль уже почти решила не продолжать разговор, когда женщина остановилась и повернула голову.

— Вельмир помнит своих, — сказала она негромко, без особого нажима, будто произнесла простую фразу, смысл которой должен быть очевиден.

Именно отсутствие таинственного тона сделало слова ещё более неприятными.

— Что это должно означать? — Лиэль повернулась к ней всем корпусом, уже не скрывая раздражения.

Женщина задержала на ней взгляд, но больше ничего не сказала и скрылась под аркой.

В любой другой день она решила бы, что встретила пожилую жительницу Старого квартала, которая слишком долго живёт среди старых памятников и теперь развлекается афоризмами за счёт случайных прохожих. Сегодня отмахнуться не получалось. Она снова посмотрела на статую.

Камень больше не светился. Вода текла обычным образом, люди проходили мимо, а высеченная на основании фраза выглядела такой же стёртой, как несколько минут назад. Лиэль не стала касаться её в третий раз.

Ей неожиданно стало неуютно от самой мысли, что город способен отвечать, если задавать ему вопросы руками.

***

После фонтана весь привычный маршрут изменился, хотя сами улицы, разумеется, остались прежними.

Лиэль всё-таки забрала заказ, купила корм для кошки госпожи Ивель и зашла в мастерскую за новой цепочкой для кулона, но внимание постоянно возвращалось к площади. Старые арки теперь казались немного подозрительнее, чем утром, а выцветшие знаки на фасадах неожиданно хотелось рассматривать внимательнее.

Несколько раз она ловила себя на том, что касается стен кончиками пальцев, словно проверяя, не отзовётся ли ещё что-нибудь. Больше ничего не происходило.

Возле трамвайной остановки Лиэль даже положила ладонь на старый каменный столб, притворившись, что поправляет перчатку. Столб остался совершенно равнодушным к её существованию: холодным, мокрым и обычным.

Она почувствовала облегчение.

Пока откликнулся только фонтан. Возможно, дело было в его собственной магии, а вовсе не в ней. Чтобы понять разницу, нужно было узнать, реагирует ли он на чужие прикосновения.

К вечеру Лиэль устала от собственной настороженности настолько, что даже встреча с госпожой Ивель показалась спасением.

Соседка открыла дверь почти сразу после звонка. Из квартиры выскользнул запах запечённых овощей и сладкой травы, название которой Лиэль никогда не могла запомнить.

— Корм, — сказала она, протягивая пакет. — И если ваша кошка снова будет смотреть на меня через перила так, будто я задолжала ей деньги, объясните, пожалуйста, что я всего лишь посредник.

Ивель приняла покупку и заглянула внутрь пакета.

— Она смотрит так на всех, дорогая, поэтому не принимай на свой счёт, — ответила женщина, после чего подняла глаза на Лиэль и задержала взгляд чуть дольше. — Зайдёшь поесть? Я приготовила слишком много.

Лиэль почти согласилась.

В собственной квартире её ждали яйца и сыр, а здесь пахло настолько хорошо, что Лиэль пожалела о необходимости уходить. Но на вечер была назначена встреча с Мирой.

— В другой раз, — ответила она с лёгкой виноватой улыбкой. — Мне ещё нужно кое-куда сходить.

Ивель не стала сразу закрывать дверь. Она внимательно посмотрела на Лиэль, словно заметила, что мысли находятся совсем не здесь.

— Ты второй день какая-то рассеянная, — сказала она мягче. — Если что-то происходит, необязательно разбираться со всем одной.

От неожиданной серьёзности фразы Лиэль на несколько секунд потеряла готовый саркастический ответ.

— Я знаю, — произнесла она, поправляя ремень сумки. — Просто пока сама не понимаю, что именно происходит.

Ивель кивнула, не задавая дополнительных вопросов.

— Тогда хотя бы не забывай есть, пока понимаешь.

Лиэль усмехнулась.

— Вы с Норой всё-таки состоите в одной организации.

— Конечно, — ответила Ивель с совершенно невозмутимым видом. — У нас даже есть собрания.

Дверь закрылась под тихий смех, а Лиэль ещё несколько секунд стояла в коридоре, ощущая странную благодарность за то, что существуют люди, готовые заботиться о ней без загадок.

В своей квартире она задержалась лишь для того, чтобы оставить покупки, переодеться и взять фотографию перед встречей с Мирой. Проходя мимо холодильника, Лиэль машинально посмотрела на карту.

Раньше розовые точки казались случайными отметками, происхождение которых она просто забыла. После книги о старом Вельмире несколько из них уже начали выглядеть подозрительно, однако Лиэль по-прежнему не знала, кто и зачем нанёс их на карту. Она сняла лист с магнитов, положила на кухонный стол и открыла городской навигатор на телефоне.

Лиэль нашла площадь со старым фонтаном, затем начала сравнивать направление улиц, ближайший переулок, магазин на углу и линию трамвайных путей. С первого раза она не поверила совпадению и проверила ещё раз, увеличив карту на экране.

Розовая точка находилась именно там, на месте фонтана. Лиэль медленно опустилась на стул. Кто-то отметил эту площадь задолго до сегодняшней прогулки. Возможно, она сама, но воспоминаний об этом по-прежнему не было.

Сегодня она пришла туда почти случайно и обнаружила, что старый камень реагирует на её прикосновение. Фраза пожилой эльфийки снова всплыла в памяти.

«Вельмир помнит своих.»

Лиэль перевела взгляд с карты на привычную комнату. До сегодняшнего дня всё это было просто её настоящим — квартира, улица, близкие люди и сам Вельмир.

Теперь же впервые возникло ощущение, что город не только окружает её нынешнюю жизнь, но каким-то образом соприкасается с прошлым, которого она сама больше не помнит. И эта мысль оказалась гораздо тревожнее любой статуи.

Глава 5. Люди, которые меня знают

К библиотеке Лиэль подошла уже после закрытия читальных залов, когда стеклянные двери главного входа были заперты, а внутри горела только часть светильников. Дождь снова начал накрапывать, настолько мелко, что ощущался скорее влажной пылью, оседающей на волосах и воротнике пальто, чем настоящими каплями. Старое здание на границе кварталов в это время казалось особенно тяжёлым: тёмный камень почти сливался с вечерним небом, высокие окна отражали редкие фонари, а две статуи возле лестницы смотрели на пустеющую улицу с многовековым неодобрением.

Мира заранее написала, что откроет боковую дверь. Лиэль обошла здание и постучала по стеклу; в глубине коридора показалась знакомая фигура, затем щёлкнул замок.

— Ты выглядишь ещё хуже, чем позавчера, — сказала Мира вместо приветствия, отступая в сторону и придерживая дверь, пока Лиэль проходила внутрь.

— Я тоже рада тебя видеть, — Лиэль сняла капюшон и провела пальцами по влажным волосам, после чего мельком посмотрела на своё отражение в тёмном стекле и сразу отвернулась. — У тебя удивительный талант начинать встречу именно с той информации, которую человеку меньше всего хочется слышать.

Мира заперла дверь, дважды проверила ручку и только потом повернулась к ней.

— Если хочешь, я могу сначала сказать, что тебе очень идёт недосып, а потом мы обе будем знать, что я лгу, — предложила она, поправляя круглые очки. Взгляд задержался на лице Лиэль дольше обычного, и привычная насмешка на мгновение уступила внимательной оценке. — Ты вообще спала?

— Спала. Ничего необычного не случилось, только просыпалась несколько раз. Утром даже казалось, что выспалась.

— В твоём случае я готова считать достижением уже то, что ты легла в кровать, а не провела ночь перед зеркалом с блокнотом.

Лиэль посмотрела на неё внимательнее.

— Забавно, что ты выбрала именно зеркало.

Мира на секунду остановилась, однако почти сразу продолжила идти по коридору.

— После твоего вчерашнего сообщения сложно было предположить, что ночь прошла идеально спокойно, — объяснила она, открывая дверь служебного помещения. — Заходи. Я поставлю чайник.

Ответ звучал разумно, но ничего не объяснял про зеркало. Лиэль промолчала и вошла следом.

Мира привела её не в читальный зал, а в небольшую комнату за архивом, куда обычно допускали только сотрудников. Здесь стояли два стола, металлический шкаф, старый чайник и узкое окно, на подоконнике которого каким-то чудом продолжал жить суккулент. Вдоль стены тянулись полки с коробками, подписанными годами и индексами, а в воздухе смешивались запахи бумаги, пыли и дешёвого чёрного чая. Лиэль сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— У вас здесь уютно настолько, насколько вообще может быть уютно в помещении, где хранят вещи, пережившие своих владельцев, — заметила она, оглядывая коробки.

Мира поставила чайник и достала из шкафа две чашки.

— Это архив, а не склеп, хотя некоторые посетители действительно не видят разницы, — ответила она, доставая заварку. Затем взгляд снова переместился на сумку Лиэль. — Покажешь фотографию?

Лиэль расстегнула сумку, но блокнот пока не доставала.

— Сначала объясни одну вещь, — попросила она, оставаясь стоять возле стола. — Почему вчера ты написала «Фотографию держи при себе» так, будто я нашла улику по убийству?

Мира задержала руку над банкой с чаем и некоторое время смотрела на неё через плечо.

— Потому что это старый оригинальный снимок неизвестного происхождения, напрямую связанный с твоим детством, о котором ты сама знаешь очень мало, — сказала она, возвращаясь к чашкам. — Потерять его действительно было бы глупо.

Лиэль достала блокнот, вынула фотографию из прозрачного кармана, однако, когда подруга протянула руку, задержала снимок у себя.

— Только не начинай опять с «я не уверена» раньше, чем успеешь посмотреть.

В лице Миры промелькнуло раздражение, но почти сразу сменилось усталостью.

— Я могу обещать только не выдумывать уверенность там, где её нет, — сказала она и снова протянула ладонь. — Это лучше, чем красивый ответ, который потом окажется ложью.

Лиэль всё же отдала фотографию.

Мира взяла её за края и подошла к настольной лампе. Лиэль следила за ней, слушая нарастающий шум чайника.

Мира посмотрела на детское лицо Лиэль, затем наклонила снимок к свету. Когда взгляд дошёл до белых башен, пальцы на краю бумаги напряглись.

— Ты узнаёшь место, — сказала Лиэль, и прозвучало это уже не как вопрос.

— Я рассматриваю архитектуру, — ответила она, осторожно возвращая снимок под свет лампы.

— У тебя изменилось лицо, — Лиэль медленно скрестила руки на груди. — Я уже начинаю ненавидеть то, насколько хорошо теперь замечаю такие вещи.

— Выражение лица — довольно ненадёжный источник исторических данных.

— Зато последние несколько дней он надёжнее ответов людей, — возразила Лиэль. — Пожалуйста, не делай то же самое, что Рейвен.

Мира опустила фотографию и посмотрела на Лиэль.

— Ты с ним разговаривала? — спросила она, и в голосе появилась осторожность, которой секунду назад не было.

— Значит, ты его знаешь.

Мира положила фотографию на стол и принялась протирать и без того чистые очки.

— Я знаю о нём, — сказала она наконец, возвращая очки на место.

— Очень удобная разница.

— Она может быть удобной, но от этого не перестаёт быть настоящей, — Мира опёрлась ладонями о край стола и посмотрела на неё уже серьёзно. — Что именно он тебе рассказал?

Лиэль помедлила, прежде чем ответить.

— Он сказал, что я сама попросила помочь мне забыть часть своей жизни, в которой был он, — произнесла она наконец. — Ещё он знает о таблетках и утверждает, что они связаны с памятью.

Мира отвела взгляд к закипающему чайнику.

— И ты ему поверила?

Лиэль покачала головой.

— Не переводи разговор на то, верю ли я Рейвену. Сейчас меня интересует другое: ты впервые слышишь всё это или нет?

Чайник щёлкнул. Мира выключила его из розетки, но разливать воду не стала.

— Не впервые, — призналась она.

— Насколько не впервые?

— Я знала, что у тебя есть проблемы с памятью, которые нельзя полностью объяснить рассеянностью. Знала, что таблетки для тебя важны, и знала, что существует человек по имени

Рейвен, — сказала она медленно, словно каждое утверждение сознательно отделяла от следующего. — Но это не значит, что я знаю всё, что рассказал тебе он.

— И сколько времени ты собиралась ждать, прежде чем сообщить мне хотя бы одну из этих вещей?

— Пока не появилась бы причина считать, что молчание делает тебе больше вреда, чем информация, — ответила она.

— Мира, это моя память, — Лиэль сказала это негромко, но голос стал заметно жёстче. — Не библиотечная книга, которую можно не выдавать, пока читатель не принесёт правильную справку.

Мира на мгновение прикрыла глаза.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, словно право решать всё равно было у тебя?

— Потому что иногда решение не рассказывать что-то тоже может быть выполнением чужой воли, а не моей собственной, — Мира произнесла это и почти сразу сжала губы, словно поняла, что сказала больше, чем собиралась.

— Чьей воли?

Мира потянулась к чайнику и начала разливать воду по чашкам.

— Я не могу ответить на этот вопрос сейчас.

— Вы оба говорите так, будто существует какая-то версия меня, которая заранее раздала всем инструкции, а потом исчезла, оставив нынешнюю Лиэль жить внутри последствий. — Лиэль подошла ближе к столу.

Голос дрогнул от обиды, и Мира опустила глаза к чашке.

— Это несправедливо по отношению к тебе, — сказала она после паузы.

— Тогда почему никто ничего не менял?

— Потому что мы не знали, что именно произойдёт, если начнём менять, — Мира подняла взгляд и впервые за вечер выглядела не загадочной, а просто уставшей. — И потому что я не уверена, что имею право рассказывать тебе чужую версию твоего прошлого так, будто она единственная.

Рейвен тоже не хотел заранее говорить, кем они были друг другу. Сходство раздражало.

— Вы случайно не репетировали вместе? — спросила она, забирая чашку, хотя пить пока не собиралась.

— Я не обсуждала с ним, что тебе говорить.

— Но обсуждала с ним меня?

Мира помедлила.

— Когда-то мы разговаривали. Давно, — призналась она.

Лиэль поставила чашку обратно на стол, так и не сделав глотка.

— Я не прошу рассказать мне всю правду, если ты её не знаешь, — сказала Лиэль, стараясь говорить спокойнее. — Но я хочу понимать, когда ты сознательно что-то скрываешь.

— Это справедливо.

— Тогда ответь прямо: ты сейчас что-то скрываешь?

Мира сняла очки, сложила дужки и положила их возле фотографии.

— Да, — сказала она наконец. — Но не потому, что хочу держать тебя в неведении.

— Тогда почему?

— Потому что часть того, что я знаю, принадлежит не только мне. Ещё часть я сама не могу подтвердить и не хочу выдавать предположение за факт. Если всё это смешать и рассказать тебе одним красивым монологом, получится история, а не правда.

Лиэль посмотрела на неё внимательнее.

— И ты действительно считаешь, что молчание лучше?

— Нет, — Мира покачала головой. — Я считаю, что молчание тоже может быть ошибкой. Просто я пока не понимаю, какая из ошибок опаснее.

Страх Миры казался искренним, и от этого обида становилась сложнее. Подруга снова надела очки и подтянула фотографию ближе к лампе.

— Я могу проверить то, что не требует доверия ни ко мне, ни к Рейвену, — сказала она, возвращаясь к более привычному деловому тону. — Возраст бумаги, способ печати, чернила, архитектурные каталоги и любые совпадения по деталям здания.

— То есть вернуться к фактам.

— Именно.

— Звучит почти подозрительно разумно после последних двадцати минут.

Мира едва заметно улыбнулась.

— Я берегла лучший аргумент на конец.

Лиэль подошла ближе, и они обе склонились над фотографией.

Под ярким светом бумага выглядела ещё старше. Мира медленно поворачивала снимок, рассматривая края, потом перевернула его и изучила надпись.

— Почерк тебе знаком? — спросила она.

— Нет, хотя после записки я уже начинаю подозревать собственную руку во всём подряд, — Лиэль провела пальцем над надписью, не касаясь чернил. — Я сравнивала со своими старыми записями. Сходство есть, но ничего убедительного.

Мира кивнула.

— Здесь почерк отличается сильнее. Думаю, это другой человек, но без экспертизы я бы не делала вывод.

Лиэль посмотрела на неё.

— Мне нравится новая версия тебя, которая сообщает, где заканчивается знание.

— Не привыкай слишком быстро.

Они снова вернулись к лицевой стороне. Мира приблизила фотографию к лампе и задержалась возле одной из башен.

Указательный палец Миры завис над одним участком изображения.

— Что там? — спросила Лиэль.

— Возможно, символ, — сказала Мира. — Пока вижу только часть.

Лиэль приблизилась так, что их плечи почти соприкоснулись.

На белом камне действительно угадывался тонкий серебристый рисунок, который раньше казался обычным элементом декора. При ярком освещении можно было различить дугу и несколько пересекающих её линий, хотя изображение всё ещё оставалось слишком выцветшим.

— Ты его узнаёшь, — сказала Лиэль, переводя взгляд с фотографии на Миру.

— Я видела похожие знаки в старых материалах.

— Где именно?

— В архивных каталогах, но я хочу сначала проверить, что это действительно тот же символ, — Мира положила фотографию на стол и развернула лампу так, чтобы свет падал сбоку. — Если сейчас назову первую ассоциацию, ты потом будешь искать подтверждение именно ей.

Лиэль вспомнила, как сама утром боялась дорисовать прошлое, разглядывая белые башни.

— Ненавижу, когда вы оба говорите разумные вещи, — пробормотала она, проводя пальцами по волосам.

— Ты сейчас поставила меня и Рейвена в одну категорию?

— Только по уровню раздражающей осторожности.

— Тогда я переживу.

Мира подошла к старому сканеру возле стены и включила питание.

— Оставишь фотографию здесь до завтра?

Лиэль мгновенно положила ладонь на снимок. Мира посмотрела сначала на руку, потом на неё.

— Я просто спросила.

— Нет, — ответила Лиэль, медленно убирая фотографию к себе. — Можешь сделать скан, но оригинал останется у меня.

— Хорошо. Тогда положи её сюда и не дыши мне в затылок, иначе я начну специально делать всё медленнее.

Лиэль встала рядом со сканером.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

Фраза сорвалась почти автоматически. Обе на мгновение замолчали. Мира первой перевела взгляд на крышку сканера.

— Некоторые части тебя я действительно знаю хорошо, — сказала она мягче. — Те, которые ты сама позволила мне узнать.

Лиэль не нашлась с ответом.

***

Когда она вышла из библиотеки, было почти десять. Дождь снова усилился, но Лиэль не надевала капюшон первые несколько минут, позволяя холодным каплям попадать на волосы и лицо. После душного архивного помещения влажный воздух казался почти полезным. Разговор не принёс облегчения.

Рейвен появился в её жизни два дня назад, а Мира давно была частью того, что Лиэль считала надёжным. Поэтому молчание подруги задевало сильнее. На перекрёстке завибрировал телефон.

Нора написала:

Ты ела?

Лиэль посмотрела на экран и почти улыбнулась.

После полутора часов осторожных ответов один простой вопрос неожиданно оказался самым приятным за весь вечер.

Нет.

Ответ пришёл моментально:

Я увольняюсь с должности твоей подруги.

Лиэль продолжила идти, печатая на ходу.

Сначала накорми, потом увольняйся.

Через несколько секунд Нора прислала адрес ресторана, хотя Лиэль прекрасно знала дорогу.

Через двадцать минут заканчиваю. Приходи и никуда не исчезай.

Лиэль изменила маршрут.

Ресторан, где работала Нора, находился в более современной части Вельмира, на первом этаже стеклянного здания, которое ночью отражало старые башни с противоположной стороны улицы. К моменту прихода Лиэль посетителей почти не осталось, половина столиков была убрана, а сотрудники готовили зал к закрытию. Нора заметила её почти сразу.

На ней была рабочая чёрная рубашка с закатанными рукавами, каштановые волосы собраны в высокий хвост, а на лице сохранялось выражение человека, который последние восемь часов вынужден был объяснять окружающим вещи, достаточно крупно написанные в меню.

Она подошла к столику у окна и остановилась, уперев одну руку в спинку соседнего стула.

— Ты выглядишь так, будто проиграла спор с привидением, — сказала Нора, внимательно оглядывая подругу.

Лиэль сняла пальто и повесила его рядом.

— Сегодня я спорила в основном с живыми, и это оказалось гораздо утомительнее.

Нора сразу прищурилась.

— Это про Миру или про твоего мужчину из зеркала?

Лиэль подняла глаза.

— Он не мой.

— Мне нравится, что ты исправила только эту часть, — Нора потянула стул на себя, но садиться пока не стала. — Значит, про него тоже.

— Его зовут Рейвен.

Нора замерла с рукой на спинке.

— Вот теперь мне стало ещё интереснее, но я вижу, что сначала тебя нужно кормить, иначе вместо нормального рассказа получу злую галлюцинацию.

— Именно поэтому ты мой любимый человек сегодня.

— Запомню и буду использовать против Миры.

Нора ушла на кухню, а через несколько минут вернулась с тарелкой пасты, которую поставила перед Лиэль с выражением, не допускающим обсуждения.

— Ты это украла? — спросила Лиэль, беря вилку.

Нора наконец села напротив и расстегнула верхнюю пуговицу формы.

— Я работаю здесь четыре года, поэтому теперь это называется служебным злоупотреблением с хорошей репутацией.

— Звучит гораздо солиднее.

— Ешь, пока горячее, а потом рассказывай, почему мужчина из зеркала уже получил имя.

Первые несколько минут Лиэль ела молча. Нора убрала забытую сахарницу, подтянула к себе стакан воды и дождалась, пока подруга перестанет выглядеть так, будто готова съесть вилку вместе с пастой.

— Теперь можно спрашивать? — Нора опёрлась локтями о стол и сложила ладони перед собой.

— Всё равно спросишь.

— Конечно, но я воспитанная.

Лиэль усмехнулась и начала рассказывать.

О встрече с Рейвеном она говорила осторожнее, чем ожидала от себя. Упомянула фотографию, его знание о таблетках, утверждение о добровольном забвении и то, что сама почему-то заранее замечает некоторые его привычки.

Нора слушала внимательно, иногда задавая короткие вопросы, но не перебивала без необходимости. Только когда Лиэль дошла до рассказа о том, что Рейвен стоял возле её дома, выражение лица подруги заметно изменилось.

— Подожди, — сказала она, поднимая ладонь. — То есть он действительно следил за тобой?

— Я не сказала, что следил, — Лиэль отложила вилку и сразу заметила, как Нора медленно приподняла брови. — Он стоял возле дома.

— Лиэль, это сейчас звучит как защита сталкера на первой стадии отрицания.

— Я его не защищаю, — она потянулась за стаканом воды. — Мне просто не нравится упрощать ситуацию до ярлыка, когда я сама пока ничего не понимаю. Я сказала не приходить к квартире, и он согласился.

Нора некоторое время смотрела на неё, после чего медленно откинулась на спинку стула.

— Какая высокая планка для мужчины: услышал слово «не приходи» и не стал спорить.

Нора говорила насмешливо, но ноготь уже постукивал по стеклу стакана. Лиэль знала этот ритм: подруга волновалась.

— Я знала, что ты это скажешь.

— И всё равно рассказала.

Лиэль вздохнула, но уголки губ всё-таки дрогнули. Нора тоже улыбнулась, однако почти сразу стала серьёзнее.

— Я не буду запрещать тебе с ним разговаривать, потому что ты всё равно сделаешь по-своему, — сказала она, проводя пальцем по краю стакана. — Но если человек утверждает, что знает твоё прошлое лучше тебя, это уже даёт ему очень много власти. Просто помни об этом, ладно?

Лиэль кивнула.

— Я поэтому и записываю всё отдельно.

— Вот это мне уже нравится больше.

Нора ненадолго отвлеклась, чтобы помочь сотруднице убрать последние чашки, а когда вернулась, Лиэль закончила рассказ о Мире. На этот раз реакция оказалась заметно резче. Нора поставила на стол принесённую салфетницу и несколько секунд смотрела на неё молча.

— Она прямо сказала, что что-то скрывает? — спросила она, садясь обратно.

— Да, — Лиэль провела вилкой по пустой тарелке. — И это, наверное, единственная часть разговора, которая мне понравилась, потому что впервые не пришлось угадывать.

— Мне всё равно не нравится, — Нора потянулась за её тарелкой, но вместо того чтобы сразу унести, осталась сидеть. — Если человек знает, что у тебя проблемы с памятью, знает этого Рейвена, а тебе ничего не говорит, это выглядит плохо.

— Она не делала вид, что всё нормально, — возразила Лиэль и по выражению Норы поняла, что снова защищает другого человека.

— Ты пять минут назад сама была на неё зла.

— Я и сейчас зла, — Лиэль потёрла висок и устало выдохнула. — Но злиться и считать человека врагом — не одно и то же.

Нора посмотрела на неё чуть мягче.

— Хорошо. Тогда я скажу иначе: мне не нравится, что все вокруг тебя внезапно знают куски твоей жизни, которые тебе самой недоступны.

Лиэль опустила глаза на стол.

— Вот с этим я согласна.

После закрытия ресторана Нора переоделась, и они вместе вышли на улицу. Дождь почти закончился, но тротуары всё ещё блестели, отражая свет витрин и автомобильных фар.

— Ко мне или к тебе? — спросила Нора, поправляя ремень сумки.

Лиэль посмотрела на неё.

— Ты не собираешься домой?

— Я вижу твоё лицо и прекрасно понимаю, что если оставлю тебя одну, ты либо начнёшь искать древнее проклятие в интернете, либо снова будешь разговаривать с кроликом до трёх утра.

— С кроликом у нас здоровые отношения.

Нора толкнула её плечом, заставляя чуть отклониться в сторону.

— Он никогда не отвечает тебе «нет», поэтому неудивительно, что вы идеально ладите.

Лиэль рассмеялась и толкнула её в ответ.

В итоге они пошли в квартиру 507, купив по дороге мороженое, несмотря на холод, и пачку солёных крекеров, которые Нора называла идеальной едой для плохих жизненных решений. Дома напряжение последних часов постепенно начало отпускать.

Нора сняла обувь, сразу прошла на кухню и открыла холодильник с уверенностью человека, давно потерявшего необходимость спрашивать разрешение.

— У тебя три соуса, половина лимона и два яйца, — сообщила она, заглядывая на верхнюю полку. — Это не продукты, а улики после исчезновения продуктов.

Лиэль положила серьги на стол и села на край дивана.

— У меня ещё есть сыр.

Нора нашла упаковку, посмотрела на срок годности и медленно повернула голову.

— Был.

— Не драматизируй.

— Я оборотень, драматизация входит в биологическую комплектацию.

Закрывая холодильник, Нора задержала взгляд на карте.

— Ты опять добавила точки? — спросила она, проводя пальцем над одной из розовых отметок.

Лиэль сразу выпрямилась.

— Что значит «опять»?

Нора обернулась, всё ещё держа ладонь на дверце.

— Ты иногда их добавляешь, — объяснила она, немного удивлённая реакцией. — Я видела пару раз.

Лиэль подошла ближе.

— Когда?

Нора закрыла холодильник и нахмурилась, пытаясь восстановить воспоминание.

— Не знаю точно. Может быть, несколько месяцев назад, может, раньше. Ты сидела с картой, отмечала какие-то места и на мои вопросы отвечала, что потом объяснишь.

— И тебя это не удивило?

— Не особенно, — Нора пожала плечами, а затем, заметив выражение Лиэль, перестала улыбаться. — Я решила, что ты строишь маршруты или отмечаешь места, куда хочешь сходить. Ты иногда делаешь странные вещи без мистического объяснения.

Лиэль сняла карту с магнитов и положила на стол.

— Я не помню, зачем поставила ни одну из этих точек.

Нора медленно подошла следом.

— Совсем?

— Совсем, — Лиэль провела пальцем возле одной из отметок. — Сегодня я случайно пришла к старому фонтану в Старом квартале, и оказалось, что на карте это место уже отмечено.

Нора опёрлась ладонями о стол.

— Что за фонтан?

Лиэль рассказала о площади, статуе и серебристом свечении, стараясь не делать событие более драматичным, чем оно было. Когда дошла до слов пожилой эльфийки, Нора перестала хрустеть крекером, который всё это время держала в руке.

— Она прямо сказала, что Вельмир тебя помнит? — спросила Нора, медленно кладя крекер обратно в пачку.

— «Вельмир помнит своих», — поправила Лиэль. — Что бы это ни значило.

Нора посмотрела на карту.

— И ты молчала об этом весь вечер?

— Последний человек, которому я показала фотографию, признался, что знает о моей памяти больше, чем говорил, поэтому мой энтузиазм делиться новостями немного пострадал.

Нора сразу поняла.

— Мира.

Лиэль кивнула.

Лиэль вспомнила ещё несколько деталей разговора в библиотеке, которые не успела передать за ужином. Нора слушала, сидя на краю стола и разглаживая угол карты.

— Мне не нравится, что она спрашивала про твои таблетки, — сказала она наконец, проводя большим пальцем по краю карты.

Лиэль подняла глаза.

— Что значит «спрашивала»?

Нора выпрямилась.

— Кажется, однажды Мира спрашивала, принимаешь ли ты их регулярно.

— Когда?

— Давно. Возможно, год назад или около того, я точно не вспомню. Мы тогда сидели где-то втроём или переписывались, а потом она спросила меня отдельно, не пропускаешь ли ты таблетки.

— И что ты ответила? — Лиэль старалась сохранить спокойный голос, хотя пальцы на краю стола уже сжались.

— Что насколько мне известно, ты их принимаешь, — Нора придвинулась ближе. — Я решила, что ты сама ей всё рассказала. Лиэль, я правда не понимала, что здесь вообще есть какой-то секрет.

— Я тоже не понимала.

Нора опустила взгляд на стол, сжала губы и выдохнула, после чего осторожно коснулась предплечья Лиэль.

— Если бы я знала, что это связано с твоей памятью или чем-то опасным, я бы сказала тебе сразу.

Лиэль кивнула: Норе она верила.

— Ты ещё что-нибудь замечала? — спросила она.

Нора убрала руку и медленно села на соседний стул.

— В каком смысле?

— Что-нибудь странное, связанное со мной, что раньше казалось неважным, — Лиэль села напротив и подтянула карту ближе. — Провалы, фразы, вещи, которые я делала и потом не помнила.

— Ты иногда разговариваешь во сне.

Нора подняла ладонь, заметив выражение Лиэль.

— Я не говорю, что это обязательно связано, — предупредила Нора. — Большинство людей иногда разговаривают во сне, а ты однажды вообще пыталась заказать кофе, лёжа у меня на диване.

— Звучит как естественное продолжение моей личности.

— Именно поэтому я не сочла это мистическим симптомом, — Нора улыбнулась, но улыбка быстро стала слабее. — Только несколько раз ты повторяла одно и то же слово или имя.

Лиэль перестала улыбаться.

— Какое?

Нора прикрыла глаза, пытаясь вспомнить звучание.

— Я не могла разобрать полностью. Там было что-то начинающееся на «эй», «ай» или, может быть, «эл». Ты говорила очень тихо и половину звуков проглатывала.

Холодное ощущение медленно прошло по спине.

— Ты уверена, что это было имя?

— Не уверена, — Нора сразу покачала головой. — Возможно, часть фразы. Именно поэтому я никогда ничего тебе не говорила.

— А кроме этого?

Нора задумалась.

— Иногда звучала ещё одна фраза, но я тоже не поручусь за точные слова. Что-то про то, что нужно помнить, и вроде бы там было «за двоих».

Лиэль подняла голову.

— «Помнить за двоих»?

— Возможно, — Нора сдвинула брови, явно недовольная собственной неточностью. — Но, пожалуйста, не записывай это как прямую цитату. Ты могла сказать «помни обоих», «помни за нас» или вообще что-то другое. Я слышала сквозь сон и не пыталась запоминать.

Фраза не вызвала ни одного воспоминания — даже того смутного узнавания, которое возникало рядом с Рейвеном.

— Почему ты раньше не рассказывала? — спросила Лиэль, хотя уже почти знала ответ.

— Потому что тогда это выглядело как обычный сон, — объяснила она без попытки оправдаться. — Если бы я каждое утро составляла отчёт обо всём, что ты говоришь ночью, наша дружба закончилась бы после истории с «господином чайником».

Лиэль нахмурилась.

— Я всё ещё не верю, что называла тебя господином чайником.

— А я до сих пор жалею, что не записала.

Они обе улыбнулись, однако смех не возник. Слишком многое теперь могло оказаться важным задним числом. Нора некоторое время смотрела на карту, затем поднялась и пошла к чайнику.

— Хочешь знать, что я думаю? — спросила она, доставая две чашки.

— Ты всё равно скажешь, поэтому можно не изображать демократию, — ответила Лиэль, наблюдая, как подруга открывает коробку с чаем.

Нора обернулась через плечо.

— Я думаю, тебе сейчас очень легко начать воспринимать каждого человека вокруг как подозреваемого, потому что почти любой из нас может вспомнить что-нибудь, чего не помнишь ты.

— Сложно не воспринимать это подозрительно, когда один человек знает мои таблетки, другой знает Рейвена, а я сама ставлю точки на карте и забываю об этом.

Нора залила чай кипятком и принесла чашки к столу.

— Именно поэтому и сложно, — сказала она, садясь напротив. — Если начнёшь считать доказательством каждую паузу, оговорку или странный сон, очень быстро останешься одна со своим расследованием и мужчиной в чёрном пальто, который, судя по твоему рассказу, вообще чемпион мира по недоговариванию.

Лиэль обхватила чашку ладонями.

— Он хотя бы признаёт, что что-то скрывает.

Нора медленно подняла брови.

— Не делай этот голос.

— Какой ещё голос? — Лиэль посмотрела на неё поверх пара.

— Голос человека, который через пять минут начнёт объяснять мне, почему загадочность — положительное качество, если у мужчины красивые глаза.

Лиэль рассмеялась раньше, чем успела сохранить серьёзное выражение.

— Я вообще ничего не говорила про его глаза.

— Зато поняла, о чём речь, быстрее, чем когда я спрашивала про ужин.

— Ненавижу тебя.

— Прекрасно, значит, у нас всё ещё здоровая дружба, — Нора протянула руку через стол и украла у неё крекер, хотя пачка стояла ближе к ней самой.

Смех постепенно стих.

Лиэль сделала глоток чая и почувствовала, как напряжение в плечах ослабевает. За чужими версиями прошлого она почти перестала замечать настоящее, в котором можно было спорить из-за холодильника, есть мороженое в холодную погоду и смеяться с Норой.

Нора оставалась её подругой не потому, что знала её раньше всех, а потому, что была здесь сейчас. И всё же мысль о Мире продолжала болезненно цепляться изнутри.

***

Было уже далеко за полночь, когда Нора уснула на диване. Она отказалась возвращаться домой, сославшись на отвратительное расписание ночного транспорта, хотя до её квартиры можно было добраться одним трамваем. Лиэль понимала настоящий мотив и не стала спорить.

Телевизор работал почти без звука, разбрасывая по комнате холодные отблески. На столе остались пустые чашки, пачка крекеров и карта Вельмира, которую они так и не вернули на холодильник. Лиэль сидела на полу, прислонившись спиной к дивану, и рассматривала розовые отметки.

Теперь несколько мест уже перестали быть совершенно случайными: одна точка совпадала с библиотекой, другая — со старым фонтаном, а ещё несколько находились в старой части города, где она пока не знала ничего достаточно важного, чтобы объяснить собственный интерес. Остальные отметки по-прежнему молчали. Телефон завибрировал возле локтя.

Мира написала:

Скан получился хорошо. Завтра попробую сравнить архитектуру с архивными каталогами.

Через несколько секунд появилось ещё одно сообщение:

И ещё: сегодня я была слишком резкой. Извини.

Лиэль долго смотрела на экран, прежде чем набрать ответ.

Я тоже. Но я всё ещё зла.

Мира ответила почти сразу:

Имеешь право.

Эти два слова неожиданно подействовали сильнее длинного оправдания. Лиэль уже собиралась убрать телефон, когда пришло следующее сообщение.

Я увеличила участок на правой башне. Посмотри.

Следом загрузилось изображение. Лиэль открыла его.

На обработанном фрагменте серебристый рисунок стал заметнее. Тонкая дуга пересекалась с несколькими линиями, образуя символ, который всё ещё нельзя было рассмотреть полностью, однако теперь уже невозможно было принять его за случайный блик.

Через несколько секунд Мира прислала ещё одну фразу:

Я хочу сначала проверить источник и только потом говорить, что это значит. Но похожий знак я уже встречала.

Лиэль быстро написала:

Где?

Ответ появился не сразу.

В старом архивном каталоге. Завтра покажу тебе оригинальную запись.

Лиэль перечитала сообщение, а затем перевела взгляд на фотографию, лежавшую рядом с картой.

Мира ещё в библиотеке сказала, что видела похожие знаки в архивных каталогах. Теперь она обещала показать запись, но Лиэль всё равно ловила себя на попытке найти скрытый смысл.

Лиэль хотелось верить ей, однако сегодняшнее признание не выходило из головы. Она положила телефон экраном вниз и прислушалась к спокойному дыханию Норы за спиной.

Рейвен помнил её привычки, Мира узнавала знаки на старых снимках, а Нора хранила обрывки ночных слов. У каждого оставалось что-то, чего Лиэль не могла вспомнить сама.

Самым тревожным теперь было даже не количество неизвестного. Лиэль всё отчётливее понимала, что её прошлое никогда не исчезало полностью.

Оно просто продолжало существовать в других людях, предметах и местах, пока единственным человеком, которому почти ничего не досталось, оставалась она сама.

Глава 6. След на старой фотографии

Утром Нора обнаружилась поперёк дивана, завернувшаяся в плед так основательно, словно ночью собиралась пережить не обычный вельмирский холод, а конец света.

Лиэль некоторое время стояла в дверях кухни с чашкой кофе и смотрела, как подруга спит, уткнувшись лицом в сердцевидную подушку, которую в бодрствующем состоянии неизменно называла преступлением против хорошего вкуса. Телевизор давно выключился сам, на столе остались чашки и раскрытая пачка крекеров, а карта Вельмира всё ещё лежала между ними, покрытая розовыми точками, происхождение которых теперь тревожило куда сильнее, чем ещё несколько дней назад. После вчерашнего разговора заснуть удалось не сразу.

Лиэль несколько раз возвращалась мыслями к словам Норы о сне, однако смутное имя, начинавшееся то ли на «эй», то ли на «ай», не вызывало никаких образов. Фраза о том, что кто-то должен помнить за двоих, тоже оставалась чужой. Она попыталась мысленно произнести её разными интонациями, но почти сразу остановила себя, вспомнив собственное правило не достраивать прошлое только потому, что пустота раздражает. Телефон завибрировал на кухонном столе.

Сообщение пришло от Миры.

Я нашла каталог, о котором говорила. И ещё кое-что на скане. Приходи, когда сможешь. Лучше сегодня.

Лиэль перечитала последнюю фразу и почувствовала, как остатки сонливости окончательно исчезают. Она уже собиралась положить телефон экраном вниз, когда с дивана донёсся приглушённый голос.

— Если это опять мужчина в пальто, скажи ему, что до девяти утра загадочные появления запрещены законом, — пробормотала Нора, даже не открывая глаз, и сильнее натянула плед на плечо.

Лиэль повернулась к ней, прижимая чашку к груди обеими руками.

— Это Мира, — ответила она, подходя ближе. — И я вообще-то думала, что ты спишь.

Нора медленно приподнялась на локте, несколько секунд щурилась на серый свет из окна, а затем провела ладонью по волосам, окончательно разрушая и без того безнадёжную причёску.

— Я оборотень, у меня отличный слух и отвратительное отношение к утрам, — пояснила она, после чего протянула руку. — Покажи, что пишет.

Лиэль передала телефон.

Нора прочитала сообщение, и выражение лица постепенно изменилось: остатки сонной иронии исчезли, а брови чуть сдвинулись.

— «Лучше сегодня» звучит как фраза человека, который уже нашёл что-то неприятное, но ещё не решил, насколько сильно тебя пугать, — заметила она, возвращая телефон. — Она вчера тоже разговаривала такими формулировками?

— Вчера она в основном разговаривала так, чтобы каждое предложение можно было потом предъявить в суде как технически правдивое. — Лиэль усмехнулась и села на подлокотник дивана.

Нора недовольно поджала губы и потянулась к столику за водой.

— Позвони мне после библиотеки, — попросила она, откручивая крышку бутылки. После нескольких глотков Нора посмотрела на Лиэль поверх пластика уже серьёзнее. — Не присылай своё любимое «всё нормально», потому что теперь я знаю, что под этим может скрываться буквально всё, включая мужчину в зеркале и магический фонтан.

Лиэль хотела отшутиться, но заметила, как пальцы Норы всё ещё сжимают бутылку чуть сильнее обычного.

— Позвоню, — пообещала она, наклоняясь за своей кофтой.

— И если встретишь Рейвена, не позволяй красивым глазам отменять базовые инстинкты самосохранения. — Нора проводила её взглядом, а затем откинулась на спинку дивана и прижала подушку к животу.

— Ты его даже не видела и уже решила, что у него красивые глаза? — Лиэль выпрямилась с одеждой в руках и медленно повернулась.

— Нет, это решила ты своим лицом вчера, когда рассказывала. — Нора чуть приподняла подбородок и позволила себе сонную ухмылку.

Лиэль бросила в неё диванную подушку. Нора поймала её одной рукой и довольно рассмеялась. Такое утро почти убедило, что жизнь всё ещё принадлежит ей.

***

К библиотеке Лиэль пришла около полудня. В этот раз главный вход был открыт, в читальном зале сидели студенты, кто-то спорил с автоматом возврата книг, а возле стойки регистрации пожилой вампир терпеливо объяснял сотруднице, что штраф за просрочку в сорок три года является следствием «сложной семейной ситуации». Обычный шум действовал успокаивающе.

Мира ждала наверху возле лестницы в архивный отдел. Сегодня на ней был тёмный свитер с закатанными почти до локтей рукавами, а короткие волосы выглядели так, будто утром расчёска проиграла борьбу нескольким часам работы за столом.

— Ты быстро, — заметила она, когда Лиэль подошла, и поправила очки костяшкой указательного пальца.

— Ты написала «лучше сегодня». — Лиэль остановилась рядом и сняла сумку с плеча. — Учитывая последние события, я решила, что это архивистский эквивалент пожарной тревоги.

— Я начинаю жалеть, что выбрала именно эти слова. — Мира чуть поморщилась, будто мысленно уже ругала себя за формулировку.

— Поздно. — Лиэль слегка качнула сумкой в сторону служебной двери. — Теперь показывай, ради чего ты решила испортить мне утро.

— Сначала посмотри сама, а потом решишь, испортила я тебе что-нибудь или нет. — Мира посмотрела на неё поверх очков, однако вместо привычного саркастического ответа только открыла дверь и жестом предложила пройти.

Лиэль задержала на ней взгляд на долю секунды дольше, но спорить не стала.

На столе в знакомой комнате уже лежали несколько распечаток, увеличенный скан фотографии и большая тонкая книга в серой тканевой обложке. Рядом стояла чашка с давно остывшим чаем, а суккулент на подоконнике выглядел единственным существом в помещении, которому совершенно не было интересно прошлое Лиэль.

Она сняла пальто, повесила его на спинку стула и подошла к столу.

На распечатке была правая башня с фотографии. Серебристый знак после обработки стал заметнее: неполный полумесяц, внутри которого проходила тонкая вертикальная линия, а у нижнего края угадывались ещё два почти исчезнувших штриха.

— Вчера он выглядел гораздо хуже, — сказала Лиэль, наклоняясь ближе и придерживая ладонью край листа, чтобы тот не свернулся.

Мира придвинула соседний стул ногой, но сама садиться не стала.

— Сканер вытянул остаточный контраст, — объяснила она, указывая кончиком карандаша на серебристые линии. — Я специально ничего не дорисовывала и не восстанавливала предполагаемые части, поэтому всё, что здесь видно, действительно присутствует на оригинале.

— Спасибо, что сразу отделила факт от предположения. — Лиэль посмотрела на неё сбоку.

— После вчерашнего разговора я решила попробовать новую радикальную методику общения. — Мира чуть усмехнулась и положила карандаш на стол.

— Честность?

— Не переоценивай масштаб реформ.

Мира выровняла серый каталог относительно края стола. Лиэль невольно улыбнулась: хотя бы с бумагами здесь ещё можно было навести порядок.

На несколько секунд напряжение между ними ослабло. Мира открыла каталог и пододвинула его ближе.

— Вот то, что я вспомнила, — сказала она, осторожно перелистывая пожелтевшие страницы. — Посмотри сюда.

Лиэль наклонилась над книгой.

На странице был изображён знак, похожий на тот, что находился на башне. Не идентичный, но достаточно близкий: тот же вытянутый полумесяц, та же вертикальная линия и несколько дополнительных штрихов, сохранившихся на старой гравюре гораздо лучше.

— Что это? — спросила Лиэль и почти сразу перевела взгляд к подписи.

— Каталог печатей и знаков исчезнувших эльфийских домов, составленный около двухсот лет назад по более ранним источникам, — объяснила Мира, проводя ногтем вдоль неповреждённого участка строки, но не касаясь самой бумаги. — Конкретно эта запись ссылается на фонд, который потом перевели в закрытое хранение.

— Почему закрыли? — Лиэль придвинула книгу ближе к себе.

— Причина не указана. Здесь только отметка о переводе и старый номер фонда. — Мира покачала головой и перевернула каталожную карточку, лежавшую рядом, будто ещё раз проверяя формулировку.

— Это герб? — Лиэль снова посмотрела на знак.

Мира села наконец напротив и подтянула каталог к себе.

— Не совсем, — ответила она, сцепив пальцы поверх страницы. — Скорее печать или один из её вариантов. Такие знаки могли обозначать принадлежность к дому, полномочия, родовую линию или определённый вид магии. Я пока не хочу выбирать одну версию только потому, что она звучит эффектнее остальных.

— Вчера ты сказала, что видела похожий символ, а сегодня уже знаешь, что перед нами печать. Насколько больше ты вспомнила за ночь? — Лиэль медленно провела пальцем по краю распечатки.

Мира не обиделась на недоверие.

— Я вспомнила сам каталог, нашла страницу и увидела, что знак классифицирован именно как печать, — ответила она наконец. — Всё остальное по-прежнему требует проверки.

— А вот это слово под пятном ты можешь прочитать? — Лиэль кивнула, но взгляд уже остановился на повреждённой подписи под изображением.

Мира невольно задержала дыхание.

Она не отвела глаз и не закрыла книгу, однако рука, лежавшая на странице, стала совершенно неподвижной. Лиэль сразу это заметила.

— Можешь, — произнесла она тише.

— Частично. — Мира закрыла каталог не полностью, оставив палец между страницами, и устало выдохнула.

— Насколько частично? — Лиэль опёрлась локтем о стол.

— Настолько, что у меня есть версия названия, но недостаточно, чтобы я хотела произнести её до проверки, — Мира сказала это спокойно, хотя пальцы всё ещё удерживали край книги сильнее, чем раньше.

— Ты понимаешь, что после вчерашнего соглашения подобный ответ звучит особенно издевательски?

— Поэтому я и говорю прямо: да, у меня есть версия. Да, я сознательно пока не называю её, потому что смогу проверить сегодня в закрытом фонде. Если я ошиблась, не хочу, чтобы ты всю ночь искала историю места, которое к тебе вообще не имеет отношения.

Прямота немного сняла раздражение. Лиэль посмотрела на фотографию.

— Хорошо. Такой ответ принимается.

— Я впечатлена нашим прогрессом.

— Не порть его.

Они обе снова склонились над бумагами.

Лиэль заметила, насколько спокойно выглядит её детское лицо на старой фотографии. Девочка возле белых башен не знала, что однажды ей придётся рассматривать собственное прошлое через увеличительное стекло и чужие каталоги. Мира тем временем взяла второй лист и положила поверх первого.

— Есть ещё одна вещь, — сказала она, и уже по тому, как осторожно придвинула распечатку, Лиэль поняла: находка ей не нравится.

— Конечно есть, — отозвалась Лиэль, поднимая взгляд. — Было бы странно, если бы сегодняшний день ограничился одной проблемой.

Мира не улыбнулась, только указала карандашом на нижний край фотографии.

После повышения контраста возле белых ступеней проявилась тонкая серебристая линия. Она уходила под фигуру ребёнка и заканчивалась возле ноги человека, оставшегося за кадром.

— Это тоже часть печати? — спросила Лиэль, наклоняясь так близко, что несколько прядей упали на лицо.

— Не уверена. Может быть рисунком на ступени, может быть следом той же магии, а может быть вообще отдельной деталью. Но меня беспокоит другое. — Мира протянула руку и, не отрывая глаз от снимка, машинально отодвинула настольную лампу чуть в сторону.

— Что именно? — Лиэль убрала волосы за ухо.

Девушка достала из сумки оригинальную фотографию и положила рядом со сканом. Мира взяла небольшую лупу и наклонилась над снимком.

— Вчера эта линия на оригинале почти не читалась, — объяснила она, передавая стекло Лиэль. — Сегодня она заметнее даже без обработки.

Лиэль взяла лупу двумя пальцами и приблизила к снимку. Серебро действительно проступало увереннее.

Оно не светилось, не двигалось и не превращалось в новое послание, однако там, где вчера приходилось долго щуриться, теперь линия была видна почти сразу.

— Может быть реакция на свет? — спросила Лиэль, не отрывая глаз от снимка.

Мира подперла щёку кулаком и некоторое время наблюдала за тем, как она рассматривает фотографию.

— Некоторые старые магические пигменты способны реагировать на среду, — ответила она. — Но я не могу сказать, применимо ли это к этой фотографии. И прежде чем ты спросишь: нет, старые снимки не начинают проявлять дополнительные детали просто потому, что им скучно.

— Очень жаль. Объяснение про капризную фотобумагу было почти уютным. — Лиэль опустила лупу.

— Я хочу попасть в закрытый фонд сегодня. — Мира едва заметно улыбнулась, но тут же снова посмотрела на каталог.

— Во сколько?

— Если заведующая подпишет запрос, ближе к вечеру.

— Я иду с тобой. — Лиэль сразу выпрямилась.

Мира медленно подняла голову. По тому, как она приоткрыла рот, Лиэль поняла, что возражение уже готово, поэтому заранее подняла ладонь.

— Даже не начинай. Мы вчера договорились, что это моя память и я участвую в том, что с ней происходит.

— Я собиралась сказать, что в закрытом фонде холодно и тебе понадобится свитер. — Мира несколько секунд смотрела на поднятую руку, а потом уголок её рта дрогнул.

— Ты врёшь.

— Совсем немного. Но спорить действительно бесполезно. — Мира отвела взгляд к столу и тихо усмехнулась.

— Вот теперь узнаю нашу дружбу. — После этого Лиэль убрала фотографию обратно в сумку.

***

Разрешение на закрытый фонд оказалось получить сложнее, чем ожидалось. Заведующая архивом отсутствовала до четырёх, затем потребовалось заполнить две формы, объяснить исследовательскую цель и дождаться подтверждения доступа к каталогу, который не открывали много лет. Мира занималась бюрократией, а Лиэль несколько часов провела в читальном зале, пытаясь сделать вид, что занимается чем-то ещё. Не получалось.

Она открывала книгу, читала страницу и через несколько минут обнаруживала, что не помнит ни одного предложения. В конце концов Лиэль сдалась, закрыла том и пошла за кофе.

В библиотечном кафе было людно. Несколько столиков занимали студенты, возле стойки спорили две ведьмы, а у окна молодой оборотень спал прямо на раскрытом учебнике, прикрыв лицо капюшоном. Лиэль получила стакан и уже собиралась вернуться наверх, когда заметила человека у двери. Серое пальто, тёмный шарф и низко надвинутый капюшон скрывали большую часть лица. Сам по себе незнакомец ничем не выделялся. Людей в серых пальто в дождливом Вельмире было больше, чем людей с нормальным режимом сна.

Однако Лиэль уже видела его сегодня возле антикварной лавки напротив библиотеки, где он слишком долго стоял под навесом, глядя в телефон.

Теперь та же фигура находилась внутри. Лиэль задержала взгляд всего на секунду. Незнакомец почти сразу отвернулся.

Она вернулась в архивный коридор другим маршрутом, стараясь идти с привычной скоростью. Сердце билось немного быстрее, но паники пока не было. После последних дней Лиэль не собиралась объявлять совпадение преследованием без проверки.

Поэтому, поднявшись на второй этаж, она не пошла сразу к Мире, а остановилась возле стеклянной двери, из которой хорошо просматривалась лестница. Через две минуты человек в сером пальто появился внизу.

Он не посмотрел на указатели, не подошёл к стойке и не попытался найти книгу. Вместо этого незнакомец поднялся на этаж и остановился в конце коридора. Лиэль почувствовала, как пальцы сильнее сжимают стакан. Теперь совпадение нравилось ей значительно меньше. Она достала телефон.

Ты сейчас где?

Мира ответила почти сразу:

У заведующей. Что случилось?

Лиэль уже начала печатать, когда человек в сером пальто поднял голову. Даже с такого расстояния было ясно, что он смотрит прямо на неё.

Лиэль стёрла недописанное сообщение и развернулась к лестнице в другой части здания. Хотелось уйти с пустого этажа, прежде чем незнакомец приблизится. Позади раздались шаги. Она ускорилась. Шаги тоже стали быстрее.

Лестница вывела Лиэль в узкий коридор возле бокового выхода. За стеной слышались голоса из читального зала, но двери в него она не увидела. Шаги уже гулко отдавались на ниж-

нем пролёте. Лиэль толкнула ближайшую дверь, рассчитывая обогнуть здание и выйти к главному входу. Холодный воздух ударил в лицо. Дождь за последние полчаса заметно усилился, а Старый квартал за библиотекой уже начинал темнеть. Телефон снова завибрировал.

Лиэль?

Она набрала на ходу:

За мной кто-то идёт. Я вышла через боковую дверь. Не выходи одна.

Ответить Мира не успела. Лиэль оглянулась. Серая фигура появилась под дверным козырьком и сразу пошла быстрее, отрезая путь обратно. Лиэль свернула в переулок, надеясь выйти к большой улице.

Ботинки скользили по мокрому камню, волосы сразу прилипли к щекам, а сумка ударялась о бедро при каждом быстром шаге. Лиэль не знала, собирается ли преследователь напасть, поговорить или просто напугать, однако выяснять это в пустом переулке желания не было. Впереди улица раздваивалась.

Она выбрала правый проход и уже через несколько шагов поняла, что совершила ошибку: дорога упиралась в закрытые ворота внутреннего двора. Лиэль остановилась и обернулась. Человек в сером пальто уже вошёл в переулок. Между ними оставалось метров двадцать. Она выпрямилась, стараясь не показать, насколько быстро теперь бьётся сердце.

— Если вам что-то нужно, можно попробовать разговаривать как нормальный человек, — произнесла Лиэль достаточно громко, чтобы голос не потерялся в шуме дождя.

Незнакомец ничего не ответил и продолжал идти.

Лиэль медленно отступила к воротам и нащупала в кармане телефон. В другой руке всё ещё находился стакан с давно остывшим кофе, и нелепость этого предмета посреди реальной угрозы на секунду почти вызвала нервный смех.

— Ещё ближе, и я вызываю городскую стражу, — предупредила она, уже открывая экстренный набор.

Фигура остановилась. Голова незнакомца едва заметно повернулась, будто внимание привлекло что-то за спиной Лиэль. Она не успела обернуться. Чья-то рука перехватила её выше локтя и потянула в сторону. Стакан выскользнул из пальцев и упал на камни. Лиэль резко дёрнулась и уже занесла освободившуюся руку, готовая ударить, когда услышала знакомый голос.

— Если хочешь выбраться отсюда, сейчас не спорь со мной, — произнёс Рейвен совсем близко и сразу ослабил хватку, почувствовав её сопротивление.

Лиэль повернула голову. Он стоял в узком проходе между воротами и стеной, который секунду назад она даже не заметила. Облегчение возникло раньше мысли, и это немедленно разозлило.

— Сюда. Здесь можно выйти на площадь. — Рейвен быстро посмотрел в глубину прохода.

Незнакомец двигался дальше. Лиэль сунула телефон в карман.

Она проскользнула в проход, а Рейвен вошёл следом. Между зданиями оказался узкий коридор, настолько тесный, что местами приходилось поворачивать плечи. Вода стекала по кирпичу, под ногами хрустели старые листья, а впереди уже угадывался свет соседней улицы.

— Откуда ты здесь взялся? — спросила Лиэль на ходу, придерживая сумку одной рукой и второй касаясь стены, чтобы не поскользнуться.

Рейвен шёл немного позади. Когда Лиэль оступилась на мокром камне, его ладонь мгновенно поднялась, но он остановил движение раньше, чем коснулся её спины.

— Увидел тебя возле библиотеки, — ответил он, продолжая прислушиваться к шуму за ними.

Они выбрались из прохода на небольшую площадь, где ещё работали магазины и под навесами стояли прохожие. Лиэль сразу отошла от стены и оглянулась. Никто не появился следом. Рейвен остался немного позади и продолжал смотреть на тёмный проём между домами. Несколько секунд они оба ждали. Серая фигура так и не вышла.

— Куда он делся? — спросила Лиэль, убирая мокрые волосы со щеки.

— Не знаю. — Рейвен медленно покачал головой.

Ответ прозвучал настолько просто, что Лиэль сразу посмотрела на его руки. Большой палец оставался неподвижным.

— Ты действительно не знаешь? — уточнила она, возвращая взгляд к лицу.

Рейвен повернулся к ней и чуть раздражённо выдохнул.

— Действительно не знаю, — повторил он. — Я даже лица не видел.

— Тогда скажи хотя бы, почему он шёл за мной.

Рейвен провёл ладонью по мокрым волосам, отбрасывая их со лба, и взгляд невольно опустился к её сумке. Лиэль заметила.

— Фотография? — спросила она.

— Возможно. — Он на мгновение сжал губы.

— Опять это слово. — Лиэль недовольно качнула головой. — «Возможно» потому, что не знаешь, или потому, что знаешь, но не хочешь говорить?

Рейвен потёр большим пальцем костяшку указательного, но на этот раз движение выглядело скорее нервной привычкой, чем попыткой скрыть ложь.

— Потому что действительно не знаю, кто шёл за тобой, — ответил он. — Но знаю другое: некоторые вещи из твоего прошлого лучше пока не носить открыто по городу, особенно если мы не понимаем, кто ещё их ищет.

Девушка сразу уловила местоимение.

— «Мы»? — переспросила она, чуть приподняв бровь.

— Если ты позволишь, — поправился он. — Я не собираюсь решать за тебя, кто участвует в этом расследовании.

Фраза остановила готовую колкость. Лиэль несколько секунд смотрела на него. Это было небольшое изменение, но достаточно заметное: Рейвен перестал автоматически помещать себя внутрь её решений.

— Я пока не решила, — сказала она, поправляя ремень сумки.

— Тогда считай это советом человека, которому ты не доверяешь, — ответил он и едва заметно развёл руками.

— Потрясающая рекламная кампания.

— Другой сейчас нет. — Рейвен почти улыбнулся, но взгляд остался серьёзным.

Дождь стекал по его лицу и воротнику пальто. В первый раз Лиэль увидела Рейвена в зеркале настолько неподвижным, что он почти казался частью отражения. Сейчас мокрые волосы падали на лоб, ткань пальто потемнела от воды, а дыхание после быстрого прохода было чуть тяжелее обычного. Слишком человеческие детали для человека, о котором она по-прежнему знала почти ничего.

Лиэль достала телефон и провела большим пальцем по мокрому краю.

— Ты сказал, что увидел меня возле библиотеки, — напомнила она. — Что ты там делал?

— Хотел поговорить с тобой.

— И вместо сообщения выбрал старинный вельмирский способ стоять где-нибудь неподалёку в чёрном пальто? — Лиэль посмотрела на него с откровенным недоверием.

— У меня нет твоего номера. — Рейвен на секунду прикрыл глаза.

Лиэль уже приготовила ответ, но замолчала, осознав простоту аргумента. Рейвен заметил её паузу.

— Мог попросить в кафе, — всё-таки сказала она, убирая телефон в карман.

— Тогда ты просила держаться от тебя подальше, — напомнил он, чуть наклонив голову.

— Ненавижу, когда твоя логика оказывается нормальной. — Эльфийка некоторое время смотрела на него, а затем тихо выдохнула через нос.

— Я тоже не всегда к этому готов.

Вопреки себе, она почти улыбнулась. Рейвен первым снова стал серьёзным.

— Возвращайся в библиотеку не одна, — попросил он, взглянув в сторону тёмного прохода. — Позвони Мире и попроси выйти к главному входу.

Лиэль достала телефон. На экране было несколько сообщений и два пропущенных звонка.

Мира ответила после первого гудка.

— Где ты? — Её голос прозвучал намного резче обычного, а на заднем плане слышались быстрые шаги и хлопок двери.

Лиэль отошла на пару шагов, хотя Рейвен и без того не пытался приблизиться.

— Всё нормально. Я на площади за двумя кварталами от библиотеки, — ответила она, вытирая свободной рукой воду со щеки. — За мной действительно шли, но человек исчез.

— «Исчез» в каком смысле? — Мира говорила на ходу, и в голосе отчётливо слышалось раздражённое беспокойство.

— В обычном. — Лиэль оглянулась на Рейвена. — Я не видела, куда он ушёл. Он не растворился в воздухе, если ты об этом.

— Я иду к главному входу. Возвращайся по большой улице, где есть люди, и больше сегодня не проверяй переулки на пригодность для побега. — На другом конце Мира шумно выдохнула.

— Ты удивительно быстро перешла от архива к материнскому контролю. — Лиэль невольно поморщилась.

— Потому что ты удивительно быстро перешла от чтения каталога к уличной погоне.

Лиэль взглянула на Рейвена и решила добавить:

— Здесь Рейвен.

На другом конце возникла короткая пауза, и Лиэль почти физически ощутила, как Мира меняет выражение лица.

— Тогда пусть идёт с тобой, — произнесла она наконец.

— Это неожиданно высокий уровень доверия. — Лиэль подняла брови.

Мира что-то резко сказала кому-то рядом, после чего снова вернулась к разговору.

— Это не доверие, а сравнительная оценка рисков. Сейчас он хотя бы известная проблема.

По выражению лица Лиэль Рейвен понял, что речь идёт о нём, и слегка скрестил руки на груди.

— Передать комплимент? — спросила она.

— Передай, что если с тобой что-нибудь случится между этой площадью и библиотекой, я найду способ сделать его смерть ещё менее определённой, чем она уже есть, — ответила Мира, причём в конце фразы голос стал настолько сухим, что Лиэль сперва просто не осознала смысл.

Пальцы на телефоне замерли.

Она медленно повернула голову к Рейвену.

— Что ты только что сказала? — спросила Лиэль очень спокойно.

В трубке послышался короткий вдох.

— Не сейчас.

— Мира, это не тот вопрос, который я забуду. — Лиэль закрыла глаза и на секунду прижала два пальца к переносице.

— Я понимаю. — Мира ответила неожиданно мягче. — Просто вернись, пожалуйста.

Связь оборвалась. Лиэль несколько секунд смотрела на погасший экран, затем подняла глаза на Рейвена.

— Мира сказала, чтобы ты проводил меня, — сообщила она, убирая телефон.

— Это на неё не похоже. — Рейвен слегка приподнял бровь.

— Ещё она сказала кое-что про твою смерть. — Лиэль внимательно следила за его лицом. Взгляд стал жёстче, но удивления в нём не было. — Что это значит?

Рейвен отвёл глаза. Лиэль снова заметила воду на его ресницах, тяжёлую мокрую ткань на плечах. Она ещё помнила, как его пальцы сжали её руку в переулке.

— Давай сначала вернёмся, — сказал он.

— Ты понимаешь, что я теперь не смогу просто забыть об этом?

— Понимаю. Но здесь останавливаться нельзя. — Он посмотрел на неё.

— Тогда идём. — Лиэль сжала телефон в кармане и кивнула в сторону большой улицы.

Они двинулись по большой улице.

Рейвен шёл немного ближе к проезжей части, и Лиэль заметила это только через несколько минут. Возможно, положение было случайным, однако каждый раз, когда мимо проезжала машина, он чуть смещался так, что оказывался между ней и дорогой. Лиэль решила пока не спрашивать.

— Ты видел серое пальто раньше? — спросила она, когда библиотечная башня показалась между домами.

— Нет. По крайней мере, не так, чтобы мог уверенно сказать, что это тот же человек. — Рейвен задумался.

— Тогда почему сразу понял, что мне нужно уходить?

— Потому что человек, который хочет просто поговорить, обычно не загоняет собеседника в тупик. — Он повернул к ней голову.

— Поразительно нормальная логика для тебя. — Лиэль посмотрела на него искоса.

— Иногда у меня получается, — ответил Рейвен, и на лице появилась короткая, почти виноватая усмешка.

— Не привыкай. — Лиэль почувствовала ответную улыбку раньше, чем успела остановить себя.

— Не собирался. — Он слегка качнул головой, но тень улыбки осталась ещё на несколько шагов.

Возле библиотеки их уже ждала Мира.

Она стояла под навесом без пальто, скрестив руки на груди, и выглядела настолько недовольной, что Лиэль впервые за день почувствовала почти детское желание сказать, что ничего страшного не произошло. Мира сразу подошла ближе и быстро осмотрела её с головы до ног.

— Ты цела? — спросила она, после чего коснулась рукава Лиэль и нахмурилась, увидев мокрую ткань.

— Только промокла.

— Это я и без экспертного заключения вижу. — Мира убрала руку и раздражённо выдохнула.

Затем её взгляд переместился на Рейвена. Несколько секунд они смотрели друг на друга без приветствия.

Лиэль почувствовала это мгновенно: между ними существовала история, о которой ей снова ничего не известно. Рейвен первым слегка наклонил голову.

— Мира, — произнёс он без удивления, будто их последняя встреча произошла не в неизвестном прошлом, а сравнительно недавно.

Мира поправила очки, хотя те и так сидели ровно.

— Рейвен, — ответила она, и голос стал заметно холоднее, чем минуту назад по телефону.

— Как приятно снова оказаться единственным человеком в разговоре, который не понимает, почему остальные уже знакомы. — Лиэль перевела взгляд с одного на другого и устало подняла ладони.

— Внутрь. Ты мокрая, а у нас наконец есть доступ к фонду. — Мира отвела глаза первой и придержала дверь.

— Он идёт с нами? — Лиэль не двинулась.

— Нет. Разрешение оформлено на двоих, а я не собираюсь объяснять заведующей, почему третий человек без читательского билета внезапно оказался в закрытом архиве. — Мира посмотрела на Рейвена.

— В этом она действительно не изменилась. — Рейвен едва заметно усмехнулся и потёр пальцем подбородок.

— Даже не начинай. — Мира мгновенно повернула к нему голову.

— Вы оба только что сделали именно то, о чём я просила не делать. — Лиэль почувствовала, как знакомое раздражение поднимается снова, и на этот раз не стала его скрывать.

Рейвен сразу перестал улыбаться.

— Что именно? — спросила Мира, хотя выражение лица показывало, что ответ она уже понимает.

— Опять обмениваетесь намёками на ваше общее прошлое. Я стою рядом и пытаюсь понять, что из него касается меня, а вы даже не думаете объяснить. — Лиэль посмотрела сначала на неё, затем на него.

Рейвен опустил взгляд.

— Ты права, — сказал он после короткой паузы.

— И ты снова права, — устало кивнула Мира.

— Ненавижу, когда вы соглашаетесь со мной одновременно. Это выглядит как отдельный заговор. — Лиэль тихо выдохнула.

— Тогда я уйду. — Рейвен отступил на шаг от входа, словно намеренно увеличивая дистанцию.

Лиэль неожиданно ощутила желание остановить его и не сразу поняла, связано оно с вопросами или с тем, что несколько минут назад рядом с ним действительно было спокойнее. Она ничего не сказала. Рейвен задержал взгляд на её лице.

— Не ходи сегодня одна, — попросил он, и теперь в голосе не было ни приказа, ни привычной уверенности.

— Это приказ? — Лиэль слегка приподняла бровь.

— Просьба, — покачал головой он.

— Так звучит лучше. — Она почувствовала, как напряжение немного ослабевает.

Рейвен кивнул, а затем ушёл в сторону улицы.

Мира некоторое время наблюдала, как чёрное пальто растворяется среди прохожих, и только потом закрыла дверь. Лиэль заметила это.

— Даже не спрашивай, — сказала Мира, не оборачиваясь.

— Уже собиралась. — Лиэль сняла мокрый шарф и выжала край ткани пальцами.

— Сначала архив. Потом можешь ненавидеть меня по расписанию. — Мира посмотрела через плечо.

— Ты удивительно последовательно усложняешь собственную жизнь.

— Работа такая, — ответила она, придерживая внутреннюю дверь, и на этот раз в интонации мелькнула усталая улыбка.

***

В закрытый фонд они спустились ближе к вечеру. Он находился ниже основного архивного уровня, за тяжёлой металлической дверью, которую Мира открыла карточкой и обычным старым ключом одновременно. Здесь было заметно холоднее, чем наверху, а свет включался секциями, оставляя дальние стеллажи в полумраке.

Лиэль надела свитер, который Мира действительно заставила её взять из служебного шкафа, и из принципа ничего не сказала о том, что та оказалась права.

— Какой номер фонда? — спросила она, следуя между высокими рядами коробок и проводя пальцами по рукавам, пытаясь согреться.

Мира держала перед собой распечатку каталожной карточки и время от времени подносила её ближе к свету.

— Сто восемьдесят семь, секция четыре, — ответила она, сверяясь с маркировкой на стеллажах. — Но старые номера могли переносить, поэтому морально готовься к худшему виду магии.

— Бюрократии? — Лиэль посмотрела на неё.

— Именно. — Мира усмехнулась.

Нужный стеллаж они нашли после нескольких минут поисков.

Коробка оказалась небольшой, тёмно-серой, с выцветшей наклейкой на крышке. Мира поставила её на узкий рабочий стол, надела перчатки и на несколько секунд замерла, будто сама ощущала значение момента.

В коробке лежали каталожные карточки, копии документов и тонкая папка с почти исчезнувшей надписью. Лиэль устроилась рядом, опираясь бедром о край стола, и достала фотографию для сравнения.

Мира перебирала бумаги медленно. Лиэль какое-то время терпела, затем начала постукивать указательным пальцем по столешнице. Мира не подняла головы.

— Не надо.

— Что именно? — Лиэль остановила палец.

— Стучать. — Мира перевернула очередную карточку и аккуратно разгладила загнувшийся угол. — Я слышу, как твоё терпение разлагает архивную атмосферу.

— Моя жизнь связана с неизвестной печатью, за мной сегодня шёл человек, а ты листаешь бумаги так, будто выбираешь рецепт пирога. — Лиэль скрестила руки на груди.

— Именно поэтому я листаю медленно. Чем больше ты хочешь увидеть ответ, тем легче принять за него первую подходящую строчку. — Мира наконец посмотрела на неё и чуть приподняла бровь.

Лиэль уже собиралась возразить, когда Мира остановилась. Её пальцы застыли на одной карточке. На этот раз Лиэль не торопила. Мира медленно вытащила тонкий лист, положила на стол и несколько секунд читала, наклоняясь всё ближе.

— Нашла? — спросила Лиэль, когда молчание затянулось.

— Похоже на то, — произнесла Мира и развернула лист к Лиэль.

На старой карточке было несколько строк о передаче документов между фондами, а внизу находился знакомый рисунок полумесяца.

Рядом стояло название. Лиэль наклонилась так низко, что волосы почти коснулись бумаги, но старый почерк оказался слишком сложным.

— Что здесь написано? — спросила она, переводя взгляд на Миру.

Подруга не ответила сразу. Она положила ладонь рядом с карточкой, не касаясь текста, и несколько секунд смотрела на слово так, будто оно подтверждало то, чего ей самой не хотелось подтверждать.

— Мира, — повторила Лиэль уже мягче.

— Я надеялась, что ошиблась. — Мира медленно выдохнула.

— В чём именно? — Лиэль выпрямилась.

Мира перевела взгляд с архивной карточки на фотографию, лежавшую рядом.

— Этот символ действительно связан с местом, которого давно не существует, — сказала она, и впервые в её голосе появилось не привычное сомнение, а настоящее беспокойство.

— С каким местом? — Лиэль почувствовала, как пальцы невольно легли на край фотографии.

Мира снова посмотрела на старую запись, словно само название требовало от неё решения.

— Аэлирия, — произнесла она наконец.

Лиэль повторила слово мысленно. Ничего не произошло.

Не возникло образа белых башен, внезапного воспоминания или болезненной реакции, подобной той, что вызвало имя Рейвена. И всё же именно отсутствие узнавания заставило её придвинуть фотографию ближе к карточке.

— Что такое Аэлирия? — спросила она, не отрывая взгляда от незнакомого слова.

Мира сняла перчатку с одной руки и медленно сложила её на столе.

— Здесь только запись о передаче документов и название, — ответила Мира. — Нужно найти сами документы, чтобы понять, что это было за место, когда и почему исчезло. — Она повернула карточку к свету. — Я проверю номера и закажу дела. Завтра сможем продолжить. То, что я помню об Аэлирии, ещё не объясняет, как ты оказалась на этой фотографии.

Лиэль некоторое время смотрела на неё, затем снова перевела взгляд на старую карточку. Вопросов стало больше, но теперь хотя бы было понятно, что искать дальше. На столе рядом лежали фотография её детства, рисунок полумесяца и название места, о котором она никогда прежде не слышала.

Глава 7. Архив забытых имён

Утром слово «Аэлирия» по-прежнему ничего не значило.

Лиэль проверила это почти сразу после пробуждения, когда ещё лежала под одеялом и слушала, как дождь мягко шуршит по стеклу. Она несколько раз мысленно повторила название, словно надеялась, что за правильным сочетанием звуков наконец откроется хотя бы слабое ощущение узнавания, но внутри не произошло ничего.

Имя Рейвена отзывалось болезненным напряжением под рёбрами. Белые башни на фотографии вызывали смутное беспокойство, старый фонтан показался знакомым ещё до того, как камень отозвался на прикосновение, а некоторые движения мужчины она замечала словно раньше, чем он успевал их совершить. Аэлирия оставалась чужим словом. Именно полное отсутствие реакции почему-то тревожило сильнее, чем если бы память ответила хотя бы страхом.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Потянувшись к нему, Лиэль открыла сообщение от Миры и сразу увидела, что оно пришло почти сорок минут назад.

Я уже в библиотеке. Заведующая дала нам доступ к дополнительным фондам до вечера. Если придёшь раньше десяти, я даже успею сделать вид, что у меня нормальный рабочий день.

Она посмотрела на время и всё-таки заставила себя подняться.

В ванной не стала задерживаться у зеркала, хотя привычка проверить отражение уже успела стать почти автоматической. Быстро умылась, собрала волосы, подвела глаза и лишь возле комода остановилась дольше, чем собиралась. Серебряный кулон лежал среди украшений.

После замены цепочки он снова выглядел совершенно обычным: небольшой полумесяц из потемневшего серебра, тонкие линии на поверхности и знакомая потёртость возле края. Украшение было с ней столько лет, что давно перестало восприниматься как отдельная вещь. Теперь даже привычные предметы требовали объяснений.

Подняв кулон, Лиэль провела большим пальцем по холодному металлу. Никакого воспоминания не появилось, однако мысль о том, что происхождение украшения ей неизвестно, впервые перестала казаться мелочью. Цепочка легла на шею, а сам полумесяц почти сразу исчез под воротом свитера. Поймав себя на этом движении, она недовольно усмехнулась.

Ещё несколько дней назад ей было бы смешно прятать собственное украшение от людей на улице. После вчерашнего преследования осторожность уже не выглядела паранойей. Перед выходом она остановилась возле холодильника.

Карта с розовыми точками висела на прежнем месте. Теперь уже было известно, что одна отметка совпадает с библиотекой, другая — с фонтаном, а остальные пока продолжали молчать.

Она провела взглядом по бумаге, но снимать её не стала. Сегодня никаких самостоятельных маршрутов и попыток проверить очередную точку. Сегодня будут только документы. Эта мысль казалась почти безопасной.

***

В библиотеке пахло мокрыми пальто, отоплением и свежемолотым кофе. До стойки регистрации Лиэль дошла как раз в тот момент, когда Мира спорила с молодой сотрудницей, одновременно удерживая под мышкой две папки и пытаясь подписать бланк, который постоянно норовил съехать с высокой поверхности.

— Я не прошу открыть коллекцию без регистрации, — говорила архивистка, придерживая бумаги локтем. — Я прошу не заставлять меня третий раз заполнять одну и ту же форму только потому, что ваша программа не заметила номер разрешения в предыдущей.

Сотрудница виновато посмотрела на экран.

— Система требует отдельную заявку для картографического фонда, — объяснила она и снова пробежалась пальцами по клавиатуре.

Мира медленно прикрыла глаза и на несколько секунд прижала ручку к переносице, явно собираясь с терпением.

— Система также требует подпись заведующей, которая уже стоит на документе у вас перед носом, — произнесла она значительно спокойнее, чем выглядела.

— Ты опять воюешь с худшим видом магии? — Лиэль остановилась рядом и, оглядев происходящее, чуть усмехнулась.

Архивистка повернула голову, и раздражение на её лице почти сразу сменилось облегчением.

— Пришла как раз вовремя, — сказала она и без предупреждения передала одну из папок. — Подержи, пока я не совершила административное преступление.

— Очень тёплая встреча. Я тоже скучала. — Лиэль автоматически прижала папку к груди.

— Я знала, что ты поймёшь мой язык привязанности. — Мира уже снова повернулась к сотруднице, но уголок рта слегка дрогнул.

— Нашла. Доступ есть до девятнадцати тридцати. — Девушка за стойкой не выдержала и тихо улыбнулась, после чего ещё несколько раз щёлкнула мышкой.

— Видишь? Иногда угроза бюрократией действительно сильнее магии. — Мира выпрямилась с таким выражением, будто только что выиграла судебный процесс, забрала бланк и протянула руку за папкой.

— После вчерашнего я надеялась, что сегодня хотя бы библиотека не станет пытаться нас убить. — Возвращая бумаги, Лиэль пошла рядом с ней к лестнице.

— Библиотека действует тоньше. — Мира поправила папки в руках. — Она просто постепенно лишает человека желания жить.

По дороге наверх Лиэль заметила, что Мира несколько раз проверяет пространство вокруг. Один раз взгляд скользнул по отражению в стеклянной витрине, ещё раз — вниз по лестнице, когда позади раздались шаги. На площадке между этажами Лиэль остановилась. Мира поднялась на пару ступеней выше и, не услышав её рядом, обернулась.

— Ты теперь тоже проверяешь всех людей в сером пальто? — спросила эльфийка, проводя пальцами по прохладным металлическим перилам.

Архивистка задержалась на ступеньке и слегка сдвинула папки к бедру.

— Я проверяю всех, кто слишком долго смотрит в нашу сторону, — ответила она, после чего выражение лица стало серьёзнее. — После вчерашнего мне это кажется разумным.

— Ты сообщила городской страже?

— Сообщила. Камеры возле бокового выхода подтвердили, что человек действительно шёл за тобой, но лицо почти полностью закрыто капюшоном. Дождь, плохой угол, низкое качество записи — ничего полезного. — Мира кивнула и продолжила подниматься, предлагая жестом идти рядом.

— Значит, хотя бы известно, что я его не придумала, — медленно выдохнула Лиэль.

Мира несколько секунд смотрела на неё сбоку, а затем чуть замедлила шаг.

— Именно это я и хотела сказать, — произнесла она мягче. — После истории с зеркалом ты слишком быстро начинаешь с версии, что могла сама всё преувеличить. В этот раз есть запись, и кто-то действительно шёл за тобой.

Простое подтверждение неожиданно подействовало успокаивающе.

— Это было почти заботливо, — заметила девушка, стараясь вернуть голосу привычную лёгкость.

— Не рассказывай Норе. Я слишком долго строила репутацию эмоционально недоступного архивиста. — Мира тут же поправила очки.

Лиэль улыбнулась.

Перед служебной дверью подруга приложила карточку к считывателю, дождалась зелёного сигнала и придержала тяжёлую створку плечом.

— Сегодня начинаем не с печати, — объяснила она, пропуская Лиэль вперёд. — Выясним, где находилась Аэлирия и что с ней случилось.

— Ты уже что-нибудь нашла? — Лиэль поправила ремень сумки на плече.

Мира закрыла дверь и несколько секунд искала нужный ключ на связке.

— Ночью нашла несколько ссылок, — ответила она, выбирая нужный ключ. — Теперь сможем посмотреть сами документы.

— Мне начинает нравиться новая версия наших разговоров. — Девушка посмотрела на неё с лёгкой улыбкой.

— Не расслабляйся. Я всё ещё могу быть невыносимой. — Архивистка вставила ключ в замок и покосилась через плечо.

— В этом я никогда не сомневалась.

***

Сегодня их пустили в другой сектор закрытого хранения. Вместо металлических стеллажей здесь стояли высокие деревянные шкафы с узкими латунными табличками. Потолок был ниже, воздух суше, а свет загорался только над тем рядом, в который входил человек. Стоило пройти дальше, как пространство позади постепенно погружалось в полумрак. Лиэль пару раз невольно оглянулась. Мира заметила.

— Если хочешь, можем оставить дверь открытой, — предложила она, ставя папки на рабочий стол.

— Не надо. — Лиэль сняла пальто и повесила его на спинку стула. — Я просто начинаю подозревать любой тёмный угол в плохих намерениях.

— Это лечится большим количеством времени в архивах. Через несколько лет начинаешь бояться только плесени и неправильной температуры хранения. — Архивистка открыла первую папку и принялась раскладывать бумаги.

— Очень вдохновляющее будущее.

— Я ночью подняла электронные ссылки, которые сохранились в общем каталоге. Самое раннее прямое упоминание Аэлирии без доступа к закрытым фондам относится к торговым спискам северных городов. — Мира придвинула ей первый лист.

— Насколько старым? — Девушка сразу села.

— Немногим больше четырёхсот лет. — Мира опустила взгляд в записи и постучала карандашом по строке.

Лиэль задержалась с ответом. Число само по себе пока ничего не объясняло, но интонация Миры подсказала, что дальше будет что-то важное.

— Покажи, — попросила она, придвигаясь ближе.

Мира развернула копию.

Документ представлял собой длинную таблицу с выцветшими строками. Слева перечислялись земли и города, справа — товары, пошлины и количество караванов.

— Здесь написано: «Аэлирийское серебро, стекло, белый камень, лунное масло». Последнее выражение может быть торговым термином, а не буквальным названием вещества. — Кончиком карандаша архивистка указала на нужное место.

— Значит, с этим местом торговали. — Лиэль наклонилась настолько близко, что прядь волос упала на щёку. Убрав её за ухо, она несколько раз перечитала название.

— Судя по этому документу, да. — Мира достала ещё два листа и положила рядом. — И не только один город. Я нашла три независимых источника с тем же названием.

Внутри поднялось неожиданное возбуждение. После нескольких дней зеркал, смутных ощущений и разговоров, где каждое слово приходилось проверять на второй смысл, бумага

действовала почти освобождающе. Документы не жалели её, не пытались защитить и не выбирали, сколько информации ей безопасно знать. Лиэль провела ладонью по столу, освобождая больше места.

— Вот это мне нравится значительно больше.

— Архивы очень приятны ровно до момента, когда начинаешь требовать от них того, чего они не умеют. — Мира подняла взгляд от документов.

— Например?

— Например, они не рассказывают, что люди чувствовали, зачем лгали или кого любили. Документ может доказать, что двое находились в одном городе в один день, но не расскажет, что произошло между ними за закрытой дверью. — Архивистка выровняла копии по краю стола, как делала всегда, когда собиралась объяснять что-нибудь серьёзное.

Мысль о Рейвене возникла мгновенно. Лиэль ничего не сказала, но Мира заметила выражение лица и слегка приподняла бровь.

— Именно, — произнесла она, подвигая следующий документ.

— Мне всё ещё не нравится, насколько легко ты понимаешь, о ком я думаю. — Девушка посмотрела на неё с раздражённым недоверием.

— Ты очень выразительно делаешь вид, что о нём не думаешь.

— Ненавижу вас обеих.

— Нора тоже заметила? — Уголок губ Миры чуть приподнялся.

— Нора сказала значительно хуже. — Опустила глаза к документам Лиэль.

Мира тихо усмехнулась, но расспрашивать не стала.

Следующий источник был дипломатическим списком. Среди государств, направивших представителей на заключение торгового соглашения, снова встречалось название Аэлирии. Палец Лиэль задержался над строкой.

— Здесь уже прямо написано «королевство».

— Да. В этом источнике формулировка однозначная. — Мира придвинулась ближе и посмотрела туда же.

— Значит, там была монархия.

— Да. Но устройство двора придётся пока отложить: сначала разберёмся с историей самого государства. — Архивистка чуть откинулась назад и поправила очки.

— Ты заранее поняла, что следующий мой вопрос будет про правителей? — прищурилась Лиэль.

— Я дружу с тобой достаточно долго, чтобы иногда предугадывать вопрос без всякой магии. — На лице подруги появилась слабая улыбка.

На этот раз фраза не задела. Девушка только вздохнула и потянулась к следующему листу.

— Хорошо. Пока оставим королей в покое.

Мира достала карту.

Даже на современной копии старого оригинала линии сохранились плохо. Реки и торговые дороги угадывались, но целый участок на северо-востоке карты оставался странно пустым.

— А где сама Аэлирия? — спросила Лиэль, проводя пальцем вдоль одной из дорог.

— Этот маршрут шёл к ней. — Мира наклонилась над её плечом и указала карандашом на место, где линия внезапно обрывалась.

— Но здесь ничего нет. — Девушка проследила дорогу до конца.

— Именно это меня и смущает. — Мира поставила карандаш на стол и опёрлась ладонью о край карты. — На оригинале этот участок не порван и не выгорел. Он уже был пустым.

— Картограф забыл нарисовать целое королевство?

За соседней стеной кто-то перевернул тяжёлую страницу каталога, и сухой шелест неожиданно прозвучал громче их голосов. Мира перестала крутить карандаш; на несколько мгнове-

ний даже её привычная готовность предложить три версии уступила простому человеческому недоверию к масштабу пустого места на карте.

— Возможно, карта сделана уже после его исчезновения. Возможно, её копировали с более позднего документа. Или тот, кто составлял карту, сознательно не обозначил территорию. — Архивистка чуть склонила голову, перебирая варианты.

— Ты умеешь превращать одну странность в три разные проблемы. — Лиэль медленно откинулась на спинку стула.

— Профессиональный навык.

Время постепенно перестало ощущаться. Они переходили от торговых записей к дипломатическим спискам, от карт к заметкам путешественников, и слово «Аэлирия» всё больше переставало быть абстракцией. В одном описании путешественник жаловался на слишком яркий белый камень, отражавший дневной свет, и упоминал высокие башни, соединённые переходами над улицами. Девушка перечитала абзац дважды. Рука сама потянулась к сумке. Фотография легла рядом с документом.

— Посмотри.

Мира придвинула стул ближе. Некоторое время обе молча сравнивали изображение с текстом.

Белый камень, высота башен и тонкие переходы между ними совпадали слишком хорошо, чтобы это можно было не заметить, но всё ещё не давали абсолютного доказательства.

— Это может быть оно, — сказала Лиэль, переводя взгляд на Миру.

Та посмотрела сначала на фотографию, потом на описание.

— Может, — согласилась она, касаясь указательным пальцем строки. — Хотя похожую архитектуру могли строить и в другом месте.

— Ты физически неспособна дать мне красивую уверенность. — Девушка покачала головой, хотя прежнего раздражения уже не испытывала.

— Именно поэтому ты продолжаешь со мной работать.

— Может быть. — Лиэль провела большим пальцем по краю снимка.

— Поздравляю. Ты начала говорить моим языком. — Мира приподняла бровь.

Они обе слегка улыбнулись, однако лёгкость быстро исчезла, когда на стол легла следующая папка. Красная архивная полоса на обложке сразу привлекла внимание.

— Здесь дата? — спросила девушка, следя, как Мира развязывает шнурок.

— Здесь начинается та часть, которую я вчера не хотела говорить без документов. — Та остановила руки и посмотрела на неё.

— Ты уже знала? — Лиэль выпрямилась.

— У меня была версия по вторичным источникам. Сегодня мы можем проверить её по нескольким независимым записям. — Мира провела пальцем по узлу, словно решая, насколько подробно отвечать.

— Тогда проверяем. — Подалась ближе эльфийка.

Архивистка раскрыла папку. Первый документ представлял собой позднюю хронику, составленную через несколько десятилетий после описываемых событий. В тексте говорилось об исчезновении Аэлирии во время необычного лунного явления.

Лиэль медленно прочитала строку вслух:

— «В ночь розоватого лунного свечения связь с долиной была утрачена». — Она подняла голову, нахмурившись. — Что это вообще значит?

— Следующий автор пишет, что утром торговые дороги стали непроходимыми, а несколько групп, отправленных к границе, не смогли найти привычные ориентиры. — Мира уже тянулась ко второй копии.

— Они не смогли найти город? — Забрав лист, Лиэль прочитала нужный абзац сама.

— Именно так написано, но я бы не воспринимала формулировку буквально. Она может означать разрушение местности, магическое изменение дороги, закрытую территорию или просто плохую передачу информации. — Мира опёрлась локтями о стол.

— Город всё равно не может просто исчезнуть. — Палец медленно прошёл под строкой.

— Мы уже видели камень, который реагирует на твоё прикосновение, фотографию, проявляющую дополнительные линии, и зеркало, которое, по твоим словам, двигалось с задержкой. Я бы пока не использовала слово «не может» слишком уверенно. — Архивистка посмотрела на неё внимательнее.

— Это совсем не помогло. — Лиэль подняла на неё глаза.

— Я и не пыталась успокоить. — Мира чуть развела руками, после чего снова потянулась к бумагам.

В следующих документах ситуация становилась ещё менее понятной. Одна хроника утверждала, что Аэлирия была уничтожена за одну ночь, другая говорила о постепенной эвакуации, начавшейся незадолго до исчезновения, третья упоминала сильный магический выброс и большое число погибших, но не называла конкретного количества. В более позднем источнике отдельно отмечалось, что тела жителей не были обнаружены в ожидаемом количестве. Лиэль постепенно перестала просто перелистывать бумаги и начала раскладывать их в две группы. Мира наблюдала за ней поверх оправы очков.

— Что делаешь?

— Отделяю то, в чём они хотя бы приблизительно согласны, от всего остального, — объяснила девушка, перемещая очередной лист. — И пока первая стопка выглядит унизительно маленькой.

— Тогда запиши общие точки. Так легче увидеть, где заканчивается факт и начинается интерпретация. — Архивистка придвинула к ней карандаш.

— Аэлирия существовала, затем связь с ней начала нарушаться, а в ночь исчезновения наблюдали какой-то лунный феномен. После этого государство перестало появляться в торговых и политических документах. — Лиэль взяла карандаш и склонилась над чистым листом.

— Добавь, что последующие экспедиции не дали единого описания произошедшего. — Мира, перечитывая одну из хроник, кивнула.

Мира указала на дату в последнем торговом списке. Лиэль записала её рядом с заметками и вычла из нынешнего года. Получилось четыреста семнадцать лет.

— Это последние надёжные записи?

— Да. Хроники относят исчезновение к тому же времени, но точную дату по ним установить нельзя.

— А что с людьми? — Лиэль подчеркнула число и постучала карандашом по краю листа.

— Надёжных списков погибших нет. — Мира медленно провела пальцами по краю папки.

— А выживших?

Архивистка немного помолчала, прежде чем ответить.

— Есть поздние упоминания людей, называвших себя выходцами из Аэлирии, но документы слишком фрагментарны, чтобы уверенно отделить свидетельства от семейных легенд.

— Значит, версия про беженцев всё ещё возможна. — Лиэль перестала писать и посмотрела на неё.

— Пока да. — Мира чуть наклонила голову.

Внутри впервые за несколько часов появилось почти приятное облегчение.

— Тогда это хотя бы объясняет фотографию. — Лиэль отложила карандаш и заговорила быстрее, увлекаясь собственной версией. — Моя семья могла происходить оттуда. Кто-то сохранил историю, вещи, символы, потом где-нибудь построили место в похожем стиле, а меня сфотографировали там ребёнком.

— Тогда нам нужно найти эту общину или место, где сохранили аэлирийскую архитектуру. — Мира задумалась.

— Я уже почти поверила, что у нас наконец есть нормальное объяснение. — Лиэль устало прикрыла глаза.

— Могу предложить компенсацию. — Мира протянула ей чашку, в которой чай уже почти остыл.

— Он холодный. — Девушка взяла чашку, сделала маленький глоток и сразу поморщилась.

— Тогда компенсация соответствует качеству теории.

Лиэль рассмеялась, и напряжение на несколько мгновений отступило. Мира тем временем достала два старых списка и аккуратно положила рядом.

На первый взгляд они были почти одинаковыми, однако в середине одного документа несколько строк словно выцвели изнутри, хотя сама бумага оставалась целой. Во второй копии те же строки сохранились частично, но отдельные имена отличались.

— Вот это мне нравится гораздо меньше, — призналась архивистка, проводя карандашом вдоль бледного участка.

— Повреждение? — Девушка наклонилась ближе.

— Экспертиза старого фонда не обнаружила следов воды, огня или обычного выцветания именно на этих строках.

— Тогда почему они пропали? — Лиэль провела пальцем над исчезнувшим текстом, не касаясь бумаги.

— Есть историки, которые считают, что катастрофа могла повлиять не только на людей и физические объекты, но и на записи о них. — Мира медленно сняла очки и положила их рядом.

— Ты говоришь о памяти? — Пальцы Лиэль на чашке напряглись.

— Пока я говорю только о документах. Не соединяй это автоматически с таблетками. — Архивистка сразу покачала головой и чуть подалась вперёд.

— Но совпадение есть.

— Есть, — согласилась Мира, не пытаясь спорить. — Просто совпадение ещё не объяснение.

На этот раз Лиэль почти не разозлилась. Ей самой хотелось проверить догадку, прежде чем принять её за ответ.

— Ты ужасно мешаешь мне построить красивую теорию за пять минут. — Лиэль медленно поставила чашку.

— Ради этого меня и держат. — Мира снова надела очки и придвинула к себе список.

Взяв один из документов, девушка стала просматривать сохранившиеся имена. Ни одно не вызывало реакции. Только через несколько строк она поняла, что уже ищет собственное.

Мира заметила это раньше.

— Ищешь «Лиэль»? — спросила она, но в голосе не было ни насмешки, ни лишнего напряжения.

— Да, хотя понимаю, насколько это нелепо. — Палец девушки задержался на очередной строке.

Архивистка ничего не сказала, позволяя закончить поиск. Имени не было. Лиэль медленно выдохнула и отложила список.

— Наверное, это хорошо.

— Почему? — Мира слегка склонила голову.

— Потому что я готова принять забытое детство, странную семейную историю, фотографию неизвестно откуда и даже наследственный кулон. Но если моё имя внезапно появится в документе четырёхсотлетней давности, я, пожалуй, впервые добровольно попрошу кого-нибудь проверить мою голову. — Девушка потёрла ладонью шею.

— Тогда сегодня можешь немного расслабиться. Техника печати снимка значительно моложе. — Мира потянулась к папке с анализом фотографии.

— То есть фотография точно не сделана четыреста лет назад? — Лиэль быстро посмотрела на неё.

— Насколько можно судить по физическому носителю, нет. Но изображение могло быть перенесено позже, скопировано с более старого или создано магическим способом. — Архивистка открыла нужный лист и придвинула его ближе.

— Ты каким-то образом превратила хорошую новость в три новых вопроса. — Девушка прикрыла глаза и провела пальцами по вискам.

— Я старалась. — Мира позволила себе короткую усмешку.

***

К пяти часам они сделали перерыв. Мира принесла два стакана кофе из автомата и пакет солёных орехов, после чего они сели на широкий подоконник в служебном коридоре. За стеклом дождь постепенно превращал город в серое отражение, а на противоположных крышах уже зажигались первые вывески. Лиэль держала стакан между ладонями. Некоторое время обе просто смотрели наружу.

— Четыреста семнадцать лет, — произнесла девушка наконец, и теперь число звучало совершенно иначе, чем утром.

— Именно столько получается между последними надёжными записями и настоящим. — Мира разорвала пакет и протянула его ей.

— Даже для эльфов это очень много. — Взяв несколько орехов, Лиэль покрутила один между пальцами.

— Очень. — Мира опёрлась плечом об оконную раму.

— Я выгляжу на двадцать два. — Девушка повернула голову.

— И примерно такой возраст ты всегда указывала. — Мира сразу поняла, куда движется мысль, и чуть сдвинула брови.

Формулировка прозвучала слишком осторожно.

— Почему «указывала»? — спросила Лиэль, внимательно наблюдая за ней.

Архивистка закрыла пакет и положила себе на колени.

— Потому что я не присутствовала при твоём рождении и не могу подтвердить биологический возраст, — пояснила она, после чего заметила настороженность подруги и слегка коснулась её локтя. — Не ищи здесь новое признание. Я действительно не знаю ничего такого.

Лиэль несколько секунд изучала её лицо. Мира выдержала взгляд спокойно.

— Ладно.

— Мне нравится, что теперь такие моменты занимают десять секунд, а не полчаса допроса. — Напряжение в плечах архивистки едва заметно ослабло.

— Не расслабляйся. Я просто экономлю силы.

— Разумно.

— Если моя семья действительно происходила из Аэлирии, тогда всё становится хотя бы немного проще. Кто-нибудь мог бежать до катастрофы, сохранить вещи, рассказы, символы и передать их потомкам. — Девушка отпила кофе и снова посмотрела за окно.

— Мог, — согласилась Мира. — Осталось выяснить, была ли среди них твоя семья.

Лиэль коснулась кулона через ткань свитера. Мира сразу заметила жест.

— Ты всё-таки взяла его с собой.

Полумесяц появился из-под воротника.

— После всего происходящего оставлять его дома показалось ещё подозрительнее, чем носить.

— Можно посмотреть ближе? — Архивистка протянула руку, но остановилась, не касаясь украшения.

Лиэль чуть подалась к ней.

Мира осторожно повернула полумесяц двумя пальцами. На обратной стороне были тонкие линии, которые хозяйка всегда считала декоративными.

— Я сфотографирую? — спросила архивистка, уже доставая телефон, но всё ещё ожидая разрешения.

— Только без предложений оставить его здесь до завтра.

— Я дорожу жизнью больше, чем каталогами. — Мира тихо усмехнулась.

Она сделала несколько снимков с разных углов и сразу отпустила кулон. Лиэль спрятала его обратно под свитер. Некоторое время они снова молчали.

— Как думаешь, Рейвен знает про Аэлирию? — спросила девушка, наблюдая за дорожками дождя на стекле.

Мира не ответила сразу. Она несколько раз сложила верхний край пакета с орехами, затем разгладила его большим пальцем и только после этого посмотрела на подругу.

— Думаю, ему известна какая-то связь с ней.

— Какую именно? — Повернула голову Лиэль.

— Вот это уже вопрос, на который я сознательно не отвечу. — Архивистка медленно вдохнула.

Привычное раздражение возникло сразу, но теперь хотя бы не приходилось гадать, действительно ли от неё что-то скрывают.

— Потому что не можешь или потому что обещала? — спросила девушка, опираясь плечом о раму.

— Потому что ответ принадлежит не только мне. — Мира провела большим пальцем по шву стакана.

— Тогда спрошу его сама. — Лиэль некоторое время смотрела на неё, затем кивнула.

— Думаю, это правильно. — Архивистка едва заметно расслабилась.

— Ты только что посоветовала мне обратиться к человеку, которого вчера называла известной проблемой. — Девушка подняла бровь.

— Я советую собрать несколько версий. Это не означает доверять любой из них. — На лице Миры появилась слабая улыбка.

— Ты боишься, что его версия и твоя не совпадут? — Лиэль поставила стакан рядом.

— Я почти уверена, что полностью они не совпадут. — Мира отвела взгляд к дождливому окну, где их отражения смешивались с городскими огнями.

***

После перерыва они вернулись к последней коробке. В ней находился каталог предметов, которые в разные годы приписывали Аэлирии. Большинство изображений были плохого качества: украшения, печати, металлические пластины, фрагменты посуды и несколько вещей, назначение которых составители так и не определили.

К вечеру глаза устали от мелкого текста. Лиэль переворачивала страницы всё медленнее, а Мира сидела напротив и вносила найденные ссылки в ноутбук.

— Здесь снова лунная символика, — заметила девушка, задержавшись на изображении серебряной застёжки. — Такое ощущение, что в Аэлирии кто-то однажды выбрал одну дизайнерскую тему и запретил всем отходить от неё.

— Полумесяц повторяется слишком часто, чтобы считать его случайным украшением. — Мира не перестала печатать, но улыбнулась.

Лиэль перевернула следующую страницу. Рука остановилась сама.

На странице были изображены несколько украшений: кольцо с тёмным камнем, тонкая цепочка, металлическая застёжка и небольшой серебряный полумесяц. Лиэль наклонилась ближе.

Изгиб был знакомым, на поверхности угадывались тонкие линии, а возле нижнего края имелось небольшое утолщение, которое она каждый день ощущала пальцами, почти не замечая. Ладонь сама поднялась к шее

— Мира, — позвала девушка, и голос прозвучал настолько тихо, что архивистка сразу перестала печатать.

— Что нашла? — спросила та, вставая из-за стола и обходя его сбоку.

Вместо ответа Лиэль повернула к ней каталог. Мира подошла ближе и несколько секунд изучала изображение, после чего взгляд медленно переместился к кулону на её шее.

— Сними его, пожалуйста, — попросила она, уже освобождая место между документами.

Расстегнув цепочку, девушка положила украшение на чистый лист бумаги, который Мира предусмотрительно подложила под него. Обе склонились над столом.

Рисунок в каталоге был выполнен вручную, поэтому мелкие пропорции немного отличались, однако общий изгиб, расположение линий на лицевой стороне и характерное утолщение у края совпадали настолько хорошо, что неприятное напряжение сразу вернулось под рёбра. Мира взяла лупу.

— Можно перевернуть?

Лиэль осторожно повернула кулон обратной стороной вверх. На металле проступили тонкие линии. Архивистка придвинула каталог ближе и несколько раз перевела взгляд с рисунка на настоящий предмет.

Сходство оказалось значительно точнее, чем можно было ожидать от просто похожего украшения: изгиб линий, их расположение и маленький разрыв возле края повторялись почти полностью. Девушка медленно опустилась на стул.

— Что написано под изображением?

— «Серебряный лунный знак, происхождение предположительно аэлирийское. Частная коллекция Эрна Вайрена, дальнейшая судьба предмета неизвестна», — прочитала Мира, приблизив страницу к лампе, и провела пальцем ниже. — Но кому он принадлежал до коллекции и что означал, не указано.

Лиэль коснулась своего кулона кончиками пальцев. Металл оставался таким же холодным и привычным, каким был всегда.

— Значит, версия про потомков всё ещё работает.

— Да, работает. — Мира села напротив и сложила руки на столе.

— Тогда почему у тебя такое лицо? — Девушка внимательно посмотрела на неё.

Архивистка чуть опустила подбородок и на несколько секунд задумалась.

— Потому что меня беспокоит не сам кулон, — объяснила она, придвигая к нему фотографию. — Если твоя семья действительно происходила от людей, покинувших Аэлирию, украшение вполне могло передаваться поколениями.

Она положила рядом распечатку с башнями.

— Но теперь у нас одновременно есть вещь, связанная с Аэлирией, фотография тебя ребёнком возле архитектуры, очень похожей на её описание, карта с отметками, которые ты сама не помнишь, и человек из неизвестного прошлого, который знает о твоей памяти и таблетках.

Лиэль посмотрела на предметы, разложенные между ними. Несколько дней назад каждый существовал отдельно, а теперь независимые следы начинали сходиться слишком близко.

— И всё равно остаются четыреста семнадцать лет, — произнесла девушка, медленно проводя пальцем вдоль края фотографии. — Они не позволяют связать меня с этим местом напрямую.

— Пока не позволяют, — кивнула Мира.

Лиэль подняла глаза, но переспрашивать не стала. Взяла цепочку и снова застегнула кулон на шее.

— Мне нужно поговорить с Рейвеном.

— Думаю, да. — Мира слегка отодвинула каталог.

— И в этот раз я не собираюсь принимать «не сейчас» как полноценный ответ.

— Зная вас обоих, я бы не рассчитывала на короткий разговор. — Архивистка закрыла ноутбук и потянулась за лентой каталога.

Лиэль подняла на неё взгляд. Мира замерла с лентой в пальцах и сразу поняла, что сказала. На несколько секунд между ними повисла тишина.

— Это была плохая формулировка, — призналась она, устало потирая переносицу.

— Наша реформа честности опять дала трещину. — Девушка медленно прищурилась, но вместо прежней злости почувствовала почти обречённое раздражение.

— Скорее я слишком давно привыкла говорить о вещах, о которых тебе нельзя было задавать вопросы. — Мира покачала головой и завязала каталог.

Фраза прозвучала серьёзнее, чем всё предыдущее. Лиэль не стала давить.

Пока ей было достаточно того, что на столе лежал архивный рисунок украшения из исчезнувшего королевства, а на шее — почти точное его повторение.

Ещё утром полумесяц оставался просто старой вещью неизвестного происхождения. Теперь он становился материальным свидетельством культуры, записи о которой обрывались четыреста семнадцать лет назад, и эту связь уже нельзя было объяснить одной случайностью. Аэлирия больше не была странным названием из повреждённой карточки. Она существовала, исчезла задолго до того времени, которое Лиэль считала годом своего рождения, и каким-то образом оставила след в её собственной жизни. Оставалось понять, каким образом прошлое, отделённое от неё четырьмя столетиями, сумело подойти настолько близко.

Глава 8. След на старой фотографии

Домой Лиэль вернулась значительно позже, чем собиралась. За время, проведённое в архиве, дождь успел усилиться, и теперь вода стекала по окнам подъезда сплошными дорожками, превращая уличные вывески в размытые розовые и фиолетовые пятна. На лестнице пахло мокрой штукатуркой, чужим ужином и сушёными травами из квартиры госпожи Ивель, и эти обычные домашние запахи впервые за весь день подействовали сильнее любых попыток успокоить себя логикой.

Проверив почтовый ящик, девушка поднялась на пятый этаж и только перед собственной дверью заметила, что всё это время держит ладонь возле шеи, почти касаясь спрятанного под свитером кулона. После архива полумесяц ощущался иначе, хотя сам металл не стал ни тяжелее, ни теплее. Ещё утром это было старое украшение без истории, а к вечеру выяснилось, что почти такой же предмет существовал в культуре, записи о которой обрывались четыреста семнадцать лет назад.

Квартира встретила её знакомой тишиной, гудением холодильника и мягким светом из окна. Лиэль сняла мокрое пальто, оставила обувь у двери и на несколько секунд задержалась в прихожей, прислушиваясь к привычным звукам. После нескольких часов среди архивных документов собственный дом казался почти нарочито современным и понятным: на кухонной стойке стояла упаковка лапши, возле дивана валялась забытая Норой резинка для волос, а одноглазый кролик устроился в кресле так, будто за день здесь не произошло ничего важного.

Она поставила телефон на зарядку, переоделась, включила чайник и, пока вода нагревалась, снова подошла к карте на холодильнике. Розовые отметки теперь раздражали сильнее прежнего, потому что после слов Норы стало ясно: какие-то из них она действительно наносила сама, а значит, поиски могли начаться задолго до фотографии, зеркала и встречи с Рейвеном. В то же время оставалась и более простая версия — возможно, когда-то Лиэль интересовалась старым Вельмиром, а нынешняя тревога лишь заставляла превращать каждую забывшуюся мелочь в часть одной огромной тайны.

Она сняла карту с магнитов, подержала в руках и через несколько секунд вернула обратно. На сегодня хватало архивов, исчезнувших королевств и невозможных совпадений; собственную квартиру превращать в ещё одно место расследования не хотелось.

Телефон завибрировал, когда девушка уже несла еду к дивану. Нора прислала фотографию огромной кружки кофе и коротко спросила, жива ли она, после чего Лиэль устроилась среди подушек, подтянула ноги под себя и набрала ответ.

Да. И библиотека тоже пережила наше присутствие.

Ответ появился почти сразу.

Нашли что-нибудь?

Пальцы задержались над экраном. Рассказать в одном сообщении про Аэлирию, четыреста семнадцать лет, архивный кулон и противоречивые хроники было почти невозможно, да и превращать всё пережитое в список фактов не хотелось.

Слишком много. Завтра расскажу нормально.

Через несколько секунд Нора прислала:

Если под «слишком много» опять подразумевается человек из зеркала, который теперь стоит у тебя на кухне, звони сразу.

Уголки губ Лиэль дрогнули.

Пока только лапша.

Лапше доверяю больше.

На этом разговор закончился, но оставил после себя приятное ощущение обычной жизни. Девушка включила сериал, который смотрела уже несколько недель, однако через пятнадцать

минут поняла, что совершенно не следит за происходящим на экране. Герои спорили из-за наследства, кто-то драматично хлопнул дверью, а мысли всё равно возвращались к архивному рисунку.

Аэлирия существовала, и этого уже нельзя было отменить. Фотография могла оказаться поздней копией старого изображения, кулон — семейной реликвией, а белые башни — архитектурным повторением давно исчезнувшего города, поэтому каждое отдельное объяснение оставалось вполне возможным. Проблема заключалась в том, что количество совпадений росло быстрее, чем количество версий, способных связать их вместе без новых вопросов.

Доев почти остывшую лапшу, Лиэль отнесла тарелку на кухню и только тогда заметила время. Приём таблетки снова перестал быть автоматическим движением, хотя ещё совсем недавно не требовал ни размышлений, ни внутреннего решения. Рейвен просил не прекращать резко, Мира знала о препарате задолго до признания, а собственная записка предупреждала только о последней таблетке, оставляя всё остальное за пределами объяснения.

Девушка перевернула матовый флакон в ладони и прислушалась к тихому стуку содержимого. Таблеток внутри оставалось несколько, поэтому сегодняшняя точно не могла быть той самой, которую запрещала принимать записка. Она достала одну, запила водой и записала время в телефон, потому что теперь хотела иметь собственную последовательность событий, не зависящую от чужих воспоминаний.

Перед сном Лиэль проверила замок, прикрыла окно и оставила свет в ванной. Зеркало сегодня почти не привлекало внимания, и возможность пройти мимо него без очередной проверки показалась маленькой, но всё-таки победой.

***

Сон начался со звона колоколов, настолько тяжёлого и плотного, что звук будто проходил сквозь всё тело. Он отдавался в груди, в зубах и глубоко за глазами, заставляя сердце подстраиваться под чужой ритм, хотя сама Лиэль не видела ни башни, ни колокольни, откуда мог доноситься этот гул.

Она бежала по коридору из белого камня. Босые ступни скользили по пеплу и тёмной воде, длинная ткань путалась возле колен, а горячий воздух обжигал горло при каждом вдохе. Сон был лишён привычной нелепой размытости, в которой пространство меняется без причины и незнакомые люди воспринимаются знакомыми только потому, что так велит сознание; здесь всё ощущалось мучительно конкретным, от шероховатости стены под ладонью до боли в боку после долгого бега.

Самым странным было даже не это. Девушка знала коридор телом, хотя сознание не могло назвать ни здание, ни город. За следующей аркой должна была находиться лестница, и она свернула ещё до того, как увидела первые ступени, словно повторяла движение, совершённое когда-то сотни раз.

За высоким окном горело небо. Огонь поднимался где-то между белыми башнями и отражался в стекле настолько ярко, что весь коридор казался залитым красноватым светом. По стене промелькнула чужая тень, затем совсем рядом раздался тяжёлый удар, от которого пол под ногами дрогнул и заставил Лиэль инстинктивно прижаться плечом к стене. Из-за поворота появилась женщина.

Сначала взгляд зацепился за белое платье, длинный подол которого был испачкан серой пылью, а по одному из рукавов расползалось тёмное пятно крови. Потом стали различимы тёмные волосы, частично выбившиеся из причёски, серебряное украшение возле виска и наконец лицо, при виде которого страх изменился мгновенно.

До этой секунды Лиэль боялась огня, звона, рушащихся стен и чего-то ещё, происходившего за пределами коридора. Теперь боль пришла раньше мысли, потому что тело узнало женщину без имени и объяснения. Оно помнило расстояние, на котором рядом с ней можно было перестать быть осторожной, помнило естественное желание схватиться за её руки и одновре-

менно проверить, откуда кровь, хотя сознание не могло предложить ни одного факта, способного объяснить эту близость.

Женщина тоже увидела её, и выражение лица изменилось так резко, словно появление Лиэль оказалось одновременно спасением и худшим из возможных событий. Она подбежала первой, обхватила ладонями лицо девушки и несколько секунд смотрела на неё с такой отчаянной внимательностью, будто проверяла, действительно ли та перед ней. Пальцы дрожали.

Большой палец скользнул по скуле, оставив на коже что-то влажное, и невозможно было понять, была ли это кровь или слеза. Лиэль хотела спросить, что произошло, но голос не слушался, а внутри существовало только почти животное желание запомнить лицо напротив до мельчайших подробностей: тёмные глаза, прядь волос возле щеки, небольшую царапину у подбородка и выражение, в котором любовь смешивалась с ужасом и уже принятым решением. Позади снова раздался удар.

Женщина резко повернула голову, и на её лице появилось напряжение. За дальней аркой на мгновение вспыхнул свет, слишком яркий для обычного огня, после чего рука соскользнула с лица Лиэль к запястью и потянула её назад.

Девушка сопротивлялась не потому, что хотела остаться среди огня, а потому, что женщина сама собиралась уйти в другую сторону. Это понимание пришло мгновенно и вызвало такую сильную панику, что Лиэль ухватилась за окровавленный рукав обеими руками.

Женщина повернулась к ней. В выражении впервые появилась злость, но направлена она была не на Лиэль, а будто на сам факт, что та всё ещё стоит здесь, когда должна быть далеко. Губы дрогнули, а звон колоколов стал почти оглушительным.

— Лиэль, беги! — крикнула она, одновременно пытаясь высвободить руку.

Собственное имя ударило сильнее любого звука.

На несколько мгновений пространство словно раскрылось шире, и за плечом женщины Лиэль увидела огромный зал, которого секунду назад не замечала. По полу тянулись серебряные линии, между ними двигались человеческие фигуры, а сверху падал странный розоватый свет, слишком холодный и ровный для пламени. Рассмотреть больше она не успела.

Женщина толкнула её назад достаточно мягко, чтобы не причинить боли, но достаточно сильно, чтобы заставить отступить. Лиэль снова потянулась к ней, почувствовала под пальцами влажную ткань рукава и увидела, как лицо напротив искажается от боли, после чего белое платье исчезло за внезапной вспышкой света.

***

Пробуждение произошло резко, но не мгновенно вернуло ощущение реальности. Лиэль обнаружила себя сидящей в постели с ладонью, прижатой к груди, и первые несколько секунд могла дышать только открытым ртом. Сердце билось тяжело и быстро, горло саднило, будто она действительно несколько минут вдыхала горячий дым, а ноги дрожали так сильно, что вставать сразу было страшно.

Постепенно комната начала возвращаться на привычные места. Розовый свет вывески ложился на стену, дождь шуршал за окном, а одноглазый кролик по-прежнему сидел в кресле. Ничего вокруг не горело, однако запах дыма всё ещё казался настолько отчётливым, что девушка откинула одеяло и вышла в коридор.

Она проверила кухню, окно, входную дверь и даже плиту, хотя прекрасно понимала, насколько бессмысленны эти действия. В квартире было прохладно, индикатор холодильника горел привычным зелёным светом, а из ванной падала тёплая полоса света. Пока Лиэль обходила комнаты, запах дыма постепенно слабел, и уже через минуту стало невозможно определить, существовал ли он на самом деле или сознание продолжало удерживать ощущения сна.

Вернувшись в спальню, девушка подняла ладонь к лицу и только тогда заметила влагу на щеке. На пальцах осталась слеза, и это открытие на несколько секунд озадачило сильнее самого кошмара.

Страх можно было объяснить слишком ярким сном. Даже боль в горле, дрожь и ощущение жара поддавались рациональной версии. С горем было сложнее, потому что оно ощущалось не как реакция на страшную сцену, а как продолжение отношения, о существовании которого Лиэль ничего не знала.

Она медленно опустилась на край кровати и закрыла лицо ладонями. Казалось, что несколько минут назад потеряла кого-то, кого любила всю жизнь, хотя не могла назвать ни имя, ни степень родства, ни даже понять, действительно ли та женщина погибла. Самое страшное началось, когда сон стал исчезать.

Контуры коридора ещё сохранялись, звон колоколов можно было почти услышать, но лицо женщины уже становилось менее чётким. Именно это заставило Лиэль резко подняться и схватить блокнот.

Ручка несколько раз выскользнула из пальцев. Вместо привычных списков и сухих заметок девушка начала рисовать, сначала пытаясь восстановить общий овал лица, потом тёмные волосы, глаза и линию губ. Первый рисунок оказался слишком резким, во втором подбородок получился чужим, а третий пришлось почти полностью стереть, потому что взгляд не передавал того выражения, которое осталось внутри.

Она пыталась вспомнить незнакомку не глазами, а тем ощущением, которое возникло, когда тёплые ладони коснулись её лица. Это помогало больше: постепенно появилась мягкая линия бровей, форма носа, прядь возле щеки и небольшая царапина у подбородка, хотя ни один рисунок так и не стал полностью правильным. Через некоторое время Лиэль остановилась и отложила ручку.

На бумаге была женщина, которую сознание считало незнакомой, но от одного взгляда на её лицо внутри снова болезненно сжималось.

— Кто ты? — спросила девушка тихо, проводя пальцем возле нарисованной щеки и не касаясь графита.

Только после собственных слов она заметила, что второй рукой всё это время сжимает кулон. Серебро оказалось ощутимо теплее кожи, хотя в комнате было прохладно, и когда пальцы разжались, по тонким линиям на поверхности прошёл слабый отблеск, похожий на отражение света, которого рядом не было. Эффект исчез прежде, чем Лиэль успела рассмотреть его лучше.

После реакции фонтана и фотографии убеждать себя, что подобные вещи ничего не значат, становилось всё труднее. При этом объяснения по-прежнему не было, поэтому она только записала время и состояние кулона рядом с рисунком.

Часы показывали 04:18.

Девушка открыла чат с Норой, написала вопрос, не спит ли та, но через несколько секунд стёрла сообщение. Будить подругу среди ночи из-за сна не хотелось, особенно когда самой ещё было трудно подобрать слова.

Вместо этого Лиэль открыла заметки и записала всё, что могла удержать: белые стены, огонь, звон колоколов, тёмные волосы, белое платье, кровь на рукаве, серебряное украшение и крик с её именем. Отдельной строкой добавила, что после пробуждения возникло ощущение смерти этой женщины, но это только чувство, а не факт.

Ей не хотелось принимать силу переживания за доказательство. Заснуть снова не получилось.

***

Утро застало её на кухне среди нескольких рисунков, пустой чашки и блокнота. За окном серело, ночной дождь почти прекратился, а лицо женщины на бумаге с каждым часом становилось всё менее похожим на то, которое Лиэль помнила после пробуждения. Самый удачный рисунок она положила в блокнот, остальные оставила рядом, потому что выбросить их почему-то казалось почти предательством. Около восьми позвонила Нора. Девушка сразу взяла трубку.

— Ты либо ужасно рано проснулась, либо вообще не спала, — сказала подруга вместо приветствия. В трубке слышался шум улицы, ветер и проезжающие машины, так что Нора явно уже куда-то шла. — Судя по тому, что ты взяла трубку после первого гудка, ставлю на второй вариант.

Лиэль провела ладонью по лицу и прислонилась бедром к кухонной стойке.

— Немного поспала, — ответила она, но даже самой было слышно, насколько неубедительно это звучит.

Шум улицы в трубке на несколько секунд усилился, затем стал тише. Судя по звуку двери, Нора вошла в помещение.

— Что случилось? — спросила она уже совсем другим голосом, и привычная утренняя насмешка исчезла. — У тебя голос такой, будто ночь закончилась значительно хуже, чем ты собираешься признать.

— Мне приснился сон, — сказала Лиэль, глядя на рисунок.

На другом конце возникла короткая пауза, после которой послышался звук отодвигаемого стула.

— Я села, — сказала Нора. — Теперь рассказывай нормально и не пытайся сократить всё до «ничего страшного».

Эта простая фраза неожиданно задела сильнее, чем ожидалось. Девушка отвернулась к окну, где мокрые крыши постепенно становились светлее.

— Там была женщина, — начала она, сжимая край столешницы. — Тёмные волосы, белое платье, кровь на рукаве. Вокруг горели белые стены, звонили колокола, и всё ощущалось настолько реально, что после пробуждения у меня ещё несколько минут болело горло от дыма.

Нора не перебивала. Было слышно только её спокойное дыхание и далёкий звон посуды где-то рядом.

— Она увидела меня и схватила за лицо, — продолжила Лиэль, проводя пальцем по краю рисунка. — Так, будто искала очень долго или боялась, что я исчезну прямо у неё на глазах.

Голос дрогнул, и девушка замолчала.

— Не спеши, — тихо сказала Нора, и вместо очередного вопроса просто дала ей несколько секунд.

— Потом она заставила меня бежать, — произнесла Лиэль, сглотнув.

— Она что-нибудь сказала? — спросила подруга, и даже через телефон чувствовалось, насколько осторожно она подбирает интонацию.

Перед глазами снова возник белый коридор.

— Она крикнула: «Лиэль, беги».

В трубке стало тихо.

Нора не ответила сразу, и на этот раз пауза была наполнена не неизвестностью, а попыткой понять, насколько серьёзно нужно отнестись к услышанному.

— Это уже звучит не как случайный кошмар после дня в архиве, — сказала она наконец, медленно выдыхая. — Особенно после того, что я рассказывала про твои разговоры во сне.

— Я знаю. — Лиэль села за стол и подтянула к себе блокнот. — Но самое страшное даже не это.

— Что тогда?

Несколько секунд девушка смотрела на нарисованное лицо, не решаясь произнести вслух то, что ощущала с момента пробуждения.

— Я скучаю по ней, — сказала она наконец. — Я даже не знаю, кто она, Нора, но мне физически плохо от того, что её рядом нет.

Подруга не стала сразу утешать или спорить. Послышалось, как она провела ладонью по столу или одежде, а затем голос прозвучал ещё тише.

— Ты её хоть немного помнишь вне сна?

— Совсем нет. — Лиэль покачала головой, хотя Нора этого не видела. — В этом и проблема.

— Ты хочешь, чтобы я приехала? — спросила Нора, не добавляя привычных шуток.

Первая реакция была отказать автоматически, но девушка заставила себя не отвечать сразу. Она представила, как подруга бросит дела и приедет через весь город, хотя сейчас всё равно не сможет объяснить произошедшее.

— Не надо, — произнесла Лиэль мягче. — Правда. Я просто не хочу сейчас оставаться с этим совсем одна.

— Тогда оставайся со мной хотя бы по телефону. — Нора, судя по звуку, придвинула стул ближе к столу. — Можешь молчать, если не хочешь говорить.

Предложение неожиданно заставило горло сжаться. Лиэль улыбнулась, хотя подруга не могла этого видеть.

— Я хочу найти Рейвена.

Нора тяжело выдохнула, и в трубке послышалось недовольное движение.

— Конечно хочешь. Мужчина, который выдаёт информацию по чайной ложке, — очевидный выбор после ночного кошмара.

— Он может узнать её, — возразила девушка, проводя большим пальцем по углу рисунка. — И я тебе рассказываю как раз потому, что не собираюсь идти к нему так, будто больше никого в моей жизни нет.

Нора немного смягчилась.

— Хорошо. Тогда напиши мне, где вы встретитесь, и потом обязательно позвони. Если он начнёт убеждать тебя, что твои чувства автоматически доказывают его версию прошлого, разворачивайся и уходи.

Лиэль посмотрела на собственную ночную запись о том, что горе не является доказательством смерти.

— Не позволю.

— И поешь перед выходом, — добавила Нора, и в голос наконец вернулась знакомая твёрдость.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Трагическое прошлое не отменяет завтрак. — Подруга явно улыбнулась, потому что интонация стала теплее. — Я даже готова оформить это официальным правилом нашей дружбы.

Лиэль впервые за утро рассмеялась по-настоящему, и этого короткого ощущения нормальности оказалось достаточно, чтобы немного вернуть под ногами настоящее.

***

Единственным местом, где можно было хотя бы попытаться найти Рейвена, оставался «After Moon», и сама идея казалась почти нелепой. У Лиэль не было его номера, адреса или даже уверенности, что он существует в городе так же, как остальные люди. За несколько дней она успела увидеть его в зеркале, возле собственного дома, в кафе и рядом с библиотекой, но не знала о нём ни одной простой бытовой вещи: где он живёт, чем занимается между их встречами и почему она до сих пор не попросила его номер.

К одиннадцати девушка заняла знакомый столик у окна и отправила Норе адрес кафе. Бариста принёс кофе, заметил раскрытый блокнот и поинтересовался, снова ли она работает, после чего Лиэль машинально прикрыла рисунок ладонью и ответила, что занимается чем-то похожим.

Первые двадцать минут ожидание ещё казалось разумным. Через сорок стало очевидно, что план построен исключительно на надежде, а не на логике. Она допила кофе, заказала второй, несколько раз открыла новости и тут же закрыла их, проверила переписку с Норой и снова вернулась к рисунку.

В какой-то момент появилась мысль спросить Миру, знает ли та способ связаться с Рейвеном, но это почти наверняка закончилось бы очередным разговором о том, почему архивистка имеет или не имеет его контакты. Лиэль уже открыла чат, когда над дверью кафе звякнул колокольчик.

Она ещё не подняла головы, но тело отреагировало первым: плечи напряглись, дыхание изменилось, а внимание мгновенно переместилось к входу. Рейвен снимал мокрые перчатки возле двери.

Сначала он посмотрел в сторону стойки, затем заметил её, и по тому, как мужчина на секунду задержался на месте, стало ясно, что встречу он не планировал. Эта маленькая неожиданность почему-то успокоила.

Рейвен подошёл к столику, но не сел сразу. Пальцы легли на спинку свободного стула, а взгляд внимательно прошёлся по лицу девушки, задержавшись на тёмных следах недосыпа под глазами.

— Ты меня ждала? — спросил он, чуть наклоняя голову.

Лиэль закрыла телефон и отодвинула его ближе к краю стола.

— Ждала. И прежде чем ты спросишь, почему именно здесь, это единственное место, где я знаю, что ты иногда появляешься.

— Можно сесть? — спросил он, положив ладонь на спинку стула.

Девушка коротко кивнула, и Рейвен устроился напротив, аккуратно положив перчатки возле себя. Несколько секунд он всё ещё рассматривал её лицо, причём прежней скрытой иронии в выражении не было.

— Ты почти не спала, — заметил он, слегка нахмурившись.

Лиэль отодвинула чашку.

— Сегодня все сразу замечают, что я не спала. Нора даже по голосу поняла.

Рейвен не улыбнулся, хотя обычно подобная реплика вызвала бы хотя бы слабую реакцию. Он чуть подался вперёд и положил предплечье на стол.

— Что произошло?

Вместо ответа девушка достала блокнот и открыла нужную страницу. Рисунок лёг между ними.

Рейвен посмотрел на него, и перемена произошла почти мгновенно. Пальцы, до этого поправлявшие край перчатки, остановились, плечи едва заметно напряглись, а взгляд задержался на лице женщины значительно дольше, чем потребовалось бы для обычного изучения рисунка.

Лиэль почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Ты её знаешь, — сказала она, внимательно следя за ним.

Мужчина не ответил сразу. Он наклонился ближе к блокноту, словно пытался проверить каждую черту, а затем поднял глаза.

— Откуда у тебя рисунок?

— Я нарисовала его ночью после сна, — объяснила девушка и положила ладонь возле страницы, не позволяя ему увести разговор в сторону. — Поэтому сначала скажи, узнаёшь ты её или нет.

Рейвен медленно провёл большим пальцем по костяшке указательного, но почти сразу остановил движение, заметив её взгляд.

— Думаю, что узнаю, — ответил он.

— Почему опять «думаю»? — Лиэль напряглась.

Он осторожно развернул блокнот так, чтобы свет из окна падал на рисунок лучше.

— Потому что это не фотография. Некоторые черты могли измениться в памяти или просто не получиться на бумаге, а я не хочу назвать тебе человека, если есть хотя бы возможность ошибиться.

Объяснение было разумным, но раздражение от этого не стало меньше.

Девушка обхватила ладонями чашку и начала описывать сон: тёмные волосы, белое платье, серебряное украшение возле виска, кровь на рукаве, горящие белые стены и звон колоколов. Пока она говорила, Рейвен почти не двигался, только временами сильнее прижимал пальцы к краю стола.

— Что она сказала? — спросил он, когда Лиэль закончила, и голос прозвучал заметно тише.

— Сначала она произнесла моё имя, — сказала девушка, чувствуя, как воспоминание о сне снова делает дыхание неровным. — А потом крикнула: «Лиэль, беги».

Рейвен отвёл взгляд к окну.

Пальцы медленно прошлись по нижней губе, затем он потёр затылок и некоторое время смотрел на дождь за стеклом, хотя очевидно не замечал улицу. Лиэль дождалась, пока он снова повернётся.

— Теперь не говори, что тебе нужно подумать, — попросила она, наклоняясь ближе. — Ты знаешь эту женщину.

Рейвен посмотрел на рисунок и только после этого кивнул.

— Да, я её знал.

Одно короткое признание подействовало сильнее длинного объяснения. Лиэль почувствовала, как пальцы сами сильнее сжимают чашку.

— Кто она?

Мужчина провёл ладонью по лицу, задержав пальцы возле виска, и в этом движении впервые за разговор проявилась усталость.

— Она была очень близким тебе человеком, — сказал он, выбирая слова медленнее обычного. — Настолько близким, что забыть её полностью оказалось бы страннее, чем сохранить то чувство, которое ты испытывала во сне.

— Что значит «очень близким»? — Девушка не отводила взгляда. — Подруга, родственница, человек, которого я любила?

— Я боюсь подсказать тебе ответ раньше, чем ты вспомнишь сама, — ответил Рейвен, чуть сжав губы.

Раздражение вспыхнуло сразу, и Лиэль поставила чашку на стол немного резче, чем собиралась.

— Ты опять это делаешь.

— Я понимаю, как выглядит со стороны. — Мужчина не стал отодвигаться, но руки убрал со стола, освобождая место возле её блокнота. — Однако если сейчас скажу тебе, кем она была, любое следующее ощущение ты начнёшь проверять через это знание. Я не хочу, чтобы ты потом сомневалась, действительно ли вспомнила что-то сама.

Лиэль вспомнила, как ночью записывала детали сна, стараясь ничего не добавить от себя. Она понимала его опасение, но от этого не становилось легче.

— Я всё равно имею право злиться, — сказала Лиэль после паузы, проводя пальцем по ручке чашки.

— Имеешь, — ответил он, слегка опустив голову.

Признание неожиданно сняло часть напряжения. Девушка отвела взгляд к окну.

— Я проснулась и плакала, — произнесла она значительно тише. — Сначала даже не поняла этого. Я не знаю её, Рейвен, но чувство было такое, будто я только что потеряла человека, которого любила всю жизнь.

Он перестал двигаться.

Пальцы, лежавшие рядом с перчатками, медленно сжались вокруг бумажной салфетки, и через несколько секунд мужчина расправил её обратно, словно заметил собственное напряжение.

— Сон не доказывает, что она погибла, — сказал он.

— Ты знаешь, что с ней произошло? — Лиэль сразу повернулась к нему.

Рейвен выдержал взгляд, не отворачиваясь и не касаясь привычно пальцами руки.

— Не знаю. И это не та часть, которую я от тебя скрываю.

Ответ прозвучал настолько ровно и прямо, что девушка поверила прежде, чем успела проверить его движения. Она опустила глаза к рисунку.

— Тогда почему мне так больно?

Мужчина некоторое время молчал. За соседним столиком кто-то рассмеялся, бариста звякнул чашками у стойки, по стеклу медленно сползла большая капля дождя, и обычная жизнь кафе странным образом делала разговор ещё более личным.

— Потому что отсутствие памяти не всегда уничтожает то, что человек чувствовал, — произнёс Рейвен наконец. — Иногда причина исчезает, а сама связь продолжает существовать в теле, в привычках и в реакциях, которые невозможно объяснить.

— Как со мной и тобой? — Лиэль подняла глаза.

Рейвен на секунду отвёл взгляд и потёр ладонью затылок.

— Возможно, именно поэтому ты иногда знаешь мои движения раньше, чем успеваешь вспомнить, откуда их знаешь.

Вместо ответа девушка открыла блокнот на другой странице.

— Нора рассказала ещё кое-что. Иногда во сне я произносила фразу, которую она не могла разобрать полностью. Там было что-то про то, что нужно помнить за двоих.

Реакция мужчины оказалась слишком явной, чтобы её пропустить. Он выпрямился, пальцы замерли возле края стола, а взгляд на несколько секунд стал совершенно неподвижным.

— Ты знаешь эту фразу, — сказала Лиэль, наблюдая за ним.

— Я слышал похожие слова, — ответил Рейвен после паузы.

— От кого?

Он посмотрел на рисунок. Этого оказалось достаточно. Девушка почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— От неё?

Мужчина не подтвердил прямо, однако взгляд остался на лице женщины.

— Я не хочу давать тебе точную формулировку, потому что сам не уверен, что помню её без искажений, — сказал он, медленно поворачивая перчатку на столе. — И если я произнесу фразу сейчас, ты потом уже не поймёшь, вернулась она сама или просто закрепилась после моих слов.

Лиэль заметила, как большой палец снова коснулся костяшки указательного.

— Ты всё равно говоришь не всё, — сказала она, указывая взглядом на его руку.

— Иногда мне очень не нравится, насколько хорошо твоё тело помнит мои привычки, — произнёс Рейвен с невесёлой усмешкой, глядя на собственные пальцы.

— Мне тоже, — ответила девушка, придвигая блокнот к себе. — Особенно когда всё остальное внутри выглядит как пустая комната.

Некоторое время они молчали. Лиэль первой нарушила тишину.

— Ты можешь хотя бы сказать, был ли этот сон воспоминанием?

Рейвен откинулся на спинку стула и задумчиво провёл пальцем по подбородку.

— Я не могу знать, что именно происходило у тебя во сне. Но сцена, которую ты описала, связана с реальными событиями.

— Значит, я вспоминаю, — произнесла Лиэль, опуская взгляд на рисунок. Внутри снова похолодело.

— Возможно, — ответил Рейвен. — Но сон мог соединить несколько моментов, изменить порядок или усилить отдельные ощущения.

— Из-за того, что сделали с моей памятью? — Лиэль подняла глаза.

В его лице мелькнула настороженность.

— Возможно, не только из-за этого. Страх и время сами по себе меняют воспоминания, а магия делает эту границу ещё менее надёжной.

Фраза прозвучала слишком конкретно.

— Ты говоришь из собственного опыта? — спросила девушка.

— Из нашего, — ответил он наконец, отводя взгляд к перчаткам. — Просто с разных сторон.

Это было почти признание, но без достаточного контекста оно создавало больше вопросов, чем закрывало.

Лиэль уже собиралась продолжить, когда к столику подошёл бариста и спросил, нужно ли принести что-нибудь ещё. Девушка заказала воду, а Рейвен отказался от кофе. Когда бариста ушёл, Лиэль посмотрела на пустое место перед ним, затем на мужчину.

Лиэль вспомнила слова Миры о его смерти. Вопрос, на который она так и не получила ответа, снова вернулся, но сейчас на столе лежал рисунок женщины, и ей хотелось сначала разобраться хотя бы с ним.

— Ты опять сидишь в кафе и ничего не пьёшь.

— Не хочется, — ответил Рейвен, слегка пожав плечами.

— Не верю, — ответила девушка почти автоматически.

— Почему? — Он поднял брови.

Лиэль уже открыла рот, но замолчала. Дело было даже не в словах Миры: она вдруг ощутила знакомое раздражение, словно Рейвен делал так и раньше. Мужчина заметил это раньше, чем она успела отвернуться.

— Вот об этом я и говорю, — произнёс он, слегка наклоняясь к столу. — Ты не помнишь событие, но знаешь его следствие.

Девушка провела ладонью по волосам, убирая их с лица.

— Мне не нравится ощущать себя человеком, который знает собственную жизнь только через рефлексы.

— Мне тоже это не нравится. — Рейвен посмотрел на неё серьёзнее. — Потому что я не знаю, какие воспоминания вернутся первыми и что именно принесут вместе с собой.

Теперь страх в его голосе был невозможно не заметить. Лиэль некоторое время изучала его лицо.

— Ты боишься не того, что я всё вспомню, — сказала она медленно. — Ты боишься самого процесса.

— Да, — ответил Рейвен, опустив взгляд.

— Что может произойти?

Он провёл большим пальцем по краю перчатки, но на этот раз движение не выглядело попыткой что-то спрятать.

— Я не знаю достаточно, чтобы ответить уверенно. И это настоящее «не знаю», прежде чем ты спросишь.

— Начинаешь изучать мой список претензий, — заметила Лиэль.

— Слишком часто слышу.

Она впервые за разговор позволила себе слабую улыбку.

***

Из кафе они вышли после полудня. Дождь стал слабее, но влажный воздух всё ещё пах мокрым камнем и холодным металлом. Лиэль написала Норе, что встреча закончилась и она собирается домой, затем убрала телефон в карман пальто.

Рейвен ждал рядом, пока она застёгивала верхние пуговицы.

— Куда теперь? — спросил он, слегка потирая ладони после тёплого помещения.

— Домой, скорее всего. Мне нужно хотя бы несколько часов поспать без пожара и колоколов. — Девушка поправила ремень сумки и посмотрела на улицу.

Мужчина кивнул, но не уходил. Лиэль заметила его нерешительность и чуть повернулась.

— Ты опять хочешь что-то сказать и передумал?

Рейвен провёл пальцами по влажным волосам и коротко посмотрел в сторону проезжей части.

— Хочу попросить тебя записывать всё, что снится, даже если какие-то детали кажутся бессмысленными.

— Уже записываю, — ответила девушка, после чего заметила его серьёзность и перестала относиться к просьбе как к очередной инструкции.

— И если снова увидишь ту женщину, не пытайся специально удерживать сон, — добавил он, понизив голос. — Если получится проснуться, лучше проснись и запиши то, что осталось.

На последних словах Рейвен посмотрел не на Лиэль, а на мокрую мостовую у её ног. Он стоял совсем рядом, но всё же оставлял между ними расстояние.

— Почему? — нахмурилась Лиэль.

Мужчина опустил руки в карманы пальто и на несколько секунд задумался.

— Потому что воспоминание иногда возвращается вместе с состоянием, в котором возникло. Боль, паника и ощущение опасности могут проявиться раньше, чем появится контекст, и тогда человек переживает старое событие так, будто оно происходит сейчас.

Девушка вспомнила боль в горле и дрожь в ногах после пробуждения.

— Ты знал, что так будет?

— Я знал только, что память может начать возвращаться, — ответил Рейвен, покачав головой. — Не знал, какие именно фрагменты появятся первыми и когда это случится.

Ответ совпадал с тем, что он говорил раньше. Лиэль некоторое время смотрела на мокрый асфальт, после чего снова подняла глаза.

— Я всё-таки хочу знать её имя, — сказала Лиэль, сжимая ремень сумки.

Рейвен опустил взгляд, и выражение лица стало тем самым, которое она уже начинала ненавидеть ещё до произнесённых слов.

— Я помню, — ответил он. — Но пока прошу тебя подождать.

Лиэль отвернулась к дороге, чувствуя, как обида поднимается быстрее, чем разум успевает признать логику.

— Я понимаю твою причину, — сказала она после нескольких секунд. — Но от этого не становится менее больно.

Рейвен сделал полшага ближе и остановился, сохраняя расстояние.

— Я понимаю.

— Нет, ты понимаешь свою часть происходящего. — Девушка повернулась к нему. — Моя выглядит так, будто сегодня ночью я снова потеряла человека, которого даже не могу назвать.

Рейвен застыл. Его взгляд стал тяжёлым и почти болезненным.

— Ты имеешь право на эту боль, даже если пока не знаешь её имени, — произнёс он наконец.

Лиэль опустила глаза. С такой фразой оказалось труднее спорить, чем с очередным уклонением.

Она уже собиралась уйти, когда Рейвен снова заговорил:

— Лиэль, только не решай пока, что она погибла.

— Ты уже сказал, — отозвалась девушка. — Почему для тебя так важно, чтобы я не ошиблась именно в этом?

Он достал перчатки из кармана, провёл большим пальцем по краю одной из них и несколько секунд смотрел куда-то мимо неё.

— Потому что ты уже однажды приняла боль за доказательство того, что произошло, и последствия оказались слишком серьёзными.

Лиэль почувствовала, как всё внутри мгновенно напряглось.

— Когда это было?

Рейвен на секунду закрыл глаза и медленно выдохнул. Похоже, об этих словах он уже жалел.

— Я не могу рассказать это без контекста, которого у тебя пока нет, — ответил он.

— Когда-нибудь я всё-таки ударю тебя после очередного такого ответа, — сказала Лиэль, проводя ладонью по лицу.

— Возможно, заслуженно. — Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Лиэль покачала головой, сделала несколько шагов и уже почти дошла до перехода, когда одна мысль заставила остановиться. Она обернулась. Рейвен всё ещё стоял под навесом и смотрел ей вслед.

— В том сне, когда она кричала мне бежать, это действительно произошло? — спросила девушка, возвращаясь на несколько шагов.

Выражение его лица изменилось раньше слов. Рейвен медленно выдохнул и перестал теребить перчатку.

— Да. Эта часть мне знакома.

— Ты был там? — спросила Лиэль, чувствуя кулон под пальто.

Мужчина не отвёл взгляд, но ответил не сразу.

— В ту ночь многое происходило одновременно, и я не хочу давать тебе ложное ощущение, будто видел каждый момент своими глазами.

Это не было полным ответом. Лиэль по-прежнему не знала, что он видел сам, а что узнал от других.

Девушка уже собиралась спросить дальше, когда Рейвен посмотрел на неё так, будто перед ним на мгновение оказалась не нынешняя Лиэль, а кто-то давно потерянный.

— Ты всё ещё слышишь её голос, — произнёс он тихо.

Лиэль замолчала. В его голосе было столько боли, что на мгновение захотелось спросить, каким он помнит её голос. Прежде она думала только о собственной потере.

В памяти снова прозвучало отчаянное «беги», и Лиэль посмотрела на Рейвена. Он тоже помнил женщину, которую она не могла назвать. Лиэль ещё не знала, кем эта женщина была для него, но теперь ей хотелось узнать и это.

Глава 9. Кай и мёртвое королевство

После сна о женщине в белом Лиэль впервые не хотелось возвращаться в архив.

До этого библиотека казалась почти безопасным местом, потому что бумага не могла внезапно посмотреть на неё знакомыми глазами или произнести её имя голосом, от которого потом несколько часов болело внутри. Теперь граница между документами и памятью стала значительно тоньше: достаточно было одной строчки о белых башнях, одного серебряного знака или даты, чтобы за ними возникал горящий коридор и рука в окровавленном рукаве. Утром она несколько раз открывала сообщение Миры и откладывала телефон, прежде чем всё-таки ответить.

Буду к одиннадцати.

Накануне она коротко написала Мире о сне: белый коридор, пожар и незнакомая женщина, которая звала её по имени. Подробности оставила до встречи. Архивистка прислала короткое подтверждение, а через минуту добавила:

Я хочу познакомить тебя с человеком, который занимается Аэлирией дольше нас обеих. Только заранее: он историк, поэтому иногда звучит так, будто живые люди существуют исключительно ради сносок.

Лиэль перечитала сообщение и нахмурилась.

Ты решила добавить ещё одного человека, который знает обо мне больше, чем я сама?

Ответ пришёл не сразу.

Нет. В этом как раз преимущество. Он о тебе ничего не знает.

Эта фраза неожиданно оказалась убедительной.

Перед выходом Лиэль долго стояла возле зеркала в прихожей, собирая волосы. Страх после того кошмара уже отступил, но лицо женщины всё ещё оставалось достаточно ясным, чтобы не требовалось открывать блокнот. Тёмные глаза, белая ткань, кровь на рукаве и ладони на её щеках возвращались не как полноценное воспоминание, а как ощущение, которое тело отказывалось отпускать. Кулон она всё-таки надела.

После слов Миры о новом исследователе возникло первое желание оставить украшение дома, однако почти сразу стало ясно, насколько бессмысленно прятать единственную вещь, которую кто-то мог действительно распознать. Лиэль только спрятала полумесяц под высокий воротник и вышла из квартиры, предварительно написав Норе, куда идёт.

Нора ответила фотографией завтрака и сообщением:

Если историк окажется красивым и загадочным, не начинай второй сезон той же проблемы.

Лиэль закатила глаза и убрала телефон, решив, что на это отвечать не станет.

***

Мира ждала возле служебной лестницы с двумя бумажными стаканами кофе и выражением человека, который уже успел пожалеть о собственном организационном таланте.

— Один твой, — сказала она, протягивая стакан ещё до приветствия. — Я решила, что знакомить тебя с историком без кофе будет жестоко по отношению ко всем участникам.

— Он настолько ужасен? — спросила Лиэль, принимая напиток и осторожно вдыхая запах.

— Наоборот. Он вежливый, спокойный и почти никогда не перебивает, поэтому через двадцать минут ты начинаешь подозревать подвох. — Мира придержала служебную дверь и пропустила её внутрь. — Ещё он задаёт вопросы так, будто уже мысленно написал к ним три возможных ответа.

— Поразительно, что вы до сих пор не поженились.

— Никогда больше так не шути в здании, где работают заклятия на акустику, — выговорила Мира, едва не подавившись кофе.

Лиэль тихо рассмеялась и пошла рядом по коридору. В отличие от предыдущих дней Мира выглядела менее напряжённой: шаг был привычно быстрым, волосы снова торчали в нескольких направлениях, а под мышкой вместо папки лежал толстый планшет.

— Ты ему уже рассказала про меня? — спросила эльфийка, когда они начали подниматься на верхний этаж.

Мира покачала головой и большим пальцем поправила крышку стакана.

— Только то, что у меня есть знакомая с предметом, возможно связанным с Аэлирией, и старой фотографией неизвестного происхождения. Ни о таблетках, ни о памяти, ни о Рейвене я не говорила.

— А про сон? — Лиэль замедлила шаг.

Архивистка остановилась на ступень выше и повернулась к ней.

— Это твоя история, — ответила она, чуть смягчив голос. — Если захочешь рассказать, расскажешь сама.

Такая простая граница между чужим и её собственным после последних дней ощущалась почти роскошью.

— Спасибо, — сказала Лиэль и продолжила подниматься.

Мира ничего не ответила, только слегка коснулась её плеча тыльной стороной пальцев, проходя вперёд.

Комната, куда они вошли, была меньше архивной и больше походила на временный кабинет. У окна стоял стол, заваленный книгами, рядом с ним — переносной сканер, а на подоконнике теснились коробки с карточками. Среди всего этого сидел молодой мужчина со светлыми, почти серебристыми волосами и читал документ, придерживая страницу двумя пальцами. При их появлении он сразу закрыл папку.

Серые с зеленоватым оттенком глаза сначала остановились на Мире, затем спокойно переместились на Лиэль. Вампир выглядел молодым, хотя определить возраст по внешности было практически невозможно; в его лице не было той неподвижной холодности, которую Лиэль привычно связывала со старшими вампирами, скорее сосредоточенность человека, постоянно сравнивающего увиденное с тем, что уже знает.

— Кай, это Лиэль. — Мира поставила кофе на свободный угол стола и сразу добавила: — И прежде чем ты начнёшь задавать двадцать вопросов подряд, она не музейный экспонат.

— Я собирался поздороваться, — ответил Кай, поднимаясь и с явным усилием подавляя улыбку.

— Именно поэтому я решила предупредить заранее.

— Кай Верн, — представился он, обойдя стол и протянув Лиэль руку. — Я занимаюсь поздней историей эльфийских королевств и семейными архивами Аэлирии.

Лиэль пожала руку, отметив прохладу пальцев.

— Лиэль. Я последние несколько дней занимаюсь тем, что неожиданно нахожу Аэлирию во всех вещах, которые раньше считала обычными.

Кай отпустил её руку и чуть склонил голову, будто формулировка действительно заинтересовала.

— Тогда у нас примерно одинаковая проблема, только в обратном порядке. Я много лет нахожу обычные вещи и пытаюсь понять, действительно ли они имеют отношение к Аэлирии.

— Вот поэтому я и решила, что вы сможете хотя бы ненадолго уравновесить друг друга, — сказала Мира, устраиваясь на краю соседнего стола.

— Ты представила меня значительно хуже, пока вела её сюда? — Кай бросил на неё быстрый взгляд.

— Я сохранила тебе пространство для самостоятельной катастрофы.

Лиэль невольно улыбнулась. С первой минуты становилось понятно, что эти двое давно знакомы и раздражают друг друга без настоящей враждебности; Мира позволяла себе перебивать его гораздо свободнее, чем посторонних, а Кай реагировал на её колкости с терпением человека, который слышал их слишком много раз, чтобы обижаться. Он указал на свободный стул.

— Садитесь. Мира прислала мне знак из каталога. Сам кулон я пока не видел.

— Почему? — Лиэль устроилась напротив и поставила сумку возле ног.

Кай вернулся к своему месту и придвинул ближе чистый лист бумаги.

— Хочу сначала осмотреть сам предмет, а потом сравнить с изображением. На снимке легко не заметить важную деталь.

— Вы действительно из одного профессионального питомника, — заметила Лиэль, посмотрев на Миру.

— Именно поэтому он здесь, — довольно отозвалась Мира и сделала глоток кофе.

Эльфийка расстегнула цепочку и сняла кулон. Она не передала украшение сразу, а положила его на чистый лист сама, после чего Кай чуть наклонился над столом. Первые несколько секунд он ничего не говорил.

Взгляд прошёл по форме полумесяца, линиям на лицевой стороне и небольшому утолщению у края. Затем исследователь осторожно указал пальцем на украшение, не касаясь его.

— Можно перевернуть?

Лиэль кивнула.

Кай надел тонкие перчатки, лежавшие возле папки, и только после этого повернул кулон. Когда открылась обратная сторона с почти незаметными линиями, выражение его лица едва уловимо изменилось. Он чуть дольше задержал взгляд на одном месте, после чего выпрямился и снял перчатки.

— Откуда он у вас? — спросил вампир, положив руки на стол.

— Если бы я знала, Мира, вероятно, не позвала бы вас, — ответила Лиэль с невольной усмешкой.

Кай не смутился. Он откинулся на спинку стула и на несколько секунд задумчиво потёр подбородок.

— Справедливо. Тогда другой вопрос: сколько вы его помните?

Фраза задела неожиданно. Девушка провела большим пальцем по краю бумажного стакана.

— Столько, сколько помню свою нынешнюю жизнь в Вельмире. Он всегда был среди моих вещей, и раньше я не считала отсутствие истории проблемой.

Мира, сидевшая сбоку, чуть опустила взгляд, но не вмешалась. Кай заметил паузу и не стал расспрашивать о памяти.

— Я почти уверен, что это знак королевского дома Аэлирии, — сказал он наконец, повернув украшение так, чтобы обе женщины видели обратную сторону. — Не просто общая лунная символика, которую вы нашли в каталоге. Конкретно это сочетание линий встречается на предметах, связанных с домом правителей.

Лиэль почувствовала, как ладонь, лежавшая на колене, напряглась.

— Насколько «связанных»? — спросила она, стараясь, чтобы голос оставался ровным. — Это мог носить любой человек при дворе или только члены семьи?

Кай поднял указательный палец, будто заранее хотел отделить важную границу.

— Вот здесь лучше не торопиться. Такие знаки могли находиться на личных вещах членов семьи, но также на предметах придворных, слуг, посланников и людей, имевших право действовать от имени дома. Сам кулон не доказывает происхождение владельца.

Лиэль почувствовала одновременно облегчение и разочарование, и нелепость второго чувства раздражила. Ей хотелось получить хотя бы один простой ответ.

— Значит, семейная реликвия потомков беженцев всё ещё остаётся нормальной версией, — сказала эльфийка, снова касаясь кулона.

Кай посмотрел на неё внимательнее.

— Вполне. Более того, у меня есть причина не считать такую версию редкой.

Он встал и подошёл к коробке у подоконника. Пока исследователь перебирал папки, Мира наклонилась к Лиэль.

— Пока всё неплохо, — сказала она вполголоса.

— Ты сейчас оцениваешь его как собеседника или мой уровень паники?

— То, что ты ещё не смяла стакан, считаю хорошим признаком, — ответила Мира, глядя на её руки.

Лиэль опустила глаза и обнаружила, что действительно сжимает картон сильнее необходимого. Она разжала пальцы и тихо выдохнула. Кай вернулся с тонкой папкой, перевязанной выцветшей лентой.

— Моя семья жила в Вельмире гораздо дольше, чем я сам, — сказал он, садясь и развязывая узел. — Несколько поколений занимались хранением документов. По семейной версии, один из наших предков служил аэлирийскому двору, а потом оказался среди тех, кто покинул территорию королевства до окончательной катастрофы.

— То есть беженцы действительно были? — Лиэль сразу выпрямилась.

Кай остановил руки над папкой.

— По семейным записям — да. Они сохранились в копиях, сейчас покажу.

Кай чуть улыбнулся и раскрыл папку. Внутри лежали фотографии старых документов, несколько копий и листы с расшифровкой почерка.

— Оригиналы хранятся у семьи, — объяснил он, пододвигая первую копию. — Я не приношу их в библиотеку без необходимости. Здесь в основном хозяйственные записи, переписка и несколько фрагментов придворного реестра.

— Ваш предок был архивистом? — спросила Лиэль, разглядывая плотные строки.

— Скорее чиновником при хозяйственной части двора, насколько можно понять из должности. Достаточно близко к королевскому дому, чтобы получать документы, но недостаточно высоко, чтобы знать мотивы политических решений.

Он говорил спокойно, не пытаясь сделать семейную связь значительнее. Именно это заставляло доверять ему чуть больше. Кай перевернул несколько копий и остановился на одной.

— Вот здесь впервые появляется знак, похожий на ваш кулон.

На документе стояла маленькая печать в углу. Линии действительно повторяли рисунок на серебре, хотя общий символ был сложнее.

— А рядом что написано? — спросила Лиэль, наклоняясь ближе.

Исследователь провёл пальцем под строкой.

— Формула принадлежности документу королевского дома. Ничего личного.

Слова прозвучали сухо, почти учебно, однако пальцы Кая задержались на карандаше дольше обычного. Когда речь заходила о семье, служившей Аэлирии, он словно ещё тщательнее прятался в терминологии, и Лиэль впервые подумала, что его педантичность может быть не только привычкой исследователя, но и способом не позволять наследию говорить вместо него.

— Значит, кулон мог принадлежать кому-то из персонала.

— Мог, — подтвердил Кай, не позволяя её надежде превратиться в вывод. — Но есть ещё одна деталь.

Он достал фотографию небольшой металлической пластины. На ней был изображён тот же полумесяц, только вокруг него проходила тонкая овальная рамка.

— Такие знаки находили на личных предметах внутри дворцового комплекса. К сожалению, большая часть находок прошла через частные коллекции, поэтому происхождение многих вещей восстановить нельзя.

Лиэль перевела взгляд на свой кулон.

— То есть он может быть чем угодно от значка служащего до украшения короля.

Кай слегка улыбнулся.

— Историки редко получают удовольствие от такой формулировки, но примерно так.

Мира поставила пустой стакан на стол.

— Теперь ты понимаешь, почему я позвала именно его. Он способен разрушить надежду на простой ответ значительно профессиональнее меня.

Лиэль тихо рассмеялась, хотя внутри становилось всё тревожнее.

***

Через час они перебрались в читальный зал закрытого фонда, где было больше места для документов.

Кай принёс несколько семейных копий, Мира добавила материалы из библиотеки, а Лиэль постепенно оказалась перед столом, на котором Аэлирия существовала одновременно в двух версиях: официальной и частной. Различия появились почти сразу.

В библиотечной хронике говорилось, что эвакуация могла начаться лишь после первых признаков катастрофы. В семейной записи предка Кая упоминался приказ вывезти часть архивов и детей придворных служащих за несколько дней до ночи исчезновения.

Лиэль перечитала дату дважды.

— Подождите, — сказала она, придерживая документ ладонью. — Если этот приказ настоящий, кто-то заранее ожидал проблем.

Кай сидел напротив и медленно вращал карандаш между пальцами.

— Именно поэтому я отношусь осторожно к поздним хроникам, где всё выглядит как внезапное бедствие. Семейный документ предполагает, что по крайней мере часть двора готовилась к чему-то заранее.

Мира придвинула к себе копию.

— Но мы не знаем, готовились ли они именно к катастрофе. Это мог быть политический конфликт, угроза нападения или даже обычный перенос архива.

— Согласен, — кивнул Кай. — Однако дата остаётся неудобной.

Лиэль провела ногтем возле края бумаги, стараясь не касаться текста.

— Рейвен говорил, что в ту ночь происходило слишком много всего одновременно и он не может описать каждый момент, — сказала она медленно. — Он не утверждал, что никто ничего не знал заранее.

— Рейвен? — переспросил Кай с заметным интересом.

Мира сразу подняла голову.

— Не сейчас, — произнесла она прежде, чем исследователь успел продолжить, и тон был достаточно спокойным, но не оставлял сомнений в границе.

Кай посмотрел на неё, затем на Лиэль и без возражений вернулся к документу.

— Хорошо. Тогда только о бумагах.

Лиэль благодарно кивнула: расспрашивать её он не стал.

— Но вы считаете, что официальная версия не полная? — спросила она, складывая руки на столе.

Кай подался чуть ближе.

— Скорее она не охватывает всего. У нас есть несколько групп источников, и каждая отражает то, что видел конкретный человек. Поздние хронисты говорят о внезапном исчезновении, семейные документы показывают подготовительные меры, а несколько внешних свидетельств описывают лунное явление ещё до окончательной потери связи.

Мира взяла одну из распечаток и положила рядом с семейной записью.

— Вот это меня тоже заинтересовало. Здесь наблюдатель из соседнего города пишет о необычном оттенке луны за два вечера до катастрофы.

Лиэль почувствовала, как неприятный холод проходит по спине. Во сне розоватый свет существовал уже внутри дворца.

— Значит, розовая луна появилась не внезапно в последнюю ночь?

Кай покачал головой.

— По крайней мере один источник говорит иначе. Правда, он записан позже со слов очевидца, поэтому абсолютной точностью я бы это не считал.

Лиэль опустила глаза к бумагам. Ей хотелось спросить Рейвена прямо сейчас, видел ли он луну до той ночи, знал ли кто-то о приближении катастрофы и почему он до сих пор говорил о прошлом только через отношения между ними, почти не касаясь самого королевства. Вместо этого она достала телефон и сделала заметку.

Кай наблюдал за движением, но не спрашивал, что именно она записывает.

— Вы всегда так работаете? — спросила Лиэль, убирая телефон. — Ищете, где документы спорят друг с другом?

Исследователь слегка пожал плечами.

— Там обычно и находится самое интересное. Если десять источников повторяют одну фразу одинаковыми словами, иногда это означает не десять подтверждений, а девять переписанных копий первого.

— Вот за это я его и терплю, — сказала Мира с лёгкой улыбкой.

— Я думал, за доступ к семейным документам, — отозвался Кай, посмотрев на неё.

— Это второе.

Лиэль наблюдала за ними и впервые за последние дни почувствовала почти нормальное удовольствие от расследования. Кай не говорил с ней как человек, знающий её прежнюю жизнь, не смотрел с жалостью и не пытался решить, что ей можно выдержать. Для него она оставалась женщиной с необычным кулоном и фотографией, а не чьим-то потерянным прошлым. Именно поэтому следующий вопрос прозвучал особенно легко.

— Вы можете показать мне всё, что у вас есть про королевскую семью?

Карандаш в руке Кая остановился. Мира посмотрела на неё чуть внимательнее, но не вмешалась.

— Могу показать то, что сохранилось, — ответил вампир, положив карандаш рядом. — Только сразу предупрежу: это одна из самых повреждённых частей.

— Почему?

— Я не знаю.

Он сказал это без загадочности, и Лиэль почти удивилась, насколько приятно слышать обычное незнание. Кай поднялся и направился к другой коробке. Пока он искал папку, Мира подалась ближе.

— Ты уверена? — спросила она негромко, проводя пальцем по краю собственного блокнота.

— Что хочу увидеть? — уточнила Лиэль, посмотрев на неё.

— Что хочешь продолжать сегодня. Ты ещё не успела отойти от того сна.

Вопрос был не попыткой остановить её, а настоящей проверкой. Девушка на несколько секунд задумалась. Лицо женщины в белом всё ещё всплывало слишком легко.

— Если я уйду сейчас, буду весь вечер представлять, что лежит в этой коробке, — ответила она наконец. — Это вряд ли спокойнее.

— Тогда хорошо, — согласилась Мира, ещё секунду изучая её лицо.

Кай вернулся с тонкой папкой и, прежде чем сесть, посмотрел на обеих.

— Если я прервал что-то важное, могу сделать вид, что очень долго искал.

— Ты уже вернулся, — сухо заметила Мира. — Поздно развивать социальную чуткость.

Исследователь усмехнулся и положил папку на стол.

Внутри было значительно меньше материалов, чем ожидала Лиэль. Несколько генеалогических схем, копии официальных записей и фрагменты писем, где имена были либо повреждены, либо заменены титулами. Кай развернул одну из схем.

— Это поздняя реконструкция, поэтому относиться к ней нужно осторожно. Она составлена по нескольким дворцовым реестрам, часть которых не сохранилась.

Лиэль проследила линии от королевской четы вниз. Ниже отходили две ветви. Большая часть имён была затёрта серыми пятнами, знакомыми по предыдущим документам.

— Две дочери, — сказала она, ещё не осознавая, почему от этого простого факта снова стало трудно дышать.

Кай кивнул и указал на пояснение сбоку.

— Старшая обозначена как наследница, младшая — как второй ребёнок правящей пары. Полные имена в этой копии отсутствуют.

Лиэль смотрела на две линии, а перед глазами неожиданно возникла женщина в белом платье: тёмные волосы, ладони на её щеках. Она заставила себя отвести взгляд.

— Есть портреты?

Кай медленно покачал головой.

— Надёжных нет. Есть несколько изображений, которые частные коллекционеры приписывают семье, но происхождение сомнительное, а лица на них либо повреждены, либо изображены условно.

Мира заметила напряжение и молча придвинула к Лиэль стакан воды. Девушка взяла его обеими руками.

— А возраст?

Кай нашёл небольшую пометку на полях.

— Точные даты рождения тоже повреждены. Из относительных записей следует только, что между ними было несколько лет.

— Почему именно эта часть документов так плохо сохранилась? — спросила Лиэль, сделав глоток.

Исследователь провёл пальцами по подбородку и посмотрел на схему.

— Если бы я знал, написал бы диссертацию намного быстрее. Повреждения повторяются слишком системно вокруг имён и некоторых личных данных королевской семьи, но я не могу доказать, что это результат магии, а не поздней цензуры или плохого копирования.

— То есть кто-то мог намеренно убрать имена.

— Мог. — Кай поднял глаза. — Но утверждать это как факт я бы не стал.

Лиэль хотела спросить ещё что-то, но Кай уже перевернул следующий лист.

В отличие от генеалогической схемы, это была копия старого письма. Почерк оказался намного свободнее официального, а по краям сохранились пометки другого человека.

— Это откуда? — спросила Лиэль, придвигаясь ближе.

— Семейный архив. Автор неизвестен, адресат, вероятно, один из чиновников, работавших с моим предком, — объяснил Кай, придерживая лист двумя пальцами. — Документ датируется примерно последними неделями существования Аэлирии.

— Ты мне его раньше не показывал, — заметила Мира, тоже наклонившись над столом.

— Потому что только вчера, когда ты прислала знак из каталога, решил проверить эту папку.

Он провёл карандашом под несколькими строками.

Лиэль прочитала фрагмент сама.

В письме упоминалось, что часть служащих должна подготовить выезд семей и не задавать вопросов о распоряжениях «верхнего дома». Ниже стояла фраза о том, что обе дочери остаются внутри дворцового комплекса.

Лиэль почувствовала, как стакан в её руках снова стал слишком холодным.

— Обе оставались там? — спросила она, переводя взгляд на Кая.

Он чуть нахмурился.

— Если этот фрагмент правильно датирован и если под «дочерьми» действительно подразумеваются дочери правящей пары. Контекст сильно повреждён.

— Но старшая была наследницей. Почему её не эвакуировали?

Кай чуть развёл руками.

— Возможно, именно поэтому и не эвакуировали. Наследник мог иметь обязанности во время кризиса. Что касается младшей, здесь вообще недостаточно данных.

Женщина в белом снова возникла перед внутренним взглядом, но Лиэль не позволила себе связать два образа. Пока это было только сходство времени и собственная тревога. Она поставила воду на стол.

— Есть что-нибудь о том, что случилось с ними после катастрофы?

Кай некоторое время молчал, листая несколько страниц.

— Нет надёжного продолжения. В поздних списках обе линии обрываются.

— Это не означает, что они погибли, — тихо сказала Мира.

— Не означает, — подтвердил историк. — Только то, что дальнейшая судьба не зафиксирована в доступных источниках.

Лиэль почувствовала неприятное облегчение от того, что Кай сформулировал именно так. Она сама не понимала, почему судьба двух неизвестных принцесс вдруг стала настолько важной.

***

К середине дня Кай предложил сделать перерыв, и они перебрались в маленькое библиотечное кафе.

Мира ушла на несколько минут разбираться с запросом на очередную папку, оставив их вдвоём. Лиэль ожидала, что без архивистки разговор станет неловким, однако Кай лишь взял чай и сел напротив, оставив между ними достаточно расстояния. Он не спрашивал ни о памяти, ни о Рейвене. Некоторое время они просто смотрели на дождь за окном.

— Мира сказала, что моя заинтересованность может выглядеть подозрительно, — произнёс Кай наконец, медленно снимая бумажную обёртку с пакетика сахара.

— Она предупреждает всех людей обо всех людях или только меня? — спросила Лиэль, приподняв брови.

Исследователь слегка улыбнулся.

— Думаю, это её способ заботиться. Она много лет подозревает меня в желании превратить любую семейную тайну в научную статью.

— А это неправда?

Кай высыпал половину сахара в чай и задумчиво размешал.

— Частично правда. Если вы действительно найдёте неизвестный источник по Аэлирии, я захочу его изучить. В детстве я ненавидел семейные коробки с аэлирийскими бумагами: они занимали дома больше места, чем мои собственные вещи, а взрослые говорили о них так, будто прошлое важнее всего, что происходит сейчас. Потом я понял, что эти бумаги — единственное место, где люди, которых я никогда не видел, всё ещё могут хоть на что-то ответить. Поэтому да: неизвестный источник мне будет интересен и как исследователю, и не только как исследователю.

Он положил ложку на блюдце и посмотрел на неё прямо.

— Но я не собираюсь публиковать вас.

Фраза прозвучала настолько просто, что Лиэль чуть расслабилась.

— Хорошо сформулировано.

— Мира сформулировала хуже. Она сказала, что если я начну воспринимать вас как археологическую находку, то сама закопает меня обратно.

— Теперь верю, что вы давно знакомы, — рассмеялась Лиэль, прикрывая улыбку чашкой.

— Можно задать один вопрос? — Кай тоже улыбнулся, а затем чуть посерьёзнел. — Вы можете не отвечать.

— Уже звучит подозрительно, но попробуйте.

Он несколько секунд подбирал слова, поглаживая большим пальцем край чашки.

— Вы ищете происхождение кулона потому, что хотите узнать семейную историю, или потому, что думаете, что связаны с Аэлирией лично?

Лиэль посмотрела в окно. За стеклом люди спешили под зонтами, и никто из них не выглядел так, будто ему приходится выяснять, существовало ли его детство в исчезнувшем королевстве.

— Я не знаю, — призналась она после паузы. — Ещё вчера мне очень нравилась версия о семье беженцев.

— А сегодня?

Пальцы прошлись по тёплой поверхности чашки.

— Сегодня я увидела документ о двух дочерях и почему-то почувствовала себя так, словно должна была знать о них раньше.

Кай не придвинулся ближе и не попытался превратить признание в сенсацию. Он лишь немного наклонил голову.

— Чувство узнавания?

— Скорее тревога, — объяснила Лиэль.

— Понимаю.

Ответ прозвучал без снисхождения. Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы совсем не собираетесь сказать что-нибудь вроде «доверьтесь интуиции»?

Кай чуть усмехнулся.

— Я историк. Если доверюсь каждой интуиции, половина древних королей окажется вампирами, а вторая половина — результатом плохого перевода.

— Кажется, я начинаю понимать, почему Мира вас терпит, — сказала Лиэль, тихо рассмеявшись.

— Не говорите ей. Она повысит цену доступа к архиву.

Мира вернулась как раз в этот момент, поставила на стол новую папку и подозрительно посмотрела на обоих.

— Почему вы выглядите так, будто успели обсудить меня?

— Профессиональная паранойя, — невозмутимо ответил Кай и сделал глоток чая.

— Вот поэтому я тебя и не люблю, — сказала Мира, садясь рядом с Лиэль и пододвигая папку к Каю.

— Ты говорила иначе, когда просила семейные копии.

— Я умею разделять личное и полезное.

Лиэль наблюдала за ними с улыбкой, и на несколько минут тяжесть последних часов действительно отступила.

***

Рейвена она увидела вечером. После библиотеки хотелось пройтись пешком, несмотря на дождь. Лиэль написала Норе, что идёт домой, и выбрала большую улицу к Старому кварталу, где ещё работали магазины и под навесами толпились люди. В переулки она больше не сворачивала. Мира осталась на работе, Кай ушёл в университетский архив, а сама она пыталась привести в порядок слишком большое количество новой информации. Две дочери королев-

ского дома, эвакуация до катастрофы, повреждённые имена — всё это пока не складывалось в цельную картину.

Ни один факт не связывал всё это непосредственно с ней, и всё же именно теперь версия о далёких предках начала казаться менее успокаивающей. Рейвен стоял возле закрытого книжного магазина под старым каменным навесом. На этот раз Лиэль заметила его раньше, чем успела ощутить знакомое внутреннее напряжение. Он тоже увидел её и почти сразу отошёл от стены.

— Ты меня ищешь? — спросила девушка, подходя ближе и поправляя капюшон.

— Шёл в библиотеку, — ответил он со слабой улыбкой. — Думал, ты ещё там.

— Почти угадал.

— Что-нибудь нашла? — Рейвен бросил взгляд на папку, которую она держала под пальто, защищая от дождя.

Лиэль остановилась под навесом рядом, оставив между ними небольшое расстояние.

— Мира познакомила меня с исследователем Аэлирии.

Изменение было очень небольшим, но она уже научилась замечать подобные вещи. Мужчина перестал поправлять манжет и чуть медленнее поднял взгляд.

— С кем?

— Его зовут Кай Верн.

Рейвен несколько секунд молчал. Лиэль наблюдала, как большой палец коснулся боковой стороны указательного пальца и почти сразу остановился.

— Ты его знаешь, — произнесла она, чувствуя усталое раздражение от предсказуемости ситуации.

— Знаю фамилию, — ответил Рейвен и посмотрел на улицу, где дождь дробился в свете фонарей. — Их семья хранила документы.

— И служила королевскому дому Аэлирии.

— Он рассказал это сам? — Мужчина снова повернулся к ней.

— Да, без пыток, загадочных пауз и необходимости угадывать ответ по движению большого пальца. — Лиэль сложила руки на груди. — Это было освежающе.

Рейвен принял укол без возражения. Только уголок рта чуть дёрнулся, а затем взгляд снова остановился на папке.

— Что он тебе показал?

— Почему тебя это так беспокоит?

Рейвен не ответил сразу. Он провёл ладонью по затылку, посмотрел на мокрую улицу и только потом снова встретил её взгляд.

— Потому что семейные архивы Вернов пережили Аэлирию лучше большинства официальных документов.

Лиэль почувствовала, как интерес мгновенно вытесняет раздражение.

— Значит, ты знал об этих архивах.

— Знал, что они существовали.

— И не сказал мне.

Рейвен опустил голову. Лиэль не стала ждать очередного объяснения.

— Кай сказал, что кулон связан с королевским домом, — произнесла она, наблюдая за его лицом.

Рейвен не выглядел удивлённым. Именно это оказалось самым красноречивым.

— Ты и это знал, — сказала девушка, уже не спрашивая.

— Да, — ответил он, медленно выдохнув.

Лиэль почувствовала, как внутри снова поднимается злость.

— И когда ты собирался рассказать?

— Когда смог бы рассказать вместе с тем, что этот знак означал именно для тебя, а не только для людей, носивших его вообще.

— Значит, ты знаешь, что он означал для меня. — Лиэль напряглась.

Рейвен замолчал, и на несколько секунд его взгляд стал тяжёлым.

— Знаю часть.

— Какую?

— Не здесь и не сейчас, — ответил он, покачав головой.

Лиэль закрыла глаза и тихо выдохнула, после чего прижала пальцы к переносице.

— Кай показал документы о двух дочерях королевской семьи, — продолжила девушка, прежде чем он успел сменить тему. — И запись о том, что незадолго до катастрофы обе оставались во дворце, хотя часть людей уже вывозили.

На этот раз реакцию скрыть не удалось. Рейвен отвёл взгляд слишком резко, а пальцы сжались на краю манжета. Лиэль почувствовала, как всё внутри становится холоднее.

— Вот этого ты не хотел, чтобы я нашла.

Он молчал достаточно долго, чтобы Лиэль окончательно насторожилась.

— Не сам документ, — произнёс мужчина наконец, продолжая смотреть на улицу. — Я не хочу, чтобы чужая запись стала для тебя готовым объяснением того, кем ты была и что произошло.

— Ты считаешь Кая опасным?

— Нет. Он хорошо ищет, — сказал Рейвен. — Иногда слишком хорошо.

— И что именно он может найти такого, чего я не должна увидеть?

Рейвен опустил взгляд.

Дождь за пределами навеса стал сильнее, заставляя прохожих ускоряться. Где-то неподалёку звякнул трамвай, и мокрый воздух на секунду наполнился запахом металла.

— Когда-то ты просила спрятать от себя определённые вещи, — сказал он наконец. — Кай не знает об этой просьбе. Для него любой документ — просто источник, который нужно открыть.

Лиэль почувствовала, как пальцы сами сильнее прижимают папку к груди.

— А для тебя каждый документ — потенциальная вещь, которую нужно от меня закрыть?

— Раньше, возможно, так и было, — признал Рейвен, посмотрев ей в лицо.

Ответ оказался неожиданно прямым. Она чуть ослабила хватку.

— А теперь?

Он провёл большим пальцем по костяшке, заметил собственный жест и опустил руку.

— Теперь пытаюсь понять, где заканчивается обещание той Лиэль и начинается право нынешней решить иначе.

Несколько секунд она не знала, что сказать.

— Я хочу увидеть документы, — сказала Лиэль тихо. — Даже если когда-то сама попросила их спрятать.

— Тогда смотри, — сказал Рейвен, кивнув после короткой паузы.

— И ты не будешь пытаться остановить?

— Я могу просить тебя быть осторожнее, но останавливать не буду.

Девушка изучала его лицо, пытаясь понять, насколько обещанию можно доверять.

— Кай сказал, что официальные хроники и семейные документы описывают последние дни по-разному. Кто-то начал вывозить людей заранее.

— Да, — ответил Рейвен, слегка сжав губы.

— Ты знал?

— Знал, что часть людей вывели раньше.

Ответив, Рейвен отвернулся к витрине закрытого магазина. По стеклу ползли тонкие дорожки дождя, дробя его отражение.

— Почему?

Он посмотрел на дождь.

— Причины были разные.

Лиэль почувствовала, как раздражение снова поднимается, но мужчина продолжил раньше, чем она успела перебить.

— И я не знаю всех из них, — добавил он. — Двор тогда не был единым. Одни боялись магии, другие политического кризиса, третьи пытались сохранить архивы.

Такой ответ впервые звучал не как сокрытие, а как предупреждение о сложности.

— Вот так ты мог говорить с самого начала, — заметила Лиэль, чуть ослабляя плечи.

— Я начинаю подозревать, что мне всё-таки нужен учебник общения, — произнёс Рейвен с тихой усмешкой.

— Я составлю.

— Этого я и боюсь.

Несмотря на разговор, она улыбнулась. Рейвен тоже, но его взгляд почти сразу снова вернулся к папке.

— Что ещё нашёл Кай?

Лиэль задумалась, стоит ли рассказывать, но потом вспомнила собственное раздражение от чужого права решать, что кому знать, и открыла папку ровно настолько, чтобы достать копию генеалогического фрагмента.

— Две дочери, — сказала она, показывая повреждённую схему. — Старшая наследница, младшая вторая дочь. Имена почти полностью потеряны.

Рейвен посмотрел на документ. Лицо осталось спокойным, но Лиэль увидела, как дыхание стало чуть глубже.

— Ты знаешь их имена, — произнесла она.

— Да, — ответил он, подняв взгляд.

Сердце ударило сильнее.

— Женщина в белом была одной из них?

На этот раз вопрос действительно застал его врасплох. Рейвен несколько секунд смотрел на неё, после чего медленно перевёл взгляд на схему.

— Я не отвечу сейчас.

Лиэль почувствовала вспышку злости, но он поднял ладонь прежде, чем она успела заговорить.

— Ты вчера впервые увидела её во сне. Я всё ещё боюсь подсказать тебе то, что ты потом примешь за собственное воспоминание.

— Я понимаю твою логику. — Девушка закрыла папку и прижала её к себе. — Мне всё равно она не нравится.

— Это справедливо.

Они несколько секунд стояли под навесом в тишине. Лиэль уже собиралась уходить, когда вспомнила последний лист, который Кай положил в папку перед расставанием.

— Там есть ещё кое-что, — сказала она, снова открывая документы.

Рейвен насторожился.

Из папки появилась копия повреждённой записи, которую Кай нашёл в конце встречи. Большая часть текста была почти нечитаемой, но одна строка сохранилась достаточно хорошо.

Лиэль провела пальцем под словами.

— Кай сказал, что это поздняя копия придворных документов. Здесь правящую линию называют «домом луны», а ниже есть фраза, которую он пока не смог привязать к конкретному источнику.

Рейвен посмотрел туда, куда она указывала. На лице исчезли последние следы улыбки.

Строка гласила:

«…и после них оставались две последние дочери луны…»

Дальше бумага была повреждена.

Ниже угадывались два имени, однако первое почти полностью исчезло, а от второго сохранились лишь несколько нечитаемых штрихов. Лиэль наблюдала за Рейвеном, а не за документом. Он знал, что там было написано.

В этом она почти не сомневалась. Мужчина медленно поднял глаза.

— Не позволяй Каю угадывать имена по повреждённым буквам, — сказал он тихо.

— Почему?

Рейвен провёл пальцами по мокрым волосам и на несколько секунд прикрыл глаза.

— Потому что в этот раз ошибка будет хуже неизвестности.

— Тогда назови их сам, — сказала Лиэль, не отрывая от него взгляда. — Ты знаешь правильные имена, но оставляешь мне только возможность ошибиться.

Рейвен открыл рот, словно собирался ответить, и замолчал. На этот раз она не стала заполнять паузу новым вопросом. Подождала, затем опустила глаза к двум повреждённым строкам.

Впервые простое отсутствие имён казалось не пустотой архива, а чем-то намеренно оставленным за закрытой дверью. И теперь она знала, что по другую сторону этой двери Рейвен уже видел то, чего она пока не могла прочитать.

Глава 10. Человек, которого я убила

После разговора о двух дочерях королевского дома Лиэль не ушла сразу, хотя дождь уже добирался под навес и холодными каплями оседал на рукавах. Рейвен всё ещё смотрел на копию повреждённого документа, которую она держала в папке, и его молчание раздражало сильнее любой осторожной формулировки. За последние дни девушка слишком хорошо научилась замечать тот момент, когда он переставал просто думать и начинал сознательно решать, какую часть ответа оставить при себе.

Она закрыла папку и прижала её к груди, защищая бумагу от влаги.

— Ты знаешь имена этих девушек, — сказала Лиэль, не отводя взгляда. — Знаешь женщину, которую я видела во сне, знаешь про кулон, Аэлирию и, судя по твоему лицу, половину того, что Кай только начал искать. При этом я узнаю всё это от кого угодно, кроме тебя.

Рейвен провёл ладонью по затылку и ненадолго посмотрел на улицу. Влажные волосы тут же снова упали на лоб, но он не стал их поправлять, словно слишком устал следить даже за привычными движениями.

— Ты права, — произнёс он наконец. — Но разговор, который ты хочешь сейчас начать, не закончится за несколько минут.

— Я не просила закончить его быстро. — Девушка чуть сдвинула брови и сильнее сжала край папки. — Я прошу хотя бы однажды не заканчивать его ровно там, где становится неудобно тебе.

Он посмотрел на неё внимательнее. В выражении не было привычной защиты, скорее усталое понимание того, что прежняя тактика больше не работает.

— Тогда пойдём отсюда, — предложил мужчина, слегка кивнув в сторону улицы. — Ты уже промокла, а мне хотелось бы хотя бы не добавлять к этому простуду.

— Эльфы не разваливаются от дождя, — едва заметно усмехнулась Лиэль.

— Зато под крышей тебе будет легче держать папку сухой.

Лиэль посмотрела на потемневший от влаги край папки. Спорить с этим было трудно, но уступать ему сразу всё равно не хотелось.

— Хорошо, — согласилась девушка после короткой паузы. — Но только потому, что я хочу говорить, а не потому, что ты снова решил, где мне безопаснее.

— Договорились, — ответил Рейвен, чуть опустив голову.

Они прошли несколько кварталов до старой крытой галереи между купеческими домами. Под каменными арками ещё работала маленькая кофейня, рядом темнели витрины закрытой мастерской часовщика и антикварной лавки, а в глубине стояла длинная деревянная скамья, защищённая от ветра и дождя. Здесь было достаточно тихо для разговора, но не настолько уединённо, чтобы Лиэль чувствовала себя запертой рядом с человеком, которого одновременно хотела понять и всё меньше знала, можно ли ему доверять. Рейвен остановился возле кофейни и указал на стеклянную дверь.

— Возьмёшь что-нибудь?

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь мне напиток перед разговором, в котором, скорее всего, опять разрушишь какую-нибудь часть моей биографии? — Лиэль посмотрела на него с лёгким недоверием.

На его лице мелькнула слабая, почти виноватая улыбка.

— Я пытаюсь освоить твою концепцию нормального человеческого общения.

— Тогда тебе ещё понадобится телефон.

Он тихо выдохнул через нос, словно эта шутка уже успела стать заслуженной.

— Чай?

— Чай, — согласилась девушка, немного подумав. — Кофе сегодня только ухудшит ситуацию.

Рейвен ушёл к стойке, а она осталась под аркой, наблюдая за ним через стекло. Он расплатился, подождал заказ, придержал дверь пожилой женщине с мокрым зонтом и вернулся с двумя бумажными стаканами. Именно такие мелочи всё время мешали воспринимать его как человека, который каким-то образом связан с катастрофой четырёхсотлетней давности. В них не было ничего мистического: только привычки, внимательность и почти раздражающая способность выглядеть настоящим.

Они сели на противоположные края скамьи. Рейвен поставил свой стакан рядом, даже не сделав глотка, и Лиэль сразу заметила это, но решила пока ничего не говорить. Она обхватила ладонями тёплый стакан и несколько секунд смотрела на дождь за аркой, собирая мысли.

— Кай показал мне документы, которые не совпадают с тем, как всё звучит из твоих слов, — начала девушка, повернувшись к Рейвену. — В архивах есть признаки того, что кто-то готовился к проблемам заранее. Людей выводили из Аэлирии ещё до последней ночи, а часть двора уже знала, что ситуация опасна. Ты всё время говоришь о катастрофе так, будто всё решилось в один момент.

Рейвен не стал отвечать сразу. Он провёл большим пальцем по бумажному краю стакана и только потом поднял глаза.

— Я говорил о моменте, который изменил всё для нас, — пояснил он. — Это не значит, что до него ничего не происходило.

— Тогда почему ты не сказал об этом раньше?

— Потому что каждый раз пытался выбрать часть, которую можно объяснить без десяти других, — ответил он после паузы.

— И в итоге получилось, что я должна собирать десять других сама, — усмехнулась Лиэль без веселья.

— Да, — согласился он.

— Перестань всё время соглашаться со мной, когда я злюсь. — Девушка раздражённо повела плечом. — Это ужасно неудобно.

— Я пытаюсь не защищаться автоматически. — Уголок его рта чуть дрогнул.

— У тебя получается раздражающе взросло.

На несколько секунд напряжение ослабло, но затем Лиэль снова вспомнила папку на коленях и две повреждённые линии генеалогической схемы. Она положила чай рядом и выпрямилась.

— Женщина в белом была одной из двух дочерей королевской семьи?

Рейвен посмотрел на неё так внимательно, что даже слабая улыбка исчезла. Пальцы медленно легли на край скамьи.

— Да.

Одно слово прозвучало спокойно, но внутри у Лиэль сразу всё сжалось.

— Старшая или младшая?

Рейвен отвёл взгляд к дождю и провёл большим пальцем по боковой стороне указательного пальца.

— Вот опять, — сказала она тише. — Ты начинаешь скрывать что-то ровно в тот момент, когда рука делает это движение.

Он посмотрел на собственные пальцы, словно лишь сейчас осознал жест, и медленно разжал ладонь.

— Иногда мне кажется, что ты помнишь меня лучше, чем думаешь.

— Это не утешает.

— Я знаю, — ответил Рейвен, поворачиваясь к ней.

Лиэль выдержала его взгляд и неожиданно поняла, что больше не хочет идти по кругу вокруг неизвестной женщины. Она слишком долго спрашивала о других, потому что вопрос о них самих казался опаснее. Теперь опасность уже ничего не меняла.

— Тогда расскажи мне не о ней, — произнесла девушка, слегка подавшись вперёд. — Расскажи о нас.

Рейвен замер. На его лице впервые появилось не привычное напряжение, а настоящее удивление.

— О нас?

— Ты сказал, что мы были близки, но до сих пор не объяснил, что именно это значит. Я знаю твои движения, раздражаюсь на то, что ты не пьёшь кофе, хотя не помню почему, и чувствую рядом с тобой вещи, которые совершенно не соответствуют тому, сколько мы знакомы сейчас. Мне надоело делать вид, что это можно оставить без названия.

— Что ты хочешь узнать? — Мужчина медленно переставил стакан на каменный бортик рядом со скамьёй.

— Не заставляй меня формулировать очевидное только потому, что тебе трудно ответить, — нахмурилась Лиэль.

Рейвен отвёл взгляд.

Она подождала несколько секунд и всё-таки произнесла:

— Я тебя любила?

После этих слов он перестал двигаться настолько заметно, что девушка сама почувствовала неловкость от собственной прямоты. Дождь за аркой шумел ровно, в кофейне позади кто-то смеялся, чашки звякали о стойку, и обычность окружающего пространства делала вопрос ещё более интимным. Рейвен поднял глаза.

— Да, — ответил он тихо. — Любила.

Лиэль не сразу смогла вдохнуть нормально.

Он не отвёл взгляд и добавил:

— И я любил тебя.

Девушка почувствовала странное, почти болезненное желание придвинуться ближе, коснуться его рукава и проверить, действительно ли тело отреагирует так же спокойно, как во сне на прикосновение женщины в белом. Она не сделала этого, только снова взяла стакан, чтобы занять руки.

— Мы были вместе? — спросила Лиэль, медленно проводя большим пальцем по крышке.

— Были, — ответил Рейвен.

— Долго?

— Достаточно долго, чтобы ты успела несколько раз решить, что это ошибка, — ответил он со слабой усмешкой.

— И почему я не удивлена? — Девушка приподняла брови.

В его взгляде впервые появилось настоящее тепло.

— Ты очень долго мне не доверяла. Потом начала доверять слишком сильно, потом снова решила, что это плохая идея, а через какое-то время мы оба перестали пытаться придумать для этого удобное название.

Лиэль почувствовала, как уголки губ сами слегка поднимаются.

— Это звучит подозрительно похоже на меня.

— Потому что это была ты.

Фраза не принесла прежнего раздражения. Наоборот, впервые неизвестная версия самой себя показалась не чужой фигурой из легенды, а живой женщиной, которая могла спорить, передумывать и раздражаться на человека напротив. Но именно поэтому следующий вопрос стал ещё страшнее.

— Если я тебя любила, зачем потом попросила забыть ту часть жизни, где был ты?

Тёплое выражение сразу исчезло. Рейвен провёл пальцами по волосам и некоторое время смотрел на каменный пол между ними.

— Потому что память обо мне была связана с тем, чего ты не могла себе простить.

Лиэль почувствовала, как пальцы на стакане напряглись.

— Что я сделала?

Он вдохнул медленно и глубоко, после чего снова посмотрел на неё.

— В последнюю ночь Аэлирии был ритуал. Не один человек, не одно заклинание и не одно решение. Всё началось гораздо раньше, чем тот момент, который ты видела во сне.

Девушка не перебивала. Она лишь поставила чай рядом, чтобы дрожь в руках не стала заметнее.

— Ты участвовал?

— Да. — Рейвен положил ладони на колени, словно сознательно хотел удержать их неподвижными. — Я оказался связан с центральной частью ритуала.

Лиэль уже знала эту разновидность неподвижности: так он сдерживал привычный жест, когда разговор становился болезненным.

— Почему?

— Потому что согласился, — ответил мужчина.

— Добровольно? — Лиэль всмотрелась в его лицо.

— В тот момент я считал, что да.

Ответ прозвучал странно, но не как попытка уйти. Девушка подалась чуть ближе.

— А я?

— Ты пыталась остановить то, что происходило.

— Вместе с тобой?

— Сначала, — подтвердил Рейвен.

— А потом?

Он провёл языком по пересохшей нижней губе и медленно выдохнул.

— Потом наши решения перестали совпадать.

— Из-за чего?

— Из-за цены, которую пришлось бы заплатить.

— Кто должен был её заплатить?

Рейвен некоторое время смотрел на неё, и в его лице возникло то самое выражение, которое девушка уже знала: не просто страх сказать лишнее, а настоящая внутренняя борьба.

— Слишком многие, — ответил он наконец.

Лиэль раздражённо провела ладонью по волосам.

— Рейвен, я не спрашиваю тебя сейчас про устройство ритуала. Я хочу понять простую вещь: если мы любили друг друга и пытались остановить катастрофу вместе, почему после этого я захотела стереть тебя из памяти?

Мужчина опустил взгляд. Пальцы несколько раз сжались на ткани брюк, после чего он заставил себя разжать их.

— Потому что после той ночи ты не могла смотреть на меня без того, чтобы вспоминать собственный выбор.

Слова вызвали холод под кожей. Лиэль медленно выпрямилась.

— Какой выбор?

Рейвен прикрыл глаза на секунду.

— Лиэль, я не хочу, чтобы то, что скажу дальше, прозвучало как обвинение.

— Тогда не обвиняй, — ответила девушка, чувствуя, как голос становится тише и жёстче. — Просто расскажи.

Он провёл ладонью по лицу.

— Между нами существовала связь. Магическая, но не только. В какой-то момент ты сама её разорвала.

Лиэль несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять смысл фразы.

— Зачем? — спросила Лиэль.

— Я пытаюсь не вырвать причину из контекста.

Девушка резко поднялась со скамьи. Рейвен встал следом, но не приблизился.

— А я пытаюсь понять собственную жизнь! — Лиэль повысила голос и тут же заметила, как бариста за стеклом на секунду посмотрел в их сторону. Она заставила себя говорить тише, но злость уже не исчезла. — Ты говоришь, что я сама попросила забыть. Говоришь, что я разорвала связь между нами. Говоришь, что после этого не могла на тебя смотреть. Что ещё должно произойти, чтобы ты наконец перестал решать, какой кусок мне можно знать?

Рейвен опустил голову и несколько секунд молчал. Девушка подошла ближе, не позволяя расстоянию снова превратить разговор в безопасную паузу.

— Ты боишься не Кая и не архивов, — произнесла она. — Ты боишься, что я доберусь до какого-то конкретного момента и после него снова перестану тебе доверять.

Мужчина медленно поднял глаза.

— Да.

Прямота заставила Лиэль остановиться.

— Какого момента?

Рейвен ничего не сказал, однако лицо изменилось настолько заметно, что ответ уже существовал где-то рядом.

Девушка вспомнила его слова о том, что когда-то приняла боль за доказательство случившегося, вспомнила разговор возле кафе и собственный сон, где женщина в белом исчезала за вспышкой света. Затем вспомнилась фраза о разрыве связи. Она почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

— Что произошло с тобой после того, как я разорвала эту связь? — спросила Лиэль, уже не отводя взгляда. — Ты исчез?

Рейвен едва заметно напряг плечи.

— Да.

— Ты был ранен?

Он замолчал на секунду.

— Да.

Лиэль сглотнула.

— Я решила, что ты погиб?

Мужчина посмотрел на неё так, будто именно этого вопроса ждал и боялся одновременно.

— Мы оба тогда так думали.

Девушка почувствовала, как пальцы холодеют.

— Что это значит?

Рейвен посмотрел на её руки. Молчание затянулось, а когда он заговорил, в голосе появилась горечь, которой Лиэль ещё не слышала.

— Ты убила меня, — сказал он тихо, почти без голоса.

Время не остановилось.

Дождь продолжал падать за аркой, внутри кофейни шумела кофемашина, кто-то прошёл по галерее с мокрым зонтом, а возле часовщика тихо звякнула вывеска. Лиэль смотрела на Рейвена, ожидая, что он сразу объяснит, исправит или хотя бы продолжит. Он молчал. Девушка медленно покачала головой.

— Нет, — произнесла она, и собственный голос показался слишком спокойным. — Ты стоишь передо мной.

Рейвен сжал губы и опустил руки вдоль тела.

— Я знаю.

— Тогда не говори, что я тебя убила.

— Прости. Я снова сказал так, как думал тогда. Эта формулировка неполная.

Лиэль почувствовала, как внутри поднимается ярость, потому что иначе пришлось бы признать страх.

— Неполная? Ты сейчас сказал, что я убила человека, которого, по твоим же словам, любила, а потом называешь это неполной формулировкой?

Он сделал осторожный шаг вперёд, но остановился, заметив, как девушка сразу напряглась.

— Я не знаю, какое слово правильно описывает то, что произошло со мной после разрыва, — сказал Рейвен, и голос впервые заметно сорвался. — Я исчез из твоей жизни. Связь оборвалась. То, чем я был тогда, перестало существовать так, как существовало раньше.

Лиэль смотрела на него с нарастающим ужасом.

— Ты был мёртв?

Рейвен провёл ладонью по лицу и ненадолго прикрыл глаза.

— Для тебя — да.

— Это опять не ответ.

— Другого у меня нет.

Девушка отступила на шаг и почувствовала каменную стену за спиной. Ей хотелось опереться на неё, но это выглядело бы слишком похоже на слабость, поэтому она лишь положила ладонь на прохладный камень.

— Ты пытаешься вызвать у меня чувство вины? — спросила Лиэль, и сама услышала в голосе отвращение к этой возможности.

Рейвен отреагировал мгновенно. Он резко поднял голову, а потом сразу разжал руки, словно сам жест мог показать, насколько чуждо ему обвинение.

— Нет. Никогда.

Слишком быстрая реакция заставила её замолчать.

— Если бы я хотел твоей вины, — продолжил мужчина, уже спокойнее, — я рассказал бы эту историю в первую встречу. Я мог бы сделать себя жертвой, а тебя человеком, который всё разрушил. Это было бы проще всего, но это не было бы правдой.

Лиэль провела ладонью по собственному предплечью, пытаясь вернуть ощущение тела.

— Тогда зачем сказал сейчас?

Рейвен опустил взгляд, а затем устало сел обратно на край скамьи. Локти легли на колени, пальцы сцепились так крепко, что побелели костяшки.

— Потому что ты спросила, чего я боюсь, — произнёс он, не поднимая головы. — Я боюсь именно этого момента. Боюсь, что ты вспомнишь только разрыв, моё исчезновение и собственный ужас, но не причину выбора.

Девушка смотрела на него сверху.

— Но ты сам только что дал мне именно этот момент без причины.

Рейвен тихо выдохнул и провёл ладонью по волосам.

— Да. И, вероятно, снова сделал всё неправильно.

Лиэль медленно села на противоположный край скамьи, оставляя между ними больше расстояния, чем раньше.

— Тогда скажи хотя бы, почему ты уверен, что я действительно сделала это сама.

Рейвен посмотрел на неё.

— Потому что я помню твои руки.

Фраза вызвала мгновенную реакцию.

Сначала внутри стало холодно, затем звук дождя неожиданно отдалился, будто кто-то закрыл невидимую дверь между Лиэль и улицей. Свет кофейни дрогнул перед глазами, каменная арка расплылась, и вместо серой стены на мгновение появился серебристо-розовый свет. Она увидела руку. Мужскую.

Пальцы крепко обхватывали её запястье, но в этом хвате не было угрозы; скорее отчаянная попытка удержаться за единственное, что ещё оставалось настоящим. На коже были кровь и свет.

По полу тянулись серебряные линии, дрожащие, словно под ними проходил ток, а воздух вибрировал от глухого звука. Где-то рядом кричали люди, но слов разобрать было невозможно. Рейвен стоял напротив.

Не нынешний, спокойный и сдержанный, а измученный, с кровью возле виска и мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Он что-то говорил, но звук не доходил. Лиэль держала его руку обеими ладонями. Потом сама закричала. Не имя. Другая фраза, которую память тут же потеряла.

Серебряный свет вспыхнул ярче, ладонь Рейвена выскользнула из её пальцев, а внутри груди возникло ощущение такого сильного разрыва, будто из тела вырвали часть, которая должна была оставаться там всегда. Воспоминание исчезло.

Лиэль обнаружила себя сидящей на скамье и прижимающей одну руку к запястью другой. Дыхание сбилось, во рту стало сухо, а сердце билось так быстро, что звук крови в ушах почти заглушал окружающий мир. Рейвен находился совсем близко.

Он успел подняться, но не касался её. Правая рука зависла в нескольких сантиметрах от её плеча.

— Посмотри на меня, — попросил он негромко, и голос звучал значительно мягче, чем раньше. — Ты сейчас здесь, в Вельмире.

Лиэль подняла глаза. На мгновение нынешнее лицо смешалось с окровавленным образом из вспышки, и девушка резко отодвинулась.

— Не трогай меня.

— Не буду. — Рейвен сразу опустил руку и отступил на шаг.

Она провела пальцами по запястью, где всё ещё ощущалось чужое прикосновение, хотя кожа оставалась чистой.

— Я видела тебя, — сказала Лиэль, пытаясь выровнять дыхание. — Ты держал меня за руку. Там были линии на полу и этот свет. Ты был ранен.

Рейвен слушал, не перебивая. По мере рассказа лицо становилось всё напряжённее, а пальцы медленно сжимались на рукаве пальто.

— Потом твоя рука выскользнула, — продолжила девушка, сильнее растирая запястье. — И мне показалось, что внутри что-то разорвалось.

— Это похоже на тот момент, — произнёс он, закрывая глаза.

— Опять «похоже»? — раздражённо спросила Лиэль.

Рейвен открыл глаза и покачал головой.

— Потому что я не видел его твоими глазами. Я могу помнить свою сторону и ошибаться в том, что чувствовала ты.

— Я действительно оставила тебя там? — спросила девушка. — Понимая, что ты можешь умереть?

— Да, — подтвердил Рейвен.

— Тогда в чём именно твоя фраза неполная?

Он посмотрел на неё настолько долго, что ответ начал казаться важнее самого вопроса.

— В том, что ты не сделала это ради спасения себя.

Лиэль ждала продолжения, но он снова замолчал. На этот раз ярость не вспыхнула мгновенно. Вместо неё пришла почти физическая усталость.

— И вот мы опять у той же стены, — произнесла она, опустив руки на колени. — Как только появляется причина, ты останавливаешься.

— Потому что причина касается не только меня, — ответил Рейвен.

Девушка вспомнила женщину в белом.

— Она тоже была там?

Мужчина слишком быстро посмотрел на неё. Лиэль почувствовала, как внутри всё снова сжимается.

— Всё связано, — сказала она, уже не задавая вопрос. — Женщина в белом, две дочери, ты, ритуал, моё решение забыть. Я только сейчас понимаю, что это не несколько отдельных загадок.

Рейвен не стал отрицать.

Девушка несколько секунд смотрела на дождь, пытаясь собрать мысли. Потом повернулась к нему и впервые почувствовала не страх перед его тайнами, а нечто другое.

Если хотя бы половина услышанного была правдой, прежняя Лиэль могла сознательно совершить поступок, который уничтожил человека, которого любила. Причина могла быть веской. Но выбор всё равно был её.

— Я всё время думала, что опасен ты, — сказала она медленно, сцепляя пальцы, чтобы они не дрожали. — Потому что появлялся в зеркале, стоял у моего дома, знал таблетки и моё прошлое. А теперь впервые думаю о том, что опасной могла быть я сама.

— Нет. — Резко поднял голову Рейвен.

Твёрдость в голосе заставила её посмотреть на него внимательнее. Мужчина подошёл ближе, но остановился на расстоянии шага.

— Не превращай одну фразу в приговор самой себе, — продолжил он. — Я не сказал, что ты была жестокой. Не сказал, что предала меня. Не сказал, что выбрала себя вместо всех остальных.

— Но сказал, что я тебя убила.

— Потому что именно так мы оба воспринимали последствия разрыва.

— Мы оба? — переспросила Лиэль.

Рейвен медленно выдохнул и опустил голову.

— Ты считала, что убила меня. Я долго тоже думал именно так.

— А теперь?

Он посмотрел на свои руки и несколько секунд разжимал пальцы, словно от долгого напряжения они успели затечь.

— Теперь не уверен, что смерть вообще правильное слово.

Девушка почувствовала, как усталость смешивается с почти истерическим желанием рассмеяться.

— Очень удобно слышать это от человека, который стоит передо мной и спорит со мной.

На лице Рейвена появилась слабая, почти болезненная улыбка.

— Поверь, меня эта часть тоже раздражает.

Лиэль посмотрела на него и неожиданно почувствовала, что дальнейшие вопросы уже перестают помещаться внутри одного вечера. Не потому, что не хотела знать, а потому что сознание больше не успевало отделять услышанное от воспоминаний и собственных страхов. Она встала и подняла папку со скамьи.

— Я пойду домой.

Рейвен не попытался её остановить.

— Хорошо.

Девушка сделала несколько шагов, но чувство, которое появилось после признания в любви, всё ещё не отпускало. Она остановилась возле края арки и обернулась. Рейвен стоял там же, слегка опустив плечи, а его нетронутый напиток остался на каменном бортике.

— Ты сказал, что любил меня, — произнесла Лиэль, сжимая папку под рукой. — После того, что я сделала, это прошло?

Мужчина явно не ожидал такого вопроса. Он медленно поднял глаза, и в лице исчезло всё, кроме усталой нежности, которую Лиэль уже несколько раз замечала, но каждый раз старалась объяснить чем-нибудь другим. Пальцы привычно коснулись боковой стороны указательного, и на этот раз он даже не попытался скрыть жест.

— Было бы гораздо проще, если бы прошло, — ответил Рейвен.

Лиэль почувствовала, как внутри болезненно сжимается что-то совсем другое, уже не связанное со страхом. Она отвернулась и ушла, не позволив себе ответить.

***

До дома девушка шла пешком, хотя дождь всё ещё моросил, а трамваи проходили мимо почти пустыми. Движение помогало удерживать мысли в теле: нужно было замечать светофоры, обходить лужи, поправлять капюшон и время от времени отвечать Норе, чтобы та не решила, что встреча закончилась катастрофой.

Но одна фраза всё равно возвращалась.

Рейвен мог сколько угодно называть её неполной, однако услышанные слова уже невозможно было вернуть обратно. Каждый раз следом возникал короткий фрагмент чужой руки на её запястье, серебряного света и собственного крика, а тело реагировало так, будто память повторяется здесь и сейчас.

Возле дома Лиэль задержалась под козырьком. Хотелось оказаться в квартире и одновременно не хотелось оставаться там одной, но позвонить Норе означало произнести вслух то, что пока даже мысленно звучало слишком страшно.

На пятом этаже госпожа Ивель как раз закрывала дверь своей квартиры. Увидев соседку, она задержала ладонь на дверной ручке и внимательно посмотрела на мокрые волосы, папку под рукой и слишком неподвижное лицо.

— У тебя выражение человека, которому сегодня сильно не понравилась правда, — заметила пожилая женщина, поправляя шаль на плечах. — Я могла бы спросить, что произошло, но подозреваю, что ты всё равно скажешь «ничего».

— Приятно, когда тебя знают, — ответила Лиэль с едва заметной улыбкой, доставая ключи.

— Иногда это полезнее магии. — Госпожа Ивель приоткрыла дверь обратно, и из квартиры сразу потянуло яблоками и корицей. — У меня есть пирог. Обычный, без лечебных чар, пророчеств и скрытых смыслов.

Предложение оказалось почти болезненно привлекательным. Лиэль посмотрела на тёплый свет соседской кухни, но всё-таки покачала головой.

— Завтра?

Женщина не стала уговаривать. Она лишь немного поджала губы, словно оценивала, действительно ли стоит отпускать её одну, а затем мягко кивнула.

— Завтра я тоже найду пирог. Даже если придётся его испечь специально.

— Договорились.

В собственной квартире тишина встретила слишком быстро. Девушка включила свет, сняла мокрое пальто и положила папку на кухонный стол, но открывать её не стала. Некоторое время просто стояла возле раковины со стаканом воды в руке, наблюдая, как с волос падают капли и тёмными точками остаются на ткани свитера. Сообщение от Норы появилось почти сразу.

Ты дома?

Лиэль ответила, что физически всё в порядке и завтра она расскажет подробнее. Подруга ничего не требовала, только написала, что можно звонить в любое время, после чего девушка положила телефон экраном вниз.

После душа стало немного легче. Горячая вода сняла напряжение в плечах, а собственное отражение в запотевшем зеркале выглядело достаточно обычным, чтобы несколько минут можно было верить в привычную жизнь. Заснуть сразу всё равно не получилось.

Лиэль решила найти старую зарядку для телефона, которая несколько месяцев лежала где-то в нижнем ящике спальни. Это занятие не имело никакого отношения к Аэлирии, Рейвену или памяти, и именно поэтому казалось почти спасительным.

Она выдвинула коробки, перебрала провода, старые наушники, открытки и несколько чеков, а затем обнаружила тканевый рюкзак, которым давно не пользовалась. Сам рюкзак был знаком, но содержимое вспомнить не удалось. Внутри лежали старый кошелёк, ручка, несколько билетов и маленький карманный ежедневник в потёртой чёрной обложке.

Лиэль взяла его в руки и несколько секунд пыталась вспомнить, когда именно пользовалась им. На первых страницах были обычные записи двухлетней давности: купить лампочку, забрать заказ, позвонить Норе, перенести запись к мастеру. Почерк был её собственным, привычным и совершенно бытовым, поэтому тревога появилась не сразу. Она уже собиралась закрыть ежедневник, когда заметила несколько согнутых страниц ближе к концу. Девушка села на пол возле шкафа и развернула одну из них.

Вверху стояла дата, которая ничего ей не напомнила. Ниже обычным почерком было записано несколько бытовых дел, а между ними, будто вписанная позже и значительно сильнее вдавленная в бумагу, находилась другая фраза. Лиэль медленно провела пальцем рядом со строчкой, не касаясь чернил.

«Если снова увидишь Рейвена, не оставайся с ним одна.»

Под ней было приписано:

«И сначала запиши всё, что помнишь, прежде чем позволишь ему что-либо объяснять.»

Девушка несколько секунд сидела совершенно неподвижно, но теперь тишина комнаты ощущалась иначе. Запись не была древним документом, чужой хроникой или рассказом Рейвена; она находилась среди собственных бытовых заметок рядом с напоминанием купить лампочку и позвонить Норе. Этот факт пугал сильнее содержания.

Лиэль перевернула страницу и увидела, что следующая была аккуратно вырвана. На узком краю сохранились вдавленные следы нескольких строк, но разобрать их без дополнительных усилий было невозможно.

Она закрыла ежедневник, затем почти сразу снова открыла, будто надеялась, что прочитала неправильно. Почерк не изменился.

После всего, что Рейвен рассказал сегодня, прошлое внезапно перестало делиться на две удобные стороны, где один человек скрывает правду, а другой должен её найти. Прежняя Лиэль тоже что-то знала, чего боялась и оставляла инструкции самой себе, причём делала это в период жизни, который нынешняя память считала совершенно обычным. Девушка подняла взгляд на коробки, всё ещё стоявшие вокруг. Если такая запись нашлась случайно, значит, среди старых вещей могли существовать и другие следы.

Глава 11. Инструкция для самой себя

Утром первое, что увидела Лиэль, был маленький чёрный ежедневник, оставшийся на ковре возле шкафа. Он лежал там же, где она оставила его ночью, между открытой коробкой со старыми проводами и краем свитера, который так и не убрала на место. Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивался серый вельмирский свет, где-то в стене негромко шумели трубы, а из ванной доносилось привычное гудение вентиляции, однако обычность квартиры больше не помогала воспринимать найденное как случайную странность.

Несколько минут эльфийка ещё лежала под одеялом, глядя на потёртую обложку и вспоминая вчерашний разговор с Рейвеном. Ночью его фраза звучала страшнее всего остального, но теперь к ней добавлялось другое знание: она уже записывала его имя в старом ежедневнике, хотя нынешняя память уверяла, что до недавней встречи в зеркале и под фонарём никогда его не видела.

Поднявшись, Лиэль накинула длинную кофту и села на ковёр. Ежедневник раскрылся почти на нужной странице, потому что бумага в этом месте уже успела немного выгнуться. Рядом с обычными пометками о заказе, встрече с Норой и каком-то переносе записи стояли две строчки, выведенные с более сильным нажимом:

«Если снова увидишь Рейвена, не оставайся с ним одна.»

«И сначала запиши всё, что помнишь, прежде чем позволишь ему что-либо объяснять.»

Она провела подушечкой пальца рядом с именем, не касаясь чернил, и почувствовала, насколько пугающе естественно оно выглядело среди самых бытовых вещей. Если бы предупреждение было спрятано в древней книге или написано на таинственном листе без даты, существовало бы пространство для сомнений; здесь же оно соседствовало с напоминанием купить лампочку.

Лиэль принесла из кухни старый блокнот, открытку Норе и несколько листов, где раньше записывала покупки, после чего разложила всё на полу вокруг себя. Сначала сравнила буквы почти механически, затем начала искать мелкие привычки почерка: ту же слишком широкую «л», тот же наклон вправо, тот же длинный хвост у «у», который иногда залезал на нижнюю строку. Почерк был её. Отличался только нажим: кончик ручки оставил в бумаге глубокие бороздки.

— Хорошо, — тихо произнесла она самой себе, хотя ничего хорошего в этом не было. — Значит, сначала факты.

Собственный голос помог немного вернуть ощущение контроля. Лиэль перевернула лист и снова увидела край вырванной страницы. Ночью он показался просто ещё одной странностью, но при дневном свете стало заметно другое: на сохранившемся под ней листе проступали тонкие продавленные линии. Она наклонила ежедневник к окну. Отдельные буквы угадывались, но целую фразу разобрать было невозможно.

Несколько минут девушка рылась в ящике стола, пока не нашла обычный мягкий карандаш. Детский способ восстановить нажим на бумаге казался почти смешным рядом с магией памяти, исчезнувшим королевством и человеком, который утверждал, что она его убила, однако сейчас именно эта простота нравилась больше всего. Она положила страницу на ровную поверхность и начала проводить по ней боковой стороной грифеля. Сначала проступили случайные тени, потом отдельные линии начали соединяться.

Лиэль перестала торопиться, опасаясь повредить бумагу, и через несколько минут увидела первые слова. Рука остановилась не сразу; она ещё сделала несколько мягких штрихов, словно ей требовалось время принять уже прочитанное. Под серым слоем графита проявилась фраза:

«Когда он придёт в последний раз — не верь ему.»

Девушка положила карандаш рядом и долго не убирала руку со страницы. Вчерашнее предупреждение можно было объяснить страхом, осторожностью или желанием защитить себя от влияния Рейвена. Эта запись звучала иначе. Она не предлагала проверить его слова или держать дистанцию, а прямо требовала не доверять. Что прежняя Лиэль называла «последним разом», оставалось неизвестным.

Она перечитала фразу, затем закрыла ежедневник и сразу открыла обратно, будто надеялась обнаружить ошибку. Ничего не изменилось.

На кухню Лиэль пришла уже с книжкой в руках. Поставила воду, открыла окно на несколько сантиметров и некоторое время стояла возле него, позволяя влажному холодному воздуху проникать в квартиру. На улице начинался обычный день: кто-то спешил к остановке, курьер ругался с велосипедом, женщина под огромным зонтом пыталась открыть дверь магазина, и вся эта обычность раздражала своей устойчивостью.

Телефон лежал на столе. Первой мыслью было позвонить Норе, но почти сразу девушка вспомнила собственную старую инструкцию: сначала запиши всё, что помнишь. Возможно, прежняя она знала, насколько легко чужое объяснение может смешаться с собственными воспоминаниями.

Лиэль открыла заметки и начала записывать события последних дней по порядку, стараясь не оставлять в формулировках места для выводов. Рейвен появился в зеркале. Позже сказал, что они были знакомы и что она сама просила помочь забыть. Знал о таблетках. Архив подтвердил существование Аэлирии. Кай связал кулон с королевским домом. Сон о женщине в белом содержал фразу «Лиэль, беги». Рейвен сказал, что сон связан с реальными событиями, хотя отдельные детали могли измениться.

Когда дошла до вчерашнего разговора, пальцы задержались над экраном. Она сначала написала: «Я убила Рейвена», но тут же стёрла. Вместо этого появилась другая формулировка:

«Рейвен сказал: Ты убила меня. Потом уточнил, что эта фраза неполная, что после разрыва связи он исчез и что сам не уверен, можно ли назвать произошедшее смертью. Я видела короткий фрагмент: мы с Рейвеном держали друг друга за руки, на полу были серебряные линии. Потом его ладонь выскользнула из моих пальцев, и я почувствовала, будто внутри что-то разорвалось. Причину не помню».

Лиэль перечитала запись и почувствовала, как напряжение немного отпускает. Теперь было видно, что именно сказал Рейвен и что она вспомнила сама. Этого пока было достаточно.

***

Мира ответила после третьего гудка. На заднем плане слышался шелест бумаги, звук катящейся по полу библиотечной тележки и чей-то приглушённый разговор.

— Если ты сейчас скажешь, что на фотографии появилась ещё одна скрытая надпись, я официально беру выходной, — произнесла она вместо приветствия. Голос звучал рассеянно, будто архивистка одновременно продолжала сортировать документы.

— На фотографии всё спокойно. Я нашла другую вещь, — ответила Лиэль, водя пальцем по краю ежедневника. Она сидела за кухонным столом, поджав одну ногу под себя.

Шелест на том конце прекратился почти сразу.

— Судя по твоему тону, слово «спокойно» здесь ничего не означает. — В трубке раздался глухой стук, словно Мира положила папку на стол. — Что нашла?

— Старый ежедневник. Мой, с записями примерно двухлетней давности.

— И что в нём? — спросила архивистка после паузы.

— Имя Рейвена, — ответила Лиэль, открывая страницу перед собой.

— Ты уверена, что ежедневник действительно твой?

— Я сравнила почерк с открытками, списками покупок и другими записями. Совпадает настолько, что мне даже не хочется притворяться, будто есть разумное сомнение. — Девушка

постучала ногтем по краю стола и остановила себя, заметив нервное движение. — Но там не только имя.

— Рассказывай.

Лиэль прочитала обе строчки первого предупреждения. Мира не перебивала; несколько секунд после этого в трубке было слышно только далёкое движение библиотеки.

— А под вырванной страницей сохранились следы нажима, — продолжила Лиэль. — Я проявила их карандашом.

— Что там?

— «Когда он придёт в последний раз — не верь ему», — прочитала девушка, провела ладонью по волосам и собрала их на затылке.

— Ты уверена именно в словах «в последний раз»? — спросила Мира, и теперь голос звучал полностью сосредоточенно.

— Я могу прислать фото, если хочешь лично убедиться.

— Пришли, но лучше всё равно принеси оригинал. И больше ничего на странице не восстанавливай. Карандаш мог скрыть часть следов. Я хочу посмотреть нажим и соседние листы под светом.

— Очень люблю моменты, когда мой психологический кризис превращается у тебя в реставрационный протокол, — усмехнулась Лиэль.

— Кто-то должен сохранять функциональность, пока ты драматично сидишь над древними предупреждениями самой себе.

— Ежедневнику два года.

— Для твоей нынешней недели это практически древность.

Ненадолго в разговор вернулась привычная лёгкость, но вопрос, ради которого Лиэль звонила на самом деле, никуда не исчез.

— Мира, ты знала, что я встречала Рейвена в Вельмире раньше? — спросила она, перестав улыбаться.

В трубке снова стало тише. Архивистка не ответила сразу, и сама пауза уже стала частью ответа.

— Не в Аэлирии, — уточнила Лиэль, медленно выпрямляясь. — Я спрашиваю про последние годы. Про ту жизнь, которую я вроде бы помню.

— Я знала, что были периоды, когда ты говорила о вещах, которые потом переставала упоминать, — произнесла Мира наконец. — Иногда задавала странные вопросы, несколько дней могла искать что-то в старых каталогах, а потом словно теряла к этому интерес.

— И имя Рейвена тогда звучало? — Лиэль прижала ладонь к виску.

— Один раз точно.

— Значит, ты знала, что я уже его помнила.

— Я знала, что ты знала это имя, — уточнила архивистка. — Я не знала, сколько именно ты помнила, видела ли его, разговаривала ли с ним или просто нашла имя среди старых вещей. Ты практически ничего не объясняла.

— Но потом я опять перестала его знать. — Лиэль встала из-за стола и подошла к окну, взяв телефон с собой.

— Похоже на то.

— И тебя это не испугало?

— Испугало, — призналась Мира после долгого выдоха. — Именно поэтому я спрашивала Нору, принимаешь ли ты таблетки регулярно. Я видела повторяющиеся странности, но не понимала механизм. Это не давало мне права прийти к тебе и объявить, что твоя память исчезает по расписанию.

— Ты могла хотя бы сказать, что такое уже происходило, — возразила девушка, опираясь свободной ладонью о подоконник.

— Могла, — после паузы ответила архивистка. — И сейчас, когда ты уже знаешь больше, я понимаю, что, вероятно, должна была.

Вместо раздражения Лиэль почувствовала усталость. Слишком многие вокруг начинали признавать, что когда-то решили молчать ради неё.

— Сколько раз ты это замечала? — спросила она, наблюдая, как капли собираются на внешней стороне стекла.

— Точного числа не помню. Один разговор с его именем — точно. Остальные случаи я тогда не связывала ни с ним, ни с потерей памяти, поэтому сейчас могу смешать разные вещи.

— Я понимаю, — ответила Лиэль, закрывая глаза.

— Правда?

— Да, я уже поняла. — Девушка провела пальцами по переносице. — Не всё неизвестное обязано немедленно превращаться в версию.

— Наконец-то моя работа приносит пользу, — тихо усмехнулась Мира.

— Не радуйся слишком рано.

— Привези ежедневник, — попросила архивистка. В трубке снова зашелестели бумаги. — И возьми несколько старых записей для сравнения, только тех, происхождение которых ты точно знаешь.

— Буду примерно через час, — сказала Лиэль, посмотрев на часы.

— И поешь что-нибудь перед выходом.

Девушка медленно отняла телефон от уха и посмотрела на экран, словно не поверила услышанному.

— Вы с Норой создали тайное общество?

— В нашем возрасте питание уже не тайное знание, — рассмеялась Мира.

— Тебе визуально двадцать пять.

— Именно поэтому я имею право говорить «в нашем возрасте» максимально раздражающе.

Лиэль покачала головой, но разговор закончила уже немного спокойнее.

***

В библиотеке было людно, поэтому Мира встретила её возле бокового входа. Она стояла с ключами в руке и одновременно пыталась допить кофе, который, судя по выражению лица, давно остыл. Заметив сумку Лиэль, архивистка первой протянула ладонь, но сразу остановилась.

— Могу взять?

— Ежедневник останется у меня, пока не дойдём до комнаты, — ответила эльфийка, придерживая ремень сумки.

— Справедливо. — Мира опустила руку и повернулась к двери.

Лиэль ослабила хватку на ремне. По крайней мере, сейчас подруга не стала спорить.

Они поднялись наверх и прошли в комнату, где раньше сканировали фотографию. Мира включила настольную лампу, закрыла жалюзи и освободила место на столе, аккуратно убрав стопку книг на соседний стул. Лиэль достала ежедневник, несколько старых записок и открытку Норе.

— Вот оригинал, — сказала она, положив всё перед подругой. — А вот контрольная группа, раз уж мы сегодня играем в экспертизу.

— За последние дни ты стала значительно лучше разговаривать с архивистами, — усмехнулась Мира, освобождая место для образцов.

— За последние дни мне пришлось освоить слишком много бесполезных навыков.

Архивистка открыла ежедневник не на предупреждении, а с самого начала. Несколько минут она просто перелистывала страницы, время от времени сверяясь с другими образцами почерка.

— Здесь написано «ужин с Норой, семь вечера», — заметила Мира, указывая на дату. — Это вписывается в тот период?

— Мы тогда часто встречались после её смены. Сам конкретный ужин не помню, но ничего странного в записи нет, — ответила Лиэль, наклонившись через стол.

— «Забрать ботинки из ремонта», — прочитала Мира, перевернув лист.

— Эти помню. — Девушка чуть улыбнулась. — Каблук отлетел посреди улицы. Нора потом неделю рассказывала всем, что меня победила городская брусчатка.

— Хорошо.

— Почему хорошо? — Лиэль подняла бровь.

— Потому что бытовые детали привязывают ежедневник к твоей реальной жизни, — объяснила архивистка, отвлекаясь от страниц. — Чем больше таких вещей подтверждается независимо, тем меньше оснований предполагать, что вся книжка появилась неизвестно откуда только ради одной записки.

— Ты умеешь формулировать хорошие новости так, что от них становится тревожнее.

— Профессиональный талант.

Мира добралась до первой записи про Рейвена. На этот раз даже под лампой буквы выглядели обычными, и только сильный нажим отличал их от соседних строк. Она поднесла страницу ближе к свету, затем сравнила форму букв с открыткой.

— По визуальным признакам почерк твой, — сказала архивистка, осторожно придерживая край листа. — Это не судебная экспертиза, но отличий, которые заставили бы меня подозревать другого автора, я пока не вижу.

— Значит, два года назад я уже предупреждала себя о Рейвене, — произнесла Лиэль, садясь напротив.

— Возможно. Но дата относится к бытовым записям. Предупреждение ты могла дописать позже.

— Иногда твоя осторожность действительно способна довести до преступления.

— Зато потом ты не скажешь, что я засунула тебе вывод в голову, — ответила Мира, посмотрев поверх очков.

Лиэль хотела возразить, но вместо этого кивнула. Когда Мира дошла до восстановленной страницы, она перестала шутить. Несколько секунд рассматривала графит, затем повернула лист под углом, чтобы свет падал по касательной.

— Эти следы могли остаться от текста на вырванной странице, — объяснила она, проводя пальцем над бороздками. — Очертания сохранившихся букв похожи на твой почерк.

— То есть и это, скорее всего, написала я?

— Вероятнее всего, да.

От прямого ответа внутри стало пусто. Девушка медленно провела ладонью по шее и почувствовала прохладный край кулона под воротником.

— Тогда почему я ничего этого не помню?

— Этого я не могу объяснить, — сказала Мира, отложив ежедневник.

— Но ты согласна, что я раньше знала больше?

— Да. — Архивистка немного подалась вперёд, опираясь предплечьями на стол. — Судя по записи, ты ожидала, что Рейвен появится снова, и считала нужным заранее себя предупредить.

— Это уже достаточно плохо, — произнесла Лиэль, прикрыв глаза.

— Согласна.

Несколько секунд обе молчали, пока за стеной кто-то передвигал библиотечную тележку. Обычный металлический скрип странно хорошо возвращал ощущение настоящего.

— Что значит «в последний раз»? — спросила Лиэль, открывая глаза. — Ты думаешь, всё это повторяется? Такими циклами?

— Пока не знаю. Эта фраза могла относиться к определённой встрече, которую ты ожидала. Мы ещё не знаем, что ей предшествовало.

Лиэль провела большим пальцем по краю ежедневника, потом отпустила его, позволяя Мире продолжить осмотр. Через некоторое время архивистка остановилась возле внутреннего края задней обложки и поднесла её ближе к лампе.

— Здесь есть карандашная запись.

— Я её не заметила, — сказала Лиэль, придвигая стул ближе.

Мира достала телефон и сфотографировала участок под углом.

— Похоже на дату, — сказала она, увеличивая изображение. — Карандаш почти стёрся.

— Что было в этот день?

— Не знаю. Но мне кажется, я уже видела эту дату в астрономическом каталоге.

— Розовая луна? — спросила Лиэль, почувствовав тревожное узнавание.

— Возможно. Я проверю записи.

— Конечно проверишь.

В голосе прозвучала усталость. Мира отложила телефон и некоторое время смотрела на подругу, не торопясь возвращаться к работе.

— Хочешь остановиться на сегодня?

— Если остановлюсь, всё равно буду думать об этом дома, — ответила Лиэль, разглаживая джинсы на коленях.

— Это не значит, что нужно немедленно открывать следующую дверь.

— Я знаю. — Девушка посмотрела на ежедневник. — Просто теперь у меня ощущение, будто таких дверей полно в моей собственной квартире.

— Тогда хотя бы договоримся об одном, — сказала Мира, снимая очки. — Сегодня ничего не выбрасывай и не принимай решений из страха. Просто собери старые вещи отдельно, если захочешь продолжить поиск.

— Это совет или приказ? — прищурилась Лиэль.

— Совет. Я учусь, — ответила архивистка, подняв ладонь.

— Медленно, но заметно.

На лице Миры появилась слабая улыбка.

***

Из библиотеки Лиэль вышла с ежедневником в сумке и копиями всех страниц, которые они успели проверить. Мира предлагала оставить оригинал хотя бы до вечера, но девушка отказалась, и архивистка не стала спорить. По дороге мысли постоянно возвращались к Рейвену.

Старое предупреждение уже само по себе было достаточной причиной держаться от него подальше, однако хотелось увидеть реакцию человека, имя которого оказалось в её собственном забытом прошлом. Это желание не нравилось Лиэль, потому что подозрительно напоминало привычку проверять опасное место именно потому, что оно опасное.

Она написала Норе, что закончила в библиотеке, купила по дороге еду и почти дошла до дома, когда поняла, что всё равно сворачивает в сторону After Moon. На секунду девушка остановилась у перекрёстка и недовольно посмотрела на вывеску через дорогу.

— Прекрасно, — пробормотала она самой себе. — Именно так и выглядят разумные решения.

В кафе Рейвена не было. Лиэль заняла столик у окна, сняла пальто, заказала чай и оставила ежедневник в сумке, чтобы не видеть его постоянно. Знакомый бариста принёс напиток, бросил короткий взгляд на её лицо и на этот раз ограничился только вопросом, нужен ли сахар.

Прошло почти сорок минут. Девушка уже решила, что сама идея была глупой, когда над дверью звякнул колокольчик. Рейвен вошёл, снимая перчатки. Он заметил её почти сразу и, задержавшись у входа, направился к столу.

— Ты меня ждала? — спросил он, осторожно убирая перчатки в карман.

— Сядь, пожалуйста, — ответила Лиэль, указав на свободный стул.

Рейвен подчинился без комментариев. Он остался в пальто, только расстегнул верхние пуговицы и положил руки на колени. Девушка достала ежедневник и раскрыла его между ними, не придвигая к мужчине.

— Я нашла это вчера после нашего разговора, — сказала она. — Сегодня проверила почерк вместе с Мирой. Всё указывает на то, что запись моя. Она среди заметок двухлетней давности, но когда именно появилась, мы пока не знаем.

Рейвен склонился над столом, положив ладонь возле ежедневника. Взгляд медленно прошёл по строчкам, и Лиэль следила за каждым движением его лица. На словах о том, что нельзя оставаться с ним одной, плечи едва заметно напряглись, а пальцы сжались. Он не попытался коснуться книжки.

— Посмотри дальше, — попросила Лиэль.

— Можно? — Рейвен указал на угол страницы.

Она кивнула, и мужчина осторожно перевернул лист. Когда взгляд остановился на восстановленной графитом фразе, лицо стало совсем неподвижным.

— Ты видел это раньше? — спросила Лиэль, положив обе ладони на стол.

— Нет, — ответил Рейвен, поднимая глаза.

Она сразу посмотрела на его руки. Большой палец не двигался.

— Знал, что я оставляла такую записку?

— Нет.

— Но смысл тебе понятен, — произнесла девушка, немного откинувшись на спинку стула.

— Частично, — ответил мужчина, снова посмотрев на текст.

— Я сегодня не готова к «частично».

— Тогда скажу точнее. Я понимаю, почему ты могла написать «не верь ему». Я не понимаю, что именно ты называла моим последним приходом.

Лиэль ожидала, что он начнёт спорить с содержанием записи или доказывать её ошибочность. Вместо этого мужчина сидел напротив и признавал возможность того, что прежняя она имела основания ему не доверять. Это оказалось хуже.

— Ты даже не собираешься сказать, что я тогда ошибалась? — спросила девушка, придвинув ежедневник к себе.

— Откуда мне знать, ошибалась ты или нет, если я не знаю, что именно произошло перед этой записью? — нахмурился Рейвен.

— Можно было хотя бы предположить, что она написана в панике.

— Это было бы удобно для меня, а значит, именно сейчас я меньше всего имею право выбирать такую версию.

— Иногда я почти хочу, чтобы ты оказался обычным лжецом, — призналась Лиэль, проводя ладонью по обложке.

— Думаю, это действительно было бы проще, — ответил Рейвен с болезненной усмешкой.

— Мира призналась, что раньше у меня уже бывали периоды, когда я знала больше. Она помнит, что твоё имя звучало как минимум один раз.

Мужчина опустил взгляд. Пальцы начали складывать край бумажной салфетки, лежавшей возле него, сначала пополам, затем ещё раз.

— Ты тоже знал?

— О некоторых таких периодах, — ответил он после паузы.

— Что значит «некоторых»?

— Я не знаю, сколько раз ты что-то вспоминала без меня, — сказал Рейвен, разворачивая салфетку обратно. — Иногда появлялся уже после того, как процесс начинался.

— Ты приходил ко мне раньше. В Вельмире? — уточнила Лиэль, почувствовав, как внутри всё сжимается.

— Да, — подтвердил он и чуть отодвинулся от стола.

— И потом я снова тебя забывала.

— Похоже, что да. Но я не могу уверенно сказать, что каждый раз происходило одно и то же.

— Сколько таких раз было?

— Я не назову число, потому что сам в нём не уверен, — ответил Рейвен после паузы.

— Тогда фраза «когда он придёт в последний раз» вполне может относиться к тебе. — Лиэль опустила взгляд к строчке.

— Может, — согласился он.

— И ты всё равно снова пришёл.

— Да. — Рейвен перестал трогать салфетку и посмотрел на неё прямо.

— Почему?

Вопрос прозвучал спокойнее, чем она ожидала. Мужчина некоторое время молчал, после чего провёл большим пальцем по краю собственного рукава.

— Потому что в этот раз всё начало возвращаться раньше и быстрее, чем я ожидал, — сказал он. — И потому что я увидел признаки того, что ты снова приближаешься к вещам, от которых когда-то пыталась себя отделить.

— Ты собирался вмешаться? — спросила Лиэль, подавшись вперёд.

— Сначала не знал.

— А потом?

— Потом увидел тебя, — ответил он, подняв глаза.

Что-то в интонации заставило дыхание на секунду сбиться. Лиэль раздражённо отвернулась к окну, потому что ненавидела моменты, когда одна простая фраза от него действовала сильнее десятка архивных документов.

— Вот поэтому старой мне, возможно, и хотелось, чтобы нынешняя тебе не верила, — сказала она, наблюдая за каплями на стекле. — Ты слишком хорошо умеешь говорить вещи, после которых мне становится сложно отделить факты от того, что я чувствую рядом с тобой.

— Тогда сейчас действительно не верь мне.

— Что? — Лиэль резко повернулась.

— Проверяй всё, что говорю. Записывай мои слова. Сравнивай с архивами, с Мирой, с Каем, с собственными воспоминаниями, — произнёс он спокойно, хотя плечи оставались напряжёнными. — Если прежняя ты считала это необходимым, я не стану убеждать нынешнюю игнорировать предупреждение только потому, что оно направлено против меня.

— Ты понимаешь, что после такого становишься ещё подозрительнее? — спросила девушка, несколько секунд глядя на него.

— Понимаю. — Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Ты мог хотя бы попытаться защищаться.

— Каким образом? Сказать, что прежняя ты была не в себе? Что её страх ничего не значит? — Рейвен устало провёл ладонью по лицу. — Я слишком долго решал, какая твоя версия имеет право говорить. Не хочу делать это снова.

Лиэль опустила взгляд на свои руки. Было бы значительно проще, если бы он обвинил записку в подделке или начал оправдываться. Она приготовилась спорить с ним, а теперь не знала, что ответить. Девушка закрыла ежедневник.

— Мне нужно, чтобы ты некоторое время держался от меня подальше.

Впервые за разговор его лицо изменилось настолько заметно, что это невозможно было пропустить. Плечи напряглись, дыхание стало глубже, а взгляд на несколько секунд опустился к её рукам.

— Хорошо, — ответил он после паузы.

Согласие неожиданно причинило боль, и Лиэль сразу разозлилась на себя за эту реакцию.

— Не приходи к дому, не жди возле библиотеки и не ищи встреч, — продолжила она, стараясь говорить ровно. — Если захочу поговорить, сама тебя найду.

— Я не буду приходить сознательно, — ответил Рейвен.

— Что значит сознательно? — нахмурилась Лиэль.

— Только то, что некоторые появления через отражения не всегда зависят от меня.

Лиэль почувствовала, как внутри сразу возникает новый десяток вопросов, но заставила себя не хвататься за них.

— Сегодня я не буду спрашивать.

— Думаю, это разумно.

— Не привыкай.

В голос вернулась слабая ирония. Рейвен тоже едва заметно улыбнулся. Лиэль убрала ежедневник в сумку, застегнула молнию и поднялась. Мужчина встал следом, но остался по другую сторону стола, не предлагая проводить её и не пытаясь продлить встречу. Она уже надела пальто, когда услышала его голос.

— Лиэль...

Девушка задержала руку на застёжке и посмотрела через плечо. Рейвен стоял рядом со стулом, пальцы одной руки всё ещё лежали на его спинке.

— Я не знаю, что именно ты вспомнила тогда, когда написала эту фразу, — произнёс он. — Но если вспомнишь причину, сначала поверь себе. Даже если мне это будет невыгодно.

Лиэль перестала двигаться. Слова почти точно отозвались другой запиской, найденной несколько дней назад:

«В этот раз поверь себе.»

— Ты сейчас специально так сказал? — спросила она, медленно поворачиваясь к нему.

— Как? — нахмурился Рейвен.

Лиэль всматривалась в его лицо, пытаясь понять, знает ли он про вторую строчку под предупреждением о таблетке. Ничего не выдавало узнавания.

— Ничего, — произнесла она после паузы и застегнула пальто. — Просто ещё одна вещь, которую сначала проверю без тебя.

Он не попытался остановить её.

***

Вечером ежедневник снова лежал на кухонном столе, но Лиэль несколько часов сознательно его не трогала. Она приготовила ужин, включила телевизор, ответила Норе на сообщения и даже убрала часть вещей, оставшихся после ночных поисков, потому что квартира постепенно начала выглядеть как помещение человека, который ожидает найти тайный заговор в каждой коробке.

Обычные действия немного помогли. Но две фразы продолжали существовать рядом в голове. Предупреждение прежней себя требовало не верить Рейвену, а сам Рейвен несколько часов назад предложил проверять его слова. Если это была манипуляция, то очень странная. Если искренность — ещё более неудобная.

Ближе к ночи Лиэль всё-таки вернулась к ежедневнику, чтобы сфотографировать страницы в хорошем свете и сохранить копии отдельно. Она включила настольную лампу и раскрыла заднюю обложку. Рядом с датой, которую утром обсуждала с Мирой, проходила неглубокая складка. Когда Лиэль осторожно расправила её и наклонила лампу ниже, в углублении показались почти стёртые карандашные линии. На снимке Миры этот участок уходил в тень.

Девушка повернула обложку под светом. Большая часть фразы исчезла от времени и трения, однако последние слова сохранились достаточно хорошо:

«…до розовой луны.»

Лиэль не стала пытаться восстановить отсутствующее. Сфотографировала надпись с нескольких сторон и отправила Мире, попросив проверить её вместе с датой. Телефон остался рядом с ежедневником.

Некоторое время она сидела в тишине, прислушиваясь к дождю и редким звукам машин под окнами. Розовая луна уже появлялась в хрониках падения Аэлирии. Серебристо-розовый свет вспыхивал в возвращающихся воспоминаниях. Теперь слова о луне нашлись и в её собственном ежедневнике.

Лиэль посмотрела на предупреждение о Рейвене, затем снова на стёртую строчку. Она всё ещё не знала, когда оставила эти записи и что связывало их между собой. Когда-то она знала о Рейвене достаточно, чтобы бояться его возвращения и оставлять инструкции той версии себя, которая однажды проснётся и ничего этого не вспомнит.

Глава 12. Цена забвения

Сообщение от Миры пришло около половины девятого утра, когда Лиэль стояла у кухонного окна с чашкой кофе и без особого интереса наблюдала, как дождь медленно размывает отражения соседних вывесок на стекле. Ночь прошла почти без сна, однако на этот раз её не будили ни кошмары, ни внезапные вспышки памяти: гораздо хуже оказалось часами лежать в темноте и возвращаться к собственному предупреждению не верить Рейвену, которое совершенно не сочеталось с тем, как спокойно он признал её право именно так и поступить.

Мира прислала фотографию старой астрономической таблицы. Одна из дат была обведена тонкой красной линией, а под снимком находилось короткое сообщение:

Дата из ежедневника действительно совпадает с розовой луной. Приезжай, когда сможешь. И возьми с собой одну таблетку. Только одну.

Лиэль перечитала последнюю часть дважды, поставила чашку на стол и невольно посмотрела в сторону кухонного шкафчика. Матовый флакон стоял там же, где стоял много лет, и раньше настолько естественно вписывался в вечерний распорядок, что почти перестал восприниматься отдельным предметом. Теперь простое движение руки к полке вызывало неприятное сопротивление, потому что слишком многие события последних дней так или иначе сходились возле этих маленьких розовых таблеток.

Она достала флакон и некоторое время держала его на ладони, прислушиваясь к тихому стуку внутри. Когда-то этот звук сопровождал обычную рутину перед сном наравне с выключенным телевизором, проверенным замком и оставленным светом в ванной, но теперь каждый лёгкий удар напоминал о том, что Лиэль годами принимала неизвестное вещество, не помня, кто его дал, почему начала и что должно произойти, если однажды прекратит.

Отвинтив крышку, девушка вытряхнула одну таблетку на ладонь. Она выглядела почти нелепо безобидно: матовая поверхность, ровная форма, привычный розовый оттенок и ни одного знака, который мог бы объяснить, почему Рейвен просил не прекращать приём резко, а Мира когда-то отдельно интересовалась через Нору, принимает ли Лиэль их регулярно.

Таблетка отправилась в небольшой контейнер, флакон вернулся на полку, однако ладонь ещё несколько секунд лежала на дверце шкафчика. Лиэль словно ожидала, что после всего узнанного хотя бы квартира будет ощущаться иначе, но холодильник продолжал негромко гудеть, в раковине осталась вчерашняя чашка, а за стеной сосед включил музыку слишком громко для такого раннего часа. Обычность окружающего пространства раздражала своей устойчивостью.

***

Мира ждала её у служебного входа в библиотеку. Волосы были собраны на затылке кое-как, под глазами лежали лёгкие тени, а связку ключей архивистка машинально перебирала пальцами, пока Лиэль шла по коридору. Её взгляд почти сразу скользнул к сумке.

— Принесла? — спросила она, но руку не протянула.

— Принесла, — ответила Лиэль, остановившись перед дверью. — Но сначала хочу понять, что именно вы собираетесь делать. Я не хочу отдать её, а потом услышать, что половину уже растворили ради науки.

Мира несколько секунд смотрела на неё, после чего перестала перебирать ключи и убрала их в карман.

— Ничего разрушать без твоего разрешения не будем. Сначала проверим, есть ли внутри устойчивый магический след, причём Кай нашёл способ сделать это без повреждения образца. Если увидим что-то значимое, остановимся и решим дальше вместе.

Слово «вместе» Лиэль отметила отдельно.

— Значит, окончательное решение остаётся за мной?

— Да, — спокойно подтвердила архивистка и только после этого открыла дверь.

Лиэль отпустила ремень сумки, который до этого крепко сжимала, и прошла следом.

В маленькой архивной комнате уже находился Кай. Стол перед ним больше напоминал рабочее место реставратора, чем исследовательский кабинет: в центре лежала тонкая пластина из мутного стекла в металлической раме, рядом стояли лампа с серебряным отражателем, увеличительное стекло, пинцет, несколько чистых листов и ноутбук. Рукава тёмной рубашки вампир закатал до локтей, а возле клавиатуры стояла чашка давно остывшего чая, которую он, судя по всему, перестал замечать ещё час назад.

Кай поднялся при их появлении и немного отодвинул стул для Лиэль, после чего вернулся на своё место, не пытаясь приблизиться к сумке.

— Мира сказала только, что предложила вам проверить одну таблетку и что та, возможно, связана с памятью, — пояснил он, когда девушка села. — Я не знаю деталей вашего лечения и не собираюсь делать выводы о них без данных.

Лиэль мельком посмотрела на Миру, которая уже снимала пальто и аккуратно вешала его на спинку стула. Архивистка поймала этот взгляд, но ничего не сказала. Девушка сама достала контейнер и поставила его на стол. Кай не открыл крышку, пока она не кивнула.

Таблетку положили в центр стеклянной пластины, и первые несколько секунд ничего не происходило. Под обычным светом она оставалась точно такой же, как дома: маленькой, матовой и совершенно не похожей на вещь, которая могла бы быть связана с исчезнувшим королевством или многолетним провалом памяти.

Исследователь медленно повернул металлическое кольцо вокруг пластины. По стеклу прошёл серебристый отблеск, который сначала можно было принять за обычное отражение лампы, но затем свет словно задержался возле таблетки и начал собираться вокруг неё. Под розовой поверхностью появилась тонкая серебряная линия. Лиэль невольно подалась вперёд.

Линия изгибалась, разделялась на несколько более тонких ответвлений и снова соединялась ближе к центру. Когда Кай осторожно повернул таблетку пинцетом, рисунок изменил положение вместе с ней, оставаясь внутри материала.

Мира стояла с другой стороны стола и придерживала очки за дужку. По тому, как она перестала двигаться и слегка наклонилась ближе, было понятно, что результат оказался серьёзнее ожидаемого. Кай несколько раз изменил угол света, затем отложил инструмент и некоторое время просто рассматривал серебряную структуру.

— Это не остаточное загрязнение от магического предмета, — сказал он наконец. — След слишком устойчивый и слишком организованный. Магия находится внутри самой таблетки и является частью её структуры.

— Скажи человеческими словами, — попросила Лиэль, переводя взгляд на Миру.

Архивистка сняла очки и положила их рядом с пластиной. Она ещё раз посмотрела на серебряные линии уже без стекла между собой и предметом, а затем села напротив.

— Это не обычное лекарство, — произнесла она медленнее. — Внутри действительно есть магическая конструкция, и по форме она больше всего похожа на носитель, который поддерживает уже существующую печать.

Лиэль некоторое время не отвечала. Она смотрела на таблетку и пыталась совместить услышанное с сотнями вечеров, когда проглатывала такие же почти автоматически.

— Печать памяти? — спросила девушка наконец.

— С учётом всего, что уже происходит с тобой, это наиболее вероятное объяснение, — ответила Мира.

Кай осторожно пододвинул пластину ближе и указал не на центр рисунка, а на его внешний край.

— Здесь есть важная особенность. Если сравнивать с известными аэлирийскими печатями, таблетка не содержит полной конструкции. Она будто подпитывает контур, который находится за её пределами.

— Получается, основная печать находится во мне? — спросила Лиэль, переводя взгляд с Кая на серебряные линии.

Вопрос прозвучал спокойно, однако пальцы под столом уже сжались. Мира чуть заметно опустила плечи.

— Похоже, что да. Таблетка, скорее всего, не создаёт забвение каждый раз заново, а удерживает то, что когда-то уже было сделано.

Лиэль медленно откинулась на спинку стула. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз задумывалась о назначении таблеток, и не могла.

— Значит, я годами поддерживала собственную печать, даже не понимая, что делаю, — сказала девушка, проводя большим пальцем по суставам другой руки. — И никто не счёл нужным объяснить мне, что это не просто лекарство.

— Я сама не знала точно, что именно они делают, — ответила Мира, чуть напрягшись.

— Но подозревала.

— Да, — признала архивистка, не отводя взгляда.

Ответ был неприятным, но Лиэль уже слишком устала от споров о прошлом молчании, чтобы снова начинать тот же круг. Она посмотрела на таблетку.

— Они не могут стирать память каждый вечер заново. Если бы это было так, я не помнила бы Нору, квартиру, библиотеку и вообще последние годы.

— Похоже, доступ закрыт только к определённым воспоминаниям, — согласилась Мира.

Лиэль задумалась, проводя ладонью по краю стола.

— Это всё равно влияет не только на то, что я помню, — произнесла девушка через несколько секунд. — Человек принимает решения из того, что знает о себе. Если я не помню, почему боюсь зеркал, почему узнаю движения Рейвена или почему когда-то оставляла себе предупреждения, значит, эти пустые места тоже формировали меня.

Кай отложил ручку. Мира сложила руки перед собой и некоторое время смотрела на подругу, не отвечая.

— Да, — признала архивистка наконец. — Это влияет на человека сильнее, чем просто потеря нескольких событий.

— Тогда какая у этого цена? — спросила Лиэль, чувствуя болезненное удовлетворение от прямого ответа.

— Ты имеешь в виду последствия самой печати? — уточнила Мира.

— Не только магические. Что происходит со мной, если я годами живу с куском собственной жизни, к которому не имею доступа?

Архивистка перевела взгляд на сумку, где лежал найденный ежедневник.

— Возможно, именно это мы сейчас и видим. Ты находишь свой почерк и воспринимаешь его почти как сообщение от другого человека. Узнаёшь чувства, но не знаешь их причины. Тебе приходится заново разбираться в собственных решениях.

Лиэль вспомнила, как смотрела на фразу «Когда он придёт в последний раз — не верь ему» и пыталась представить женщину, которая её написала. Хотя почерк был её собственным, та версия Лиэль всё равно казалась почти посторонней.

— Значит, печать не просто закрывает прошлое, — сказала девушка, медленно подбирая слова. — Она делает так, что прежняя я перестаёт ощущаться мной.

— Возможно, в этом и есть часть цены, — произнесла Мира, опуская глаза.

На несколько секунд комната погрузилась в тишину. За стеной библиотечная тележка с тихим металлическим скрипом проехала между стеллажами, кто-то далеко в коридоре закрыл

дверь, а серебряные линии внутри таблетки всё ещё светились под лампой, словно происходящий разговор к ним не относился. Кай первым вернулся к практической части.

— Есть ещё одна вещь, которую важно учитывать, — сказал он, осторожно закрывая пластину защитным стеклом. — Если таблетка действительно поддерживает уже существующую структуру, прекращение подпитки не обязательно вернёт память сразу и в правильном порядке. Судя по тому, что вы описываете, сейчас возвращаются отдельные фрагменты.

Лиэль вспомнила женщину в белом, горящий коридор и руку Рейвена в серебряном свете.

Теперь эти эпизоды выглядели не как случайные кошмары, а как отдельные трещины в конструкции, которая слишком долго оставалась закрытой. Она подняла взгляд на Миру.

— Но я уже пропускала целую дозу, — напомнила Лиэль. — В тот вечер ничего заметного не случилось. А мужчину в зеркале я увидела уже после следующей таблетки.

— Значит, дело может быть не только во времени приёма, — сказала Мира. — С тех пор воспоминания возвращаются, хотя ты продолжаешь принимать таблетки.

— Печать могла стать менее устойчивой, — добавил Кай. — Или на неё действует что-то ещё. По одному пропуску мы не можем предсказать, что произойдёт теперь.

Лиэль посмотрела на серебряные линии под стеклом.

— Я всё равно хочу проверить, что произойдёт, если сегодня принять таблетку немного позже.

— Ты хочешь пропустить дозу? — спросила архивистка, положив обе ладони на стол.

— Нет. Только задержать. Я не собираюсь сегодня ломать печать целиком, но хочу увидеть, действительно ли между временем приёма и этими вспышками есть связь.

Мира посмотрела на Кая. Тот задумчиво провёл пальцами по подбородку.

— Если делать это, то только здесь, под наблюдением, — сказал Кай. — Но я не могу назвать промежуток, который точно будет безопасным. При первых изменениях прекращаем.

Лиэль снова посмотрела на архивистку. Та по-прежнему держала ладони на столе, прижимая пальцы к его краю.

— Тогда остаёмся здесь, — сказала та. — И если станет хуже, ты не будешь пытаться терпеть ради того, чтобы получить ещё один фрагмент.

Лиэль кивнула. Ей хотелось проверить связь, но уверенность, с которой она предложила эксперимент, уже ослабла.

***

К вечеру библиотека постепенно опустела, и они переместились в маленькую служебную комнату возле архива. Там стояли старый диван, два кресла, низкий стол и узкое окно, за которым дождливый Вельмир мерцал редкими неоновыми вывесками. Мягкий жёлтый свет под потолком делал помещение почти уютным, и именно поэтому происходящее казалось ещё более неестественным.

На столе лежали контейнер с таблеткой, стакан воды, часы, блокнот и несколько листов для наблюдений. Кай сидел чуть поодаль с ноутбуком. Мира записала на листе имя Лиэль, время, обозначение образца и кратко описала её состояние, затем сфотографировала запись. Только после этого устроилась в кресле напротив дивана с книгой, которую так и не начала читать.

Лиэль сидела, подтянув одну ногу под себя, и смотрела на контейнер. Чем ближе подходило привычное время приёма, тем сильнее раздражало понимание, что раньше этот момент вообще не требовал решения, тогда как теперь каждая минута превращалась в сознательный выбор между поддержкой неизвестной печати и неизвестными последствиями её ослабления.

Когда приблизилось обычное время вечернего приёма, Лиэль попросила отметить начало наблюдения. Ничего не произошло.

Девушка сначала даже почувствовала разочарование. Комната осталась прежней, дождь всё так же стучал по окну, Мира по-прежнему слишком долго смотрела на одну страницу книги, а Кай только записал время в блокнот.

Первые несколько минут Лиэль прислушивалась к телу почти болезненно внимательно, но дыхание оставалось ровным, сердце билось обычно, а никаких новых образов не появлялось. Только ближе к десятой минуте возникло лёгкое давление за глазами, похожее на усталость после долгого чтения, хотя постепенно ощущение стало глубже и неприятнее.

Она рассказала об этом, и Кай записал время. Мира закрыла книгу, пересела ближе и пододвинула контейнер с таблеткой.

— Давай остановимся, — попросила она. — Не нужно ничего выдерживать ради эксперимента.

Лиэль кивнула и потянулась к контейнеру, но в этот момент изменился свет.

Сначала показалось, что лампа возле шкафа начала мерцать, однако её отражение оставалось стабильным. Вместо этого тень от полки вытянулась в другую сторону, а поверх деревянной стены на мгновение проступила светлая поверхность, покрытая тонкими серебряными линиями. Лиэль резко выпрямилась. Мира заметила движение почти сразу.

— Что происходит?

Девушка собиралась ответить, но комната уже исчезала.

Перед ней возник другой стол, тёмный деревянный, с хорошо знакомой царапиной возле края. На столе лежал раскрытый чёрный ежедневник, и собственная рука быстро писала на его странице, вдавливая ручку настолько сильно, что пальцы начинали болеть. За дверью слышались негромкие, но достаточно близкие шаги.

Внутри воспоминания жило такое сильное ощущение нехватки времени, что Лиэль почувствовала его уже нынешним телом. Рука двигалась быстрее, одна буква получилась неровной, ручка на секунду соскользнула, после чего она снова прижала её к бумаге.

Когда он придёт…

Строчка исчезла вместе со столом. Библиотечная комната вернулась резко, но ощущение спешки осталось.

Лиэль обнаружила себя сидящей на диване и сжимающей край подушки обеими руками. Дыхание стало слишком быстрым, ладони похолодели, а взгляд несколько секунд не мог окончательно сфокусироваться на знакомом пространстве.

— Посмотри на меня, — произнесла архивистка негромко, присев на край низкого стола напротив неё. — Ты сейчас здесь. В библиотеке.

— Я видела ежедневник, — ответила Лиэль, с трудом сосредоточившись на её лице. — Кажется, именно тот момент, когда писала записку.

— Что ещё было?

Девушка провела ладонью по виску и попыталась удержать изображение, но оно уже начинало распадаться на ощущения.

— Шаги за дверью. Я торопилась и очень боялась, что не успею закончить. Но я не понимаю, кого ждала и боялась ли вообще именно человека за дверью.

— Тогда не вытягивай больше. Я запишу, — сказала Мира, пододвигая ей воду и открывая контейнер.

Лиэль потянулась к таблетке, но дрожащие пальцы не сразу смогли подхватить её. Давление за глазами усилилось. Теперь появилось ощущение, будто две версии пространства пытаются существовать одновременно: деревянный шкаф оставался перед ней, но за ним временами проступала белая стена, а мягкий жёлтый свет комнаты на секунды становился холодным и серебристым. Кай внезапно перестал печатать.

— Мира, посмотри сюда, — позвал он, глядя на лист с сегодняшними наблюдениями.

Архивистка поднялась и подошла к столу.

На бумаге находилась строка, которую она сама написала до начала эксперимента. Время, краткое описание состояния и обозначение образца остались на месте, однако там, где было имя, теперь белел чистый промежуток.

Имя Лиэль исчезло. Буквы не размазались и не побледнели, как старые чернила. Поверхность выглядела так, словно имя никогда не было написано.

Мира подняла лист к лампе, повернула под другим углом, затем быстро достала телефон и открыла фотографию, сделанную раньше. На снимке её почерк оставался целым.

Лиэль почувствовала, как прежняя тревога меняет форму. Пока эксперимент касался только её ощущений и памяти, происходящее можно было воспринимать как внутренний процесс, но теперь изменился материальный след, который лежал в нескольких метрах от неё.

— Ты помнишь, что написала моё имя? — спросила девушка.

— Помню. И точно знаю, где оно находилось, — ответила Мира, сразу посмотрев на неё.

Кай закрыл ноутбук и отодвинул его в сторону. На его лице уже не было исследовательского интереса, только сосредоточенность человека, который понял, что получил достаточно данных.

— Посмотрите: изменился сам лист, — сказал Кай. — Не только то, что видит Лиэль.

— Лиэль, прими таблетку, — попросила архивистка, медленно кладя лист обратно на стол.

Она произнесла это осторожно, без нажима, однако напряжение в плечах и слишком неподвижные пальцы выдавали настоящий страх. Лиэль посмотрела на контейнер.

Ещё недавно она проглотила бы таблетку, почти не задумываясь. Теперь это означало сознательно поддержать магическую структуру, которая годами закрывала часть её собственной жизни, и рука не сразу потянулась к столу. Мира заметила колебание.

— Если примешь её сейчас, это не означает, что ты согласилась жить с печатью всегда, — сказала она тихо. — Это только даёт нам время понять, что происходит и как действовать дальше без резкого обрыва.

Лиэль перевела взгляд на исчезнувшее имя. Возражать было трудно именно потому, что смысл слов казался разумным. Кай молча придвинул стакан воды.

Девушка наконец взяла таблетку из открытого контейнера и несколько секунд держала её между пальцами, словно впервые действительно видела. Потом положила на язык и сразу запила водой, всё ещё испытывая неприятное чувство, будто собственноручно закрывает дверь, которая только начала приоткрываться.

Мгновенного облегчения не произошло. Серебристый оттенок ещё несколько минут появлялся поверх жёлтого света, белая стена временами проступала за шкафом, а давление за глазами уменьшалось медленно, настолько постепенно, что сначала Лиэль не была уверена, действительно ли становится легче. Только спустя некоторое время комната окончательно перестала двоиться.

Она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, прислушиваясь к тому, как возвращается ощущение единого пространства. Именно облегчение раздражало сильнее всего, потому что оно подтверждало связь между таблеткой и происходящим гораздо убедительнее любых слов.

Мира всё это время оставалась рядом, не задавая вопросов. Когда Лиэль снова открыла глаза, архивистка только внимательно посмотрела на неё.

— Стало легче?

— Да, — ответила девушка, прислушавшись к остаточному напряжению за глазами. — И именно поэтому мне это совсем не нравится.

Мира опустила взгляд на пустой контейнер и не стала возражать.

***

Домой Лиэль вернулась после полуночи. Мира настояла, что хотя бы проводит её до подъезда, и всю дорогу они почти не разговаривали. Дождь стал тонким и почти прозрачным, в свете уличных фонарей отдельные капли казались серебряными, а старые стены Вельмира блестели так, словно город тоже долго не мог высохнуть.

Перед дверью подъезда архивистка остановилась. Несколько секунд она поправляла ремень сумки и явно подбирала слова, чтобы просьба не прозвучала очередным распоряжением.

— Я очень хочу, чтобы при следующем приёме ты не меняла время самостоятельно, — сказала она наконец. — Не потому, что считаю тебя неспособной решить самой, а потому что мы пока не понимаем, насколько далеко может распространиться нестабильность.

— Я не собираюсь повторять этот эксперимент одна, — ответила Лиэль, взявшись за холодную металлическую ручку двери.

Мира заметно расслабилась, но ничего не добавила. Девушка уже хотела войти, однако вопрос, который возник ещё в библиотеке, не отпускал.

— Если моё имя исчезло с бумаги, печать действует не только на мою голову?

Архивистка посмотрела на мокрую улицу, где в лужах дрожали отражения вывесок.

— Похоже, память в этой магии хранится не только внутри человека. Фотография уже реагировала, кулон хранит след, теперь изменился текст. Возможно, печать связана и с внешними свидетельствами о тебе, но я пока не знаю, насколько широко.

— И что именно она удерживает кроме воспоминаний, тоже неизвестно?

— Пока мы видели только то, что во время задержки вернулось воспоминание и исчезло имя, а после таблетки тебе стало легче. Как именно это связано и что ещё затрагивает печать, мы не знаем.

Лиэль некоторое время смотрела на неё, после чего кивнула. Раньше такой ответ вызвал бы раздражение, но сегодня признанное незнание воспринималось почти честнее любой красивой теории.

***

Проснувшись поздним утром, девушка решила сама найти Рейвена. После ночи в библиотеке появился вопрос, на который ни архив, ни Мира с Каем ответить не могли.

«After Moon» оказался почти пустым. Лиэль заняла привычный столик у окна, заказала чай и открыла блокнот, пытаясь ещё раз перечитать свои записи о таблетках, однако через несколько минут поняла, что просто водит взглядом по одним и тем же строкам.

Рейвен появился примерно через полчаса.

Увидев её, он остановился возле двери и не подошёл сразу. Несколько мгновений мужчина просто смотрел в её сторону, будто проверял, действительно ли она хочет встречи, и только после того, как Лиэль сама подняла руку, направился к столику.

— Я сама тебя искала, — сказала девушка, когда он остановился рядом. — Так что правило всё ещё действует.

— Можно сесть? — спросил Рейвен, снимая перчатки.

Лиэль указала на свободный стул.

Он устроился напротив и почти сразу заметил пустой контейнер возле блокнота. Взгляд изменился, а пальцы, которыми мужчина складывал перчатки, замедлились.

— Вы что-то выяснили?

Девушка несколько секунд наблюдала за ним, потому что теперь ответ был важен не меньше слов.

— Таблетки не являются обычным лекарством. Внутри есть магический носитель, который поддерживает печать памяти во мне.

Рейвен не удивился.

Он не спросил, уверены ли они, не посмотрел на контейнер внимательнее и даже не изменил позу. Это отсутствие реакции сказало достаточно. Лиэль медленно положила ладонь поверх блокнота.

— Ты знал.

— Да, — ответил мужчина, опустив взгляд.

Она ожидала вспышки злости, но вместо неё пришло почти усталое разочарование.

— Когда просил меня не прекращать их резко, ты уже понимал, что они удерживают печать.

— Да, — повторил Рейвен, а затем провёл ладонью по затылку. — Я знал достаточно, чтобы понимать, что резкий отказ может быть опасным. Но не всё, что происходит с печатью сейчас, мне понятно.

Лиэль несколько секунд молчала, стараясь не возвращаться к старому спору о том, почему он опять не рассказал больше.

— Вчера я приняла таблетку позже обычного. С начала наблюдения прошло чуть больше двадцати минут, — сказала она вместо этого.

Изменение в нём произошло мгновенно. Пальцы перестали складывать перчатки, плечи напряглись, а сам мужчина подался чуть вперёд.

— Зачем?

От резкости его голоса Лиэль невольно выпрямилась.

— Хотела проверить связь.

— И что произошло?

Лиэль рассказала о возвращённом фрагменте с ежедневником, о наложении двух пространств и об исчезнувшем имени на листе наблюдений. Пока она говорила, Рейвен почти не перебивал, но напряжение постепенно усиливалось: пальцы несколько раз сжимали край перчатки, взгляд уходил к окну и возвращался, а после упоминания изменившейся записи он на несколько секунд провёл ладонью по рту.

— Не делай этого одна, — произнёс он, когда она закончила.

— Я была не одна. Со мной находились Мира и Кай.

— Тогда не рассчитывай, что следующий раз пройдёт так же, даже если они рядом, — ответил Рейвен, поднимая глаза.

— Ты боишься чего-то конкретного, — произнесла Лиэль, чуть наклонившись вперёд.

Мужчина не ответил сразу. Он разжал перчатку и положил её рядом, словно понял, насколько заметно выдаёт напряжение.

— Я боюсь, что печать удерживает не только доступ к твоим воспоминаниям.

— Мы тоже это подозреваем после исчезнувшего имени. Что ещё?

Рейвен посмотрел на неё слишком долго.

Лиэль не торопила, хотя по старой привычке хотелось потребовать ответ сразу. Ей показалось, что на этот раз он сам не уверен в ответе.

— Я бы не представлял печать как обычную дверь, за которой лежит прошлое, — произнёс он наконец. — Она связана с тем, что осталось после Аэлирии, и с тем, что произошло между нами. Если её разрушить, последствия могут оказаться шире возвращения воспоминаний.

Лиэль почувствовала неприятный холод под кожей.

— Ты знаешь какие?

— Не настолько, чтобы утверждать, — ответил Рейвен, медленно покачав головой.

— Тогда это версия.

— Да.

Простое признание позволило не превращать его слова в истину. Девушка коснулась пальцами контейнера.

— Ты создал таблетки?

— Нет, — сразу ответил Рейвен, вскинув голову.

Ответ прозвучал без паузы. Лиэль посмотрела на его руки. Привычного движения большого пальца не было.

— Но ты знаешь, кто создал систему.

На этот раз взгляд ушёл к окну, а большой палец медленно провёл по боковой стороне указательного. Девушка заметила жест, но не продолжила. Ей показалось, что этот ответ он всё-таки знает.

***

Вечером Мира позвонила сама. Лиэль сидела на кухонном подоконнике, завернувшись в толстую кофту, и наблюдала, как малиново-розовая вывеска с противоположной стороны улицы отражается в тёмном стекле. Матовый флакон стоял рядом, хотя обычно оставался в шкафчике, и девушка время от времени машинально касалась его пальцами.

— Я сверила астрономические записи с новым прогнозом, — сказала Мира. Вокруг неё было непривычно тихо, поэтому, вероятно, она уже находилась дома. — Теперь могу сказать, когда ожидается следующая розовая луна.

— Когда следующая? — спросила Лиэль, перестав вертеть флакон.

Архивистка назвала дату. Девушка ничего не ответила сразу. Она слезла с подоконника, включила лампу над столом и открыла флакон.

Впервые за долгое время таблетки были высыпаны все сразу на чистую салфетку.

Маленькие розовые кружки легли неровным рядом, и Лиэль медленно пересчитала их, затем повторила счёт ещё раз, потому что слишком не хотелось ошибиться. После каждого вечернего приёма их становилось меньше. Теперь весь остаток лежал перед ней, и прятаться за неопределённым «ещё есть» больше не получалось.

Рядом лежала старая записка:

«НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ.»

До сегодняшнего дня эти слова оставались предупреждением, смысл которого можно было трактовать почти как угодно. Теперь Лиэль знала больше: таблетки, по всей видимости, поддерживали печать внутри неё. Первый пропуск прошёл без заметных последствий, но после него странности нарастали, а вчера во время короткой задержки изменился даже текст на бумаге. Рассчитывать на прежнюю устойчивость она больше не могла.

— Лиэль? — тихо позвала Мира, услышав затянувшееся молчание.

Девушка собрала таблетки обратно во флакон, аккуратно закрыла крышку и ещё некоторое время не убирала его со стола.

— Я здесь. Просто впервые пересчитала их, зная, что они на самом деле делают.

Архивистка не спросила, сколько осталось, и не стала успокаивать обещанием, что они обязательно найдут ещё. Наверное, именно поэтому молчание между ними прозвучало честнее любых слов.

Лиэль посмотрела на отражение розового света в окне, затем на записку и на флакон рядом с ней. До сих пор тайну можно было исследовать в собственном темпе, отступая после тяжёлого разговора, откладывая архив на следующий день или решая, что сегодня она не готова задавать ещё один вопрос.

Теперь это ощущение исчезало.

Розовая луна приближалась, запас таблеток был конечным, а печать уже начала давать трещины. Лиэль ещё не знала, сколько времени у неё есть, но больше не могла считать его неограниченным.

Глава 13. Девушка с белыми волосами

Утром после разговора с Мирой Лиэль долго не убирала флакон обратно в шкафчик. Он стоял на кухонном столе рядом с запиской, на которой всё ещё чернели слова «НЕ ПРИНИМАЙ ПОСЛЕДНЮЮ», и теперь эти два предмета наконец перестали казаться случайно соседствующими частями её жизни. Раньше предупреждение относилось к чему-то непонятному и оттого почти абстрактному, но после исследования таблетки смысл стал конкретнее и гораздо неприятнее: судя по наблюдениям, каждая доза поддерживала печать, во время последней задержки прошлое уже прорвалось наружу, а приближающаяся розовая луна каким-то образом была связана с похожими событиями, происходившими с ней два года назад.

Девушка убрала таблетки только после того, как дважды проверила крышку флакона. Потом открыла окно и некоторое время стояла, прислонившись плечом к раме, позволяя прохладному воздуху постепенно вытеснить из кухни запах кофе. Ночной дождь закончился, но город ещё не высох: асфальт отражал вывески, вода лениво падала с карнизов, а старые кирпичные стены соседнего дома стали почти чёрными от влаги. Внизу открывалась маленькая пекарня, и запах тёплого теста на несколько секунд проник в квартиру вместе с уличным шумом, напоминая, что за пределами её расследования всё ещё существовала обычная жизнь.

Лиэль заставила себя позавтракать, убрать посуду и даже застелить кровать после нескольких дней, когда бытовые вещи перестали иметь значение. Потом вернулась к блокноту, где на одной странице находилась дата следующей розовой луны, на другой — наблюдения после задержки таблетки, а чуть дальше — отдельно выписанные факты и предположения о Рейвене. Последняя запись задержала взгляд дольше остальных: Рейвен, похоже, знает, кто создал систему таблеток, но не рассказал.

Ещё несколько дней назад подобная мысль немедленно заставила бы её искать его и требовать продолжения. Сегодня Лиэль закрыла блокнот. Она сама попросила мужчину не появляться без приглашения, а потом нарушила собственную дистанцию почти сразу, потому что возник новый вопрос. Продолжать в таком режиме означало постепенно сделать Рейвена центром каждого своего решения, а этого хотелось избежать не меньше, чем возможной лжи с его стороны.

Телефон завибрировал возле чашки. Нора предложила встретиться после смены, но девушка отказалась, пообещав позвонить вечером. Рассказывать о печати в переписке не хотелось, а встреча означала несколько часов наблюдать за тем, как подруга старается не выглядеть встревоженной. Поэтому Лиэль решила сделать то, что ещё недавно было совершенно обычным: выйти из дома без плана, купить продукты и пройтись по Старому кварталу, не проверяя каждый поворот по собственной карте.

К середине дня Вельмир немного посветлел. Облака всё ещё висели низко, однако дождь прекратился, и в старых кварталах стало больше людей. Возле кофеен вынесли несколько столиков, продавцы под каменными арками раскладывали книги, открытки и дешёвые украшения, а трамваи проходили по мокрым рельсам с характерным металлическим звоном. Влажный воздух пах кофе, сырой древесиной и камнем, и город снова выглядел таким, каким Лиэль любила его раньше, когда каждая старая стена не казалась потенциальной уликой.

Она купила хлеб, фрукты и кофе, а потом ещё долго бродила между знакомыми улицами. Расслабиться всё равно не получалось. В отражении книжной витрины несколько раз мелькали прохожие в тёмных пальто, и каждый раз тело реагировало раньше сознания, ожидая увидеть Рейвена. Возле ювелирной лавки собственное лицо на секунду наложилось на серебряные подвески за стеклом, напомнив о спрятанном под одеждой кулоне, после чего девушка раздражённо поправила ремень сумки и заставила себя смотреть прямо перед собой. До следующего

перекрёстка оставалось несколько метров, когда из-под каменной арки справа прозвучало её имя.

Голос был спокойным и достаточно тихим, чтобы не привлечь внимания прохожих, но Лиэль остановилась мгновенно. За последние дни слишком многие знали её раньше, чем она успевала узнать их сама.

Под аркой, возле закрытой двери бывшей часовни, стояла молодая женщина. На первый взгляд ей можно было дать около двадцати пяти, хотя в Вельмире возраст по внешности редко что-либо означал. Очень светлые, почти белые волосы были собраны низко на затылке, несколько тонких прядей выбились и лежали вдоль щёк, а тёмное длинное пальто ещё сильнее подчёркивало её бледность на фоне старого камня.

Незнакомка не выглядела удивлённой встречей. Напротив, в том, как она смотрела на Лиэль, чувствовалось напряжённое облегчение человека, который боялся опоздать. Девушка не стала подходить ближе и только удобнее перехватила бумажный пакет с покупками.

— Мы знакомы? — спросила она, внимательно наблюдая за лицом женщины.

Та слегка наклонила голову, словно ожидала именно такого начала разговора. Её взгляд прошёл по сумке, задержался возле воротника, под которым находился кулон, и только потом вернулся к глазам Лиэль.

— Не так, как тебе хотелось бы, — ответила незнакомка.

Этой одной фразы оказалось достаточно, чтобы раздражение вытеснило первую тревогу. За последнюю неделю Лиэль выработала почти физическую неприязнь к людям, начинающим разговор с намёка на общее прошлое, а затем превращающим любой прямой вопрос в испытание терпения. Она немного сместилась в сторону, освобождая проход женщине с коляской, и только после этого снова посмотрела на собеседницу.

— Тогда давай сэкономим время. Если сейчас выяснится, что ты давно меня знаешь, но ничего не можешь объяснить, потому что правда слишком сложная, разговор закончится очень быстро.

— Ты всегда начинаешь говорить жёстче, когда боишься, — заметила незнакомка. В её лице мелькнула усталость; вынув руку из кармана, она провела большим пальцем по простому серебряному кольцу.

Лиэль почувствовала, как плечи невольно напряглись. Фраза попала слишком точно, но вместо того чтобы позволить это заметить, она поставила пакет на сухой участок каменного выступа и освободила руки.

— Если ты пытаешься доказать, что знаешь меня, придётся придумать что-нибудь убедительнее обычной психологии.

— Я не пришла доказывать, что знаю тебя, — ответила она, покачав головой. — Я пришла предупредить.

Лиэль некоторое время смотрела на неё, после чего тихо выдохнула. Почти хотелось рассмеяться, но не от веселья, а от усталости.

— Тогда ты немного опоздала. У меня уже есть предупреждения от самой себя, Рейвен с его неполной версией прошлого и Мира, которая хотя бы научилась говорить, когда ничего не знает.

При имени Рейвена лицо незнакомки изменилось. Совсем немного, но достаточно, чтобы это нельзя было списать на случайность: пальцы замерли на кольце, а взгляд стал тяжелее.

— Значит, он уже нашёл тебя, — произнесла незнакомка так, словно это подтверждало её опасения.

Лиэль не ответила сразу. Мимо арки прошла пожилая пара, заставив обеих женщин чуть сместиться ближе к стене, однако незнакомка не воспользовалась движением, чтобы сократить расстояние. Это невольно успокоило больше, чем её слова.

— Почему тебя так тревожит, что мы встретились? — спросила Лиэль, когда прохожие удалились. — Ты знала, что он меня ищет?

— Я боялась, что вы встретитесь раньше, чем я успею поговорить с тобой, — ответила незнакомка после недолгого молчания.

— Тогда объясни почему.

— Ты уже выяснила, что таблетки не являются лекарством, — сказала собеседница, задержав взгляд возле шеи Лиэль.

Лиэль почувствовала, как холодеют пальцы, хотя день был достаточно тёплым.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, медленно снимая сумку с плеча. Она поставила её рядом с пакетом, чтобы ничто не мешало двигаться, если разговор перестанет быть безопасным.

— Потому что знаю, зачем они нужны, — ответила незнакомка, дождавшись, пока стихнет звон проходящего трамвая.

— Тогда объясни.

Пауза затянулась, и Лиэль заметила, как собеседница сжала губы, подбирая ответ.

— Не делай этого, — произнесла Лиэль прежде, чем та успела начать очередную осторожную формулировку. Она говорила негромко, но в голосе появилось напряжение. — Ты сама подошла ко мне, назвала по имени и заговорила о таблетках. С этого момента уже поздно изображать, что следующая часть информации слишком опасна для меня.

— Я не считаю тебя неспособной понять, — ответила та, выдержав её взгляд. — Я считаю, что одна фраза без контекста может оказаться такой же ложью, как намеренный обман.

Лиэль почувствовала неприятное узнавание. Почти теми же словами Рейвен оправдывал своё молчание, и от этого собеседница мгновенно стала менее надёжной.

— Значит, вы всё-таки похожи.

— Я не на его стороне, — резко сказала незнакомка, отступив на полшага. Она быстро справилась со злостью, но Лиэль успела её заметить.

— А стороны вообще существуют? — спросила девушка, чуть наклоняя голову.

— Существуют люди, которые помнят Аэлирию по-разному и хотят от её прошлого разных вещей, — ответила она уже спокойнее.

Это было первое действительно полезное утверждение за весь разговор. Лиэль немного приблизилась, но всё ещё оставила между ними несколько шагов.

— Ты была в Аэлирии? — спросила Лиэль.

Незнакомка посмотрела на старую дверь часовни, словно за ней находилось что-то, о чём ей не хотелось вспоминать.

— Моя связь с Аэлирией не тот вопрос, ради которого я пришла.

— Для тебя, может быть. Для меня именно тот.

— Я знаю, — тихо ответила она, но продолжать не стала.

— Тогда говори то, ради чего пришла, — потребовала Лиэль, скрестив руки на груди. Усталость от чужой осторожности становилась сильнее страха.

— Уезжай из Вельмира до следующей розовой луны, — произнесла незнакомка, взглянув на узкую полоску серого неба между крышами.

Несколько секунд девушка молчала. Город вокруг продолжал жить как прежде: из кафе через дорогу вышел мужчина с бумажным стаканом, велосипедист объехал лужу, где-то в глубине квартала звякнул колокол двери магазина. На этом фоне предупреждение казалось почти абсурдным.

— Почему именно до неё? — спросила Лиэль, не отводя взгляда.

— Потому что печать уже начала слабеть, а при розовой луне это ускорится, — ответила она. — То, что произошло с тобой сейчас, только начало.

— Что будет дальше? — спросила Лиэль, чувствуя неприятное напряжение в животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.